

CENTERO.RU
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ
КРИЗИСНОГО ОБЩЕСТВА

М.С. Михалев В.И. Якунин М.В. Вилисов

Пояса и пути ЕВРАЗИИ

В поисках человека

МОСКВА НАУКА 2018

УДК 327
ББК 66.4
М69

Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В.

Пояса и пути Евразии. В поисках человека / М.С. Михалев, В.И. Якунин, М.В. Вилисов. – М.: Наука, 2018. – 000 с. – ISBN 978-5-02-04142-6.

В книге подвергаются сравнительному анализу планы экономической, политической и культурной интеграции в Евразии, которые в настоящее время выдвигают страны Востока, при этом делается акцент на наличии в этих планах ярко выраженной гуманитарной составляющей. Особо подчеркивается, что многие из них строятся на принципах, коренным образом отличных от тех, которые до настоящего времени лежат в основе западного понимания целей и задач глобализации.

Для специалистов, занимающихся вопросами современных международных отношений, а также для читателей, интересующихся политическими, экономическими и культурными процессами, происходящими на Востоке.

ISBN 978-5-02-04142-6

© Михалев М.С., Якунин В.И.,
Вилисов М.В., 2018
© Центр изучения кризисного
общества, 2018
© ФГУП Издательство «Наука»,
редакционно-издательское
оформление, 2018

ВВЕДЕНИЕ.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РАЗРУШИЛ СССР

Поспешим огорчить как любителей теории заговоров, так и их разоблачителей. Далее не последуют громкие обвинения политиков или общественных деятелей, причастных, по разным причинам, к распаду СССР. Речь пойдет об «обычном советском человеке», непонимание и невнимание к интересам и чаяниям которого повлекли за собой столь противоречивое отношение этого человека к тем драматическим процессам, которые произошли с его страной, предопределили столь грандиозные изменения в мире и до настоящего времени влияют на состояние мировой и отечественной политики.

Основываясь на исследованиях А. Юрчака¹, поддержим тезис о том, что непонимание системы интересов советских людей, неспособность определить их реальную иерархию, влияние на поведение и сознание, невнимание к признакам нарастающих противоречий между официальной идеологией и мечтами людей о лучшей жизни создали предпосылки для *неожиданного* крушения огромной страны, находившейся на пике своего военно-политического могущества, обладавшей огромным экономическим потенциалом и служившей моделью и образцом для одних стран и серьезным раздражающим фактором для других. Эти ошибки были допущены не только в рамках отечественных общественных наук и политико-управленческой системы, но и западными экспертами по Советскому Союзу.

Воображаемые символы Запада и его жизненного уклада оказались важнее советской реальности и всех достижений советского строя. Те же люди, которые голосовали в марте 1991 года за сохранение СССР, без протестов и возмущений приняли его распад в декабре того же года. Для многих это поведение казалось иррациональным, коллективным помешательством². Для других оно

¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.

² Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. Москва: Алгоритм, 2007. 704 с.

показалось знаком закономерной победы одной формации, одного строя и идеологии над другим — известный тезис Ф. Фукуямы о «конце истории»³.

История показала, что не только в предсказании, но даже и в объяснении уже случившихся фактов и обстоятельств эксперты были не точны. Очередным сюрпризом для них стала реакция российского общества на события 2014 года и последующее противостояние России и Запада. Для многих экспертов, теперь уже на Западе, такое поведение казалось необъяснимым, а попытки говорить о «миссии российской цивилизации» или «российских традиционных ценностях» всего лишь элементами государственной пропаганды⁴. Другие исследователи все же указывали на стремление российского общества обрести новый политический идеал после крушения Советского Союза⁵.

Управление сложными социальными системами всегда сталкивается с такого рода трудностями, и очень часто для выяснения причин требуется сложный анализ, предполагающий достижение той глубины исследования, когда объектами становятся «элементарные частицы» общества, те самые «атомизированные индивиды», интересы и потребности которых, казалось бы, давно понятно и четко описаны в учебниках по маркетингу, менеджменту и связям с общественностью. Реальность в очередной раз оказалась сложнее любых научных теорий и идеологических доктрин. Концепт пост-индустриального общества подвергается испытаниям в рамках политических процессов в западных странах⁶. Российское общество демонстрирует приоритет «державных» ценностей над экономико-потребительскими, выражая недовольство и недоумение по поводу целого ряда социальных процессов на Западе, которые не позволяют более идентифицировать его в качестве идеала, объекта для подражания и «образа будущего».

Отрицание старого идеала — процесс сам по себе болезненный, логично должно вызывать к жизни процесс поиска нового ориентира, нового образа будущего, если все же исходить из того, что мир (и Россия в нем) готов оставаться в парадигме прогресса, то есть движения вперед, пусть, может быть, и не всегда пря-

³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. 588 с.

⁴ The Russian Challenge / Chatham House Report, 2015. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/russian-challenge-authoritarian-nationalism>

⁵ Lukin A. Russia's New Authoritarianism and the Post-Soviet Political Ideal. Post-Soviet Affairs, 2009. № 25. P. 66–92.

⁶ Якунин В.И. Феномен евроскептицизма в контексте электоральных процессов современной Европы // Полис. Политические исследования, 2017. № 5. С. 106–121.

молинейного. В этом плане для России в этот раз кажется наиболее логичным искать его на Востоке: как в силу геополитических причин (охлаждение на Западе привело к потеплению на Востоке), так и в силу прагматических (реальные успехи социально-экономического развития в Китае и других азиатских странах) и даже цивилизационных (содружество не-западных цивилизаций) обстоятельств.

Китайский пример по всем параметрам оказывается первым в очереди на изучение как в силу масштаба страны и ее экономики, так и в силу кажущейся схожести отдельных исторических процессов, когда Китай демонстрировал выбор иных, по сравнению с Россией, альтернатив развития, которые могут рассматриваться как причины нынешних успехов. Интерес добавляет и выдвигнутая недавно Китаем инициатива «Пояс и Путь», а также взятая на себя его лидером функция защиты сложившегося глобального порядка (по крайней мере – в части экономики) от резких и разрушительных изменений. Многие в этом увидели претензию как минимум на концептуальное, а может быть – и на политическое лидерство, если не глобального, так уж точно регионального (евразийского) масштаба.

Поэтому в первую очередь интерес представляет выяснение сути предлагаемых Китаем концептов, особенно в части апелляции к человеку, их приемлемость и применимость для России, новые возможности и угрозы, которые в связи с этим могут возникнуть. Естественно, что нельзя оставлять без внимания и альтернативные идеи и концепции понимания развития Евразии. Поэтому в книге собраны проекты для Евразии от Турции до Японии и Кореи, от Казахстана до Монголии. Они зачастую являются противоречивыми и даже конкурентными – но ведь на этапе творческих экспериментов иначе и быть не может, стоит только вспомнить, сколько концепций рождалось и обсуждалось европейскими интеллигентами в XVIII и XIX веках!

Несмотря на кажущиеся противоречия между разными концепциями у них сейчас, как и несколько веков назад, по сути, общая задача – это сформировать «образ будущего», способный привлечь и увлечь людей, дать мощный импульс для раскрытия и реализации своих способностей, конструктивного личностного развития не только в собственных, но и в общественных и государственных интересах.

Этот образ формируется в условиях кризиса глобализации, когда на арену активной политики опять возвращается национальное государство, возвращается в разных ролях: опасного для стран Запада «революционера-ревизиониста» (Россия, Иран, Турция);

прагматичного охранителя существующей глобализации, ставшего неожиданно ее главным выгодоприобретателем (Китай); самовластного или пока еще робкого, но поднимающего голову реформатора существующего мирового порядка (Индия, Бразилия).

Евразия в этом контексте становится весьма интересной лабораторией, скорее даже – испытательным полигоном для тестирования новых моделей развития: экономический и демографический потенциал континента является беспрецедентным (здесь производится более половины мирового ВВП и проживает 70% населения мира), равно как и концентрация новых акторов мировой политики, спектр их возможных воззрений на судьбы региона и мира, а также амплитуда политической активности. Посмотрим, какие же альтернативы здесь вызревают и что они предлагают человеку, с одной стороны, уставшему от экспериментов, с другой – стремящемуся увидеть ориентиры будущего.

Глава первая

СТРАДАНИЯ ПО ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На Востоке говорят о четырех благородных истинах: существует страдание; существует причина страдания; страдание может быть прекращено и существует путь, ведущий к прекращению страдания. Приступая к рассмотрению наблюдаемого в наши дни кризиса глобализации, стоит еще раз вспомнить эти слова. Перефразируя, можно утверждать, что данный кризис также представляет собой страдание, при этом существует причина этого кризиса; кризис может быть прекращен и существует путь, ведущий к прекращению кризиса.

...Сама глобализация неизбежна; это данность, с которой нужно смириться. Процесс интенсификации контактов между государствами, общественными и коммерческими организациями и отдельными людьми, проживающими подчас на значительном расстоянии друг от друга, обозначаемый этим термином, объективен и реален. Он не зависит от воли людей и их отношения к нему, а потому его существование нет необходимости отрицать или доказывать. Более того, процесс этот происходил во все известные исторические эпохи и при этом затрагивал всю территорию земного шара. В этом смысле можно говорить лишь о его недавнем ускорении, ставшем возможным благодаря развитию коммуникационных технологий и средств транспорта. Не стоит, на самом деле, полагать, что римский патриций был менее глобальным, чем современный крестьянин с Апеннин, или же то, что кроманьонец был не так свободен в своих передвижениях по Земле, как гражданин постсоветского Таджикистана. Первому из них, по крайней мере, не требовалось получать регистрацию по месту пребывания.

С другой стороны, и во времена Юлия Цезаря, и во времена Дональда Трампа существуют не менее серьезные силы и олицетворяющие их общественные деятели, которые по тем или иным причинам выступают за то, чтобы глобализация была ограничена. Именно они соорудили в далеком прошлом Великую Китайскую стену, именно они в настоящем надеются построить стену на границе США и Мексики. Силы эти настолько же объективны и ре-

альны, как и сама глобализация. Диалектическое взаимодействие выразителей их интересов с теми, кто олицетворяет собой стремление к расширению связей между народами Земли, до недавних пор обеспечивало сбалансированное протекание всего процесса международной интеграции. Истинная же проблема нашего времени заключается в том, что объективный процесс *глобализации* был довольно успешно идеологизирован, наделен вымышленными атрибутами и, как следствие, взят под контроль определенной группой людей. Как итог: в представлении наших современников он предстает уже в виде *глобализма* как учения о неизбежности, безальтернативности и бесповоротности глобализации, отрицающего наличие противоположных тенденций и возможность других, компромиссных путей эволюции человеческого общества¹.

Можно сказать, что силы, иницировавшие вышеуказанную подмену понятий, подобным не слишком замысловатым образом попросту экспроприируют естественный процесс, который протекал во все известные времена и, по всей видимости, будет протекать и в дальнейшем, причем безотносительно их в целом надуманных идеологических построений. В этом смысле они чем-то напоминают древних египетских жрецов, которые убеждали подданных фараона и его самого в том, что без их милостивого соизволения и без совершения ими тех или иных обрядов разлив Нила никогда не произойдет. Именно появление подобной касты жрецов глобализации и внедрение разработанной ими идеологии глобализма в массы и является причиной того страдания, с которым, как представляется, может быть и должно быть покончено. Существует и путь, ведущий к окончанию этого страдания. Точнее, путей этих несколько, и именно их разнообразие гарантирует то, что мы не попадем однажды в путы нового глобализма, просто сменив одну идеологию глобализации на другую. Поиск этих путей, способных вывести нас из кризиса, и составляет содержание этой книги.

Глобализм: история болезни

Разделив понятия глобализации и глобализма и обозначив цель исследования как поиск возможностей освобождения первого от наслоений второго, мы должны, прежде всего, попытаться понять, кем являются эти новоявленные жрецы глобализации, а также каким образом им удалось создать и при этом столь успешно рас-

¹ Яркими представителями глобализма как идеологии являются К. Поппер, Ж. Аттали, И. Валлерстайн, З. Бжезинский, Ф. Фукуяма.

пространить свое учение. В принципе, никакого секрета здесь нет. Хорошо известно, что глобализм как метод присвоения группой людей прав контроля над естественным ходом вещей есть характерное порождение западноевропейской мысли. Именно представители Европы отличаются «избыточным чувством далекого»; именно западная мысль жестоко страдала, если не могла по своему желанию обуздать время и покорить пространство. Западный человек испытывает воистину неутолимую потребность постоянно разлагать на составные части, механизировать, концептуализировать и, в конечном итоге, ставить себе на службу всю видимую и даже невидимую реальность. Нет смысла рассуждать о тщетности этих его попыток уловить неуловимое и приручить неприручаемое. Стоит лишь еще раз подчеркнуть, что глобализм как попытка человека взять под свой контроль объективно существующие и при этом независимые от его воли процессы глобализации могла быть порождением лишь европейской мысли. Стало быть, само его появление, дальнейшее развитие и текущий кризис, а также ключевые особенности требуется рассматривать исключительно в контексте развития всей западной цивилизации.

Тревожные явления в мировой экономике и кризис политических основ глобального мира как порождения этой самой цивилизации заметны в наши дни невооруженным взглядом, а дискуссии по поводу причин и последствий этих процессов превратились за последнее время в обыденность². Было бы, однако, непростительным упрощением полагать, что разворачивающийся на наших глазах системный кризис глобализма, действительно с самого начала формировавшегося в жестких рамках западной системы ценностей, является событием неординарным или в какой-то степени непредвиденным. Скорее, следует утверждать, что происходящее в наши дни является резким обострением вялотекущей хронической болезни, история которой измеряется уже столетиями³. Именно сейчас, однако, симптомы этого застарелого недуга прояв-

² Так, к примеру, описывается будущее в докладе Римского клуба: «К середине следующего столетия в сегодняшних промышленно развитых странах будет проживать менее 20% всего населения земного шара. Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего». *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. Москва: Прогресс-Пангея, 1991.

³ В конце концов, об этом еще столетие назад писал Ленин. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк). Полн. собр. соч., т. 27. Москва: Изд-во политич. литературы, 1969. С. 299–426.

ляются столь отчетливо, что отмечаются уже не только философами или социальными мыслителями, способными предвосхищать те или иные события задолго до их возникновения, или же специалистами общественных наук, которые в состоянии разглядеть их наличие на ранней стадии. Симптомы эти стали видны всем – отсюда и резко возросший градус дискуссии.

Между тем еще во второй половине XIX века великий русский мыслитель Николай Данилевский, которого справедливо считают родоначальником цивилизационного подхода, пояснял, что поначалу процесс угасания можно по ошибке принять за период расцвета. Он подчеркивал, что «момент высшего развития тех сил или причин, которые производят известный ряд явлений, не совпадает с моментом наибольшего обилия результатов, проистекающих из постепенного развития этих сил»⁴. Как мы все понимаем, наступление летнего солнцестояния еще не означает того, что погода тут же изменится и на следующий день похолодает – скорее, наоборот, ведь оставшиеся два месяца лета способны подарить нам самые жаркие из мгновений года. Однако мы все же в состоянии предвидеть, что похолодание с неизбежностью случится через некоторый период времени после наступления этой даты – в полном соответствии с законами природы. Подобные же закономерности применимы и в отношении цивилизаций, указывал Данилевский.

Для каждой из них своеобразным «днем летнего солнцестояния» является время расцвета искусств и философски-энциклопедического знания, которое наблюдалось в Европе как раз в XIX веке. В то же самое время русский мыслитель напоминал и о том, что «период положительной, особенно же практической, применительной науки характеризует то время, когда творческие, общественные силы уже довольно далеко оставили за собой эпоху своего летнего солнцестояния»⁵. По всей вероятности, предчувствие этого периода расцвета практической науки, который никогда не устает впечатлять сторонних наблюдателей своими результатами, но при этом неминуемо приводит к угасанию истинно творческих сил любой цивилизации, уже столетие назад спровоцировало Освальда Шпенглера на написание провокационной и до конца непонятой работы, которую он озаглавил «Закат Запа-

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва: Институт Русской Цивилизации. Благословение, 2011. С. 203.

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва: Ин-т Русской Цивилизации. Благословение, 2011. С. 206.

да»⁶. Она так точно отразила дух и суть начала XX века, что всерьез завладела воображением современников. На самом деле, говорить о закате Европы было в те годы несколько преждевременно. Скорее, это было острое предчувствие того неизбежного тупика, в который заведут весь западный мир разгул нигилизма и две мировые войны. Их ужасы, казалось, должны были окончательно поставить крест и на колониальной системе как предвестнице современного глобализма, и на самой Европе как вечном двигателе и бесспорном лидере глобальных преобразований.

В отличие от самих жителей Старого Света, принявшихся в послевоенное время отрицать самих себя в порыве постмодернистского фигурства, западная цивилизация в целом, а с ней и имманентные ей идеи глобализма, однако, оказались на удивление живучими. Сохранить влияние и силу им удалось во многом благодаря своим окраинным, фронтирным районам, к которым можно было без всяких натяжек отнести и Советский Союз, и Соединенные Штаты Америки. Обе эти сверхдержавы второй половины XX века, культурная идентичность которых строилась на базе достижений западноевропейской цивилизации периода расцвета, но которые при этом впитали в себя десятки, если не сотни других, резко отличных от нее культур, продлили триумф глобализма еще на несколько десятилетий, обеспечив для него вполне комфортное «бабье лето». Именно развитие и творческое переосмысление элитами СССР и США идей экспансии, присущих в целом западному взгляду на мир, стали важнейшим условием роста влияния этих двух стран и в то же время превратились в неиссякаемый источник их постоянных конфликтов между собой. Связано это противостояние было с острой борьбой идеологий, которая успешно маскировала общую безыдейность внешней экспансии, необходимость которой была продиктована имперским прагматизмом обоих сверхдержав. При этом, в то время как советский проект предполагал расширение социалистического лагеря на основе идей равенства и братства, американский план подразумевал строительство общего рынка на базе разделяемых союзниками США ценностей пресловутого «свободного мира».

Интересно: в том, что касается конечных целей развития, обе послевоенные школы глобализма оказались, по сути, едины. С одной стороны, венцом развития капитализма в Америке стали счи-

⁶ Именно так в переводе с немецкого на русский язык звучит оригинальное название работы Шпенглера: «Der Untergang das Abendlandes». В России оно, как правило, переводится как «Закат Европы», что, на наш взгляд, не до конца отражает суть. *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte.* С.Н. Beck: Munchen, 1923.

тать строительство «общества потребления», в котором истинно свободным почитался лишь тот, кто мог *свободно* удовлетворить любую свою потребность. Образ беспечного потребителя, в конце концов, подменил собой даже протестантскую этику капитализма по Веберу. В то же самое время конечной целью строительства коммунизма была объявлена возможность общества воздать каждому по потребностям, что, как не трудно заметить, вовсе не противоречило идеалам капиталистического потребительского рая, в котором удовлетворению потребностей также придавалось ключевое значение. Различался лишь способ достижения конечной цели развития: в то время как советская система предполагала наличие стороннего «воздающего», капиталистическая подразумевала, что человек добывается своего потребительского рая самостоятельно и за счет других.

Как показала история, американская модель оказалась успешнее. Ее триумф в самом конце XX века, в свою очередь, привел к появлению многочисленных спекуляций на тему конца истории, который так удачно сформулировал американский ученый Ф. Фукуяма⁷. Под концом, как несложно догадаться, подразумевалось бесповоротное торжество на всей территории планеты западной либеральной модели. Таким образом, глобализм окончательно легитимизировал свое право на универсальность, или, говоря другими словами, провозгласил себя единственным обладателем «мандата Неба на управление Поднебесной». Как известно, одной из характерных черт «общества потребления», который в свое время сформулировал Ж. Бодрийяр, является подмена объективной реальности симулякрами⁸. Симптоматично, что, в конце концов, именно это излишнее увлечение виртуальностью сыграло злую шутку с наслаждавшимися своим торжеством Соединенными Штатами Америки. В блаженной неге самоуспокоения они упустили тот важный момент, когда реальный блеск глобализма потускнел настолько, что сначала ему было отказано в моральном превосходстве, а вскоре и сама неизбежность его триумфа была поставлена под сомнение.

Точную дату, знаменующую этот перелом, трактуют по-разному. Кто-то принимает за него события 11 сентября 2001 года, когда западноевропейская цивилизация неожиданно для себя осознала, что у современного глобализма существует и темная сторона, своеобразный мистер Хайд – жестокий, неуловимый и при этом отка-

⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва: Культурная революция; Республика, 2006.

зываются подчиняться общепринятым правилам. Другие же вспоминают о мюнхенской речи 2007 года президента России Владимира Путина, который заявил о несостоятельности любых попыток построить однополярный мир. Говорят и о том, что настоящим символом завершения «конца истории» по Фукуяме можно считать беспрецедентный рост экономики Китая, фантастические успехи социалистической модели которого лучше любых речей и лучше любых актов устрашения доказывают тщетность претензий западного мира на эксклюзивное обладание истиной.

Однако представляется, что самый сильный удар по глобализму как идеологическому базису западной модели мироустройства был все же нанесен в 2008 году, когда разразился системный кризис, потрясший самые основы глобальной экономической системы. С одной стороны, с точки зрения объективных показателей, мировая экономика восстановилась практически сразу же и, несмотря на лавину апокалиптических прогнозов, до настоящего времени показывает довольно стабильный рост⁹. С другой, в те дни был бесповоротно испорчен тот сладкий, глянцевоый образ единственно верной системы функционирования общества, который насаждался народам планеты десятилетиями. Уверовавшим было в непогрешимость либеральной рыночной экономики людям кризис 2008 года, в конце концов, открыл глаза на то, что король-то, что называется, голый. Невидимая и всемогущая рука рынка в этот раз, очевидно, не сработала, и стало очевидно, что глобальная экономика, построенная на основе западных ценностей и рыночных механизмов, не является безупречной. Стало быть, осознали в те дни многие, желательным является поиск новых рецептов развития, которые могли бы составить альтернативу тому, что так устойчиво все эти годы предлагали на Западе¹⁰.

В этом смысле можно утверждать, что так называемый кризис 2008 года явился, если вновь вспомнить здесь учение Данилевского о циклах развития цивилизаций и связанных с ними идеологических построений, своеобразным «первым заморозком» глобализма. Безусловно, в настоящее время преждевременно говорить о конце западноевропейской модели развития или об окончательном закате глобализма, идеологическую основу которого он представляет,

⁹ Об этом можно судить на основе графика роста мирового ВВП: URL: <https://www.economist.com/news/economic-and-financial-indicators/21599367-world-gdp>

¹⁰ В этом смысле характерным является признание всеобъемлющего кризиса современного капитализма, пафосом которого пронизан весь юбилейный доклад Римского клуба. *Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet.* Springer, 2018.

однако уже можно смело утверждать, что времена их безальтернативного господства проходят. В этом смысле драматические события последних лет, такие как решение Великобритании о выходе из Европейского союза или избрание Дональда Трампа, стоящего на позициях изоляционизма, президентом Соединенных Штатов Америки, являются всего лишь эпизодами предсказанного еще Данилевским и Шпенглером постепенного увядания западной цивилизации в целом и лежащей в ее основе идеологии глобализма в частности. Ни та, ни другой, как можно сделать вывод, больше не являются единственно возможным ответом на все вызовы современности. С одной стороны, это является причиной наблюдаемого в наши дни страдания; с другой, означает, что страдание это может быть, в конце концов, прекращено.

Глобализм: этиология и патогенез

Приступая к рассмотрению *глобализма* как основной причины наблюдаемого в наши дни кризиса *глобализации*, прежде всего, необходимо упомянуть о том, что в его основе лежит старательно культивируемый миф о его безальтернативности. При этом подразумевается, что глобализация сама по себе не является объективным историческим процессом, протекающим в независимости от воли и желания человека. Утверждается, что она должна рассматриваться как результат целенаправленных усилий небольшой группы людей, берущей на себя смелость выступать *от имени* всего человечества и претендующей на то, что она действует *во имя* человечества. Именно эту группу людей мы и будем в дальнейшем называть глобалистами.

Самым опасным в этой связи является то, что члены данной группы наделяют себя правом выдавать собственные, узкокорыстные интересы за потребности и нужды всего общества и при этом настаивают на том, что их сугубо теоретические и крайне субъективные построения являются отражением объективных законов природы¹¹. Тот же, кто отказывается смириться с провозглашаемой глобалистами монополией на истину, рискует быть заклеянным как враг развития человечества и может, в конце концов, превратиться в международного парию. Венцом всей этой стратегии по экспроприации права на истину является провозглашение глобалистами так называемых «общечеловеческих ценностей», храни-

¹¹ В качестве примера подобной подмены понятий можно привести одержимость, с которой американские политики настаивают на идентичности американских интересов и интересов всего человечества.

телями которых эти люди объявляют, конечно же, самих себя, а за отказ служить делу которых слушникам полагается настоящая обструкция.

В политике, к примеру, такой универсальной ценностью, по утверждению глобалистов, является демократия, которая объявляется неременной спутницей и необходимым условием успешного протекания процессов глобализации. Можно вынести за скобки проблему множественности трактовок этого в целом довольно аморфного понятия и наличия двойных и тройных стандартов в том, что касается его применения на практике. Важнее то, что глобализм и силы, за ним стоящие, настаивают на том, что «демократические» правительства должны быть максимально ограничены в том, что касается воздействия на частную жизнь и политические убеждения собственных граждан, которые при этом имплицитно объявляются единственными легитимными носителями государственности. В то же самое время глобалисты утверждают, что у наднациональных и вообще любых внешних по отношению к той или иной стране акторов должно сохраняться право формировать мнение тех же самых граждан посредством бесконтрольного распространения информации через транснациональные каналы, такие как Интернет¹².

Фактическое требование сдачи суверенитета в том, что касается формирования общественного мнения внутри страны, дополняется требованием устранения физических и правовых границ для свободного перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала, что автоматически открывает наднациональным силам прямой доступ на территорию суверенных государств. При этом еще одним условием соответствия званию «демократического правительства» называется снижение регулирующей роли государства в экономике собственной страны, включая требование значительного ослабления контроля в финансовой и банковской сфере – конечно же, с последующей передачей части регулирующих функций неподконтрольным самому государству и его гражданам анонимным глобальным структурам. Существенная потеря суверенитета достигается еще и через признание приоритета международного права над национальным, а также благодаря активной деятельности различного рода международных организаций, регламенты и предписания которых становятся обязательными для исполнения для тех стран, власти которых стремятся к тому, чтобы их признали «демократическими».

¹² Право на доступ в Интернет поспешили в этой связи даже причислить к базовым правам человека. URL: <http://ru.euronews.com/2016/07/05/un-denounces-disruption-of-internet-access-as-human-rights-violation>

Размывая авторитет национального государства, выступающего естественным соперником глобализма, снаружи, силы, стоящие за этой идеологией, не стесняются поддерживать и разнородные сепаратистские движения, таким образом, подтачивая его еще и изнутри. Как нетрудно догадаться, ослабление соперника в этом случае также происходит под знаменами своеобразно понимаемой демократии и при помощи избирательного применения права народов на самоопределение. В случае неуступчивости, глобалисты без стеснения применяют и военную силу для поддержания процессов распада ставших излишне самостоятельными государств. Впрочем, сценарии, подобные югославскому, в наши дни, скорее, являются исключением, ибо скованные по рукам и ногам процедурами и регламентами, навязываемыми им извне, национальные правительства большинства стран мира и так достаточно слабы для того, чтобы противопоставить серьезные аргументы процессам инспирируемого снаружи политического саморазрушения.

Индоктринация нестабильности, умело разыгрываемый жупел коррупции и эффективные технологии насильственной смены политических режимов в случае их нелояльности «общечеловеческим ценностям», в свою очередь, ведут к полной деморализации и отчуждению национальных элит. Эрозия и перерождение власти в условиях, когда отсутствует сама возможность для ее полноценной реализации, приводит к тому, что верхи страны принимаются самозабвенно торговать природными ресурсами и даже политическим суверенитетом вверенных в их доверительное управление государств. Покупатель в этом случае известен — наднациональные силы, умело приватизировавшие право трактовать истину и различать добро и зло. Иногда их еще называют мировым правительством, но думается, что это все-таки не совсем точный термин. Любое *правительство* подразумевает довольно узкий круг конкретных лиц, несущих ответственность за то или иное направление деятельности, другими словами, под ним понимаются чиновники, стоящие на службе у назначивших их на соответствующие посты людей. В случае же с глобализмом речь, скорее, идет о власти своеобразной касты *жрецов*, создавших, фетишизировавших, а в конце концов, и полностью приравнявших к своим рукам некое абстрактное верховное божество. Имя этому божеству, как несложно догадаться, глобализация.

В экономической сфере фундаментальной ценностью, которой также присвоен практически сакральный статус, идеологами глобализма провозглашается рыночная экономика. Она наделяется всеми атрибутами непререкаемого авторитета, и альтернативы ей, как правило, всерьез не рассматриваются. При этом в русле все

той же политики постепенного уничтожения государственного суверенитета в сознание людей активно внедряется мысль о том, что любое проявление протекционизма, существование национальных границ, таможен и независимой монетарной политики является архаичным, предосудительным и не отвечающим интересам всего человечества феноменом.

При этом практически не скрывается то, что достигающие в наши дни кафкианских размеров «общие рынки», в основе которых лежит принцип международного разделения труда, приводят лишь к усилению разрыва между бедными и богатыми странами, которые в рамках создаваемых блоков наделяются всеми атрибутами центра и периферии¹³. По мере того как под предлогом необходимости создания и поддержания свободной конкурентной среды внутри того или иного межгосударственного объединения целенаправленно разрушается национальная промышленность в более слабых и не способных к политическому сопротивлению странах, они окончательно превращаются в сырьевые или демографические придатки своих более влиятельных соседей. Следует напомнить в этой связи и о том, что еще одним следствием бесконтрольной глобализации рыночной экономики становится вовлечение транснациональных корпораций в политические и общественные процессы в номинально остающихся независимыми странами, что с неизбежностью приводит к окончательному размытию их государственного суверенитета.

Наконец, еще одним чрезвычайно важным элементом глобалистской повестки дня, который приобретает все больший вес, является виртуализация экономики и ее, по большому счету, насильственный отрыв от производственных процессов. В последнее время такая виртуализация заметна даже внутри финансового сектора, который сам по себе уже давно не привязан к реальной экономике. К примеру, повсеместно пропагандируются так называемые криптовалюты, притом, что их активное внедрение в экономическую жизнь может привести к окончательной потере контроля со стороны национальных государств над своей собственной финансовой системой. В той же мере, как политический сепаратизм работает на интересы наднациональных структур, облегчая им манипулирование ослабевшими от внутренних распрей национальными государствами, распространение криптовалют, приводящее к потере контроля над внутренними финансовыми потоками, оказы-

¹³ В этой связи можно вспомнить США по отношению к Мексике, Германию по отношению к странам Восточной Европы, Сингапур по отношению к Индонезии.

вается выгодным лишь глобальной финансовой олигархии. Именно она, если называть вещи своими именами, выступает главным бенефициаром всего процесса виртуализации. Простые граждане, которым предлагается принять участие в азартной игре с забавными денежными единицами, но которые при этом не могут похвастать пониманием механизма их функционирования, оказываются всего лишь удобным орудием в руках тех сил, что действительно в состоянии извлечь пользу от появления лишенной признаков субъектности глобальной финансовой системы.

Акцент на необходимости постоянного технологического развития, доходящего в своем пределе до фетишизации любых механических приспособлений и ритуализации цифровых манипуляций, является еще одной характерной чертой глобализма. На самом деле, искусственно подогреваемая в обществе истерия по поводу исключительной важности так называемых новых технологий, меняющих привычный мир, легко объяснима. Не секрет, что поголовная механизация и автоматизация, а также неизбежно сопутствующая ей унификация, стандартизация и кодификация любых видов деятельности, а стало быть, и всего многообразия человеческой природы, способствуют повышению степени управляемости социальных процессов. Дигитализация общественных отношений легко нивелирует различия в характерах и насаждает унылое механистическое однообразие, а стало быть, устраняет важнейшее препятствие на пути создания унифицированной системы тотального контроля. В этом смысле секрет полишинеля, раскрытый Эдвардом Сноуденом, является всего лишь еще одним свидетельством того, что агрессивно навязываемое обществу технократическое развитие на самом деле преследует цель всемерного облегчения контроля над каждым человеком в отдельности и над человечеством в целом. В цифровом обществе возможность социализации и даже удовлетворение элементарных человеческих потребностей в пище, крыше над головой или безопасности становятся производными от цифрового Альтер-эго каждого из членов социума. В этом случае возможность манипуляции его деятельностью в удаленном режиме из единого, анонимного центра возрастает, а механизм тотального контроля существенно упрощается.

Стандартизация и унификация на самом деле достигаются не только посредством повсеместного внедрения цифровых технологий. Не менее эффективным способом лишить целые народы права на объективную самооценку и самостоятельное формирование своего образа, а стало быть, поставить их в психологическую зависимость от присваивающего себе это право внешнего актора, являются так называемые рейтинги. Благодаря той невиданной силе,

которой наделяют в наше время суждения никому не известных анонимных экспертов, влияние стоящих за ними сил распространяется по всему миру со скоростью света. Национальные традиции образования с легкостью приносятся в жертву высокой строчке в международной таблице о рангах, ученые в разных уголках света старательно учат английский язык лишь для того, чтобы иметь возможность продвижения по службе в своей собственной стране, суверенные решения в области внутренней политики приносятся в жертву кредитному рейтингу. Одержимость коэффициентами и хит-парадами является формой самоколонизации, при которой страны и люди добровольно передают виртуальной метрополии право собственности на их самооценку. Учитывая то, что ни алгоритмы, ни силы, стоящие за их созданием или интерпретацией, как правило, не раскрываются, не возникает никакой ясности даже по поводу того, кто же, собственно, в этом случае является метрополией.

В общем и целом, можно говорить о том, что механизация, стандартизация, меритократия и повсеместно навязываемая система коэффициентов служат единой цели унификации населения планеты. Освобожденные методами внешнего политического давления от контроля со стороны национальных правительств, люди моментально и при этом добровольно превращаются в послушные объекты манипуляции со стороны наднациональных сил, стоящих за составителями рейтингов и обеспечивающих их имплементацию технологическими компаниями. Не случайно, что именно их представители становятся в наши дни главными апологетами глобализма. В последнее время они даже не стесняются открыто заявлять о том, что в состоянии управлять социальными и политическими процессами на всей территории земного шара, причем могут действовать без оглядки на мнения национальных правительств¹⁴.

Не стоит забывать и о том, что, несмотря на всю важность политики, экономики или идеологии, необходимым условием окончательного успеха глобализма является реформативное изменение человеческой личности таким образом, чтобы она в наибольшей степени соответствовала задачам построения однородного, управляемого и при этом глобального сообщества. В этой связи важна дискредитация и, в идеале, подавление в человеке любых других объективных идентичностей, кроме так называемой общечелове-

¹⁴ Хорошим примером подобного самоуверенного технократического глобализма является компания «Фэйсбук», основателю которой Марку Цукербергу пресса настойчиво приписывает возможность организовывать революции в любой точке планеты, в том числе и в самих Соединенных Штатах Америки.

ческой. Это, в свою очередь, предполагает подрыв институтов, способных предоставлять подобные идентичности и, таким образом, оказывать вольное или невольное сопротивление процессам глобальной унификации.

Методы, применяемые глобалистами для разрушения национальных государств, были частично описаны выше. Методы, используемые ими для атаки на религиозную, этническую и даже гендерную идентичность, способную составить конкуренцию их проекту создания «человека мира», также довольно хорошо известны. Они включают в себя, к примеру, высмеивание религиозных догматов и институтов церкви, которая видится в этом случае альтернативным центром притяжения, а стало быть, и препятствием на пути строительства гомогенного культурного пространства на всей территории планеты. В это же самое время атака на культурную и этническую самоидентификацию происходит через поощрение процессов неконтролируемой миграции, которая, в свою очередь, является следствием целенаправленных усилий по политической или экономической дестабилизации тех или иных государств. Основной целью в этом случае является отрыв огромной массы жителей стран третьего мира от своих культурных и национальных корней, что с неизбежностью означает их последующую маргинализацию. Венцом подрывной политики глобализма выступает демонтаж и дискредитация института семьи, которая до настоящего времени служит последним редутом на пути создания гомогенного, управляемого общества. Агрессивные атаки на базовые ценности, намеренная подмена понятий и смыслов, а также вынос интимной по своей сути проблемы сексуальной ориентации в политическую плоскость призваны внести сумятицу в сознание людей и лишить их какой-либо естественной нравственной системы координат. Очевидно, что это делается лишь для того, чтобы вовлечь их, в конце концов, в систему координат, сконструированную искусственно.

Стоит отметить в этой связи, что не в меньшей степени окончательной атомизации общества призвана способствовать и та повышенная активность, с которой действуют множющиеся в последнее время, как грибы после дождя, международные некоммерческие организации, постоянно конструирующие подобные надуманные идентичности. Стратегией их деятельности, как известно, является искусственное вычленение из единой ткани общественного организма наскоро состряпанных «меньшинств», которые затем довольно умело и при этом крайне агрессивно противопоставляются подавленному большинству. В результате достигаемой подобным образом фрагментации социального организма любой человек по-

лучает повод почувствовать себя хоть в чем-то несправедливо обделенным. При этом ему сразу же предоставляется возможность отстоять свои «попранные» интересы и восстановить поруганную справедливость. Несложно догадаться, что защитником его искусственно сконструированных потребностей в равноправии оказывается та самая наднациональная «неправительственная» структура, которая незадолго до этого так ловко сформировала для него статус угнетенного. С помощью подобной тактики происходит подмена реальных идентичностей, включая гражданские, национальные, семейные и даже гендерные, на идентичности сугубо вымышленные, содержание которых искусственно конструируется и, соответственно, с легкостью поддается манипуляциям, а при необходимости и деконструкции.

Философской основой для всей вышеописанной политики подмены смыслов, ведущей к превращению здорового общества в пеструю мозаику конфликтующих фантомов, выступает постмодернизм, под маской тонкого интеллектуального скепсиса низвергающий человека в бездну неверия и морального релятивизма. Именно постмодернизм ставит под сомнение все испокон существующие в обществе статусы и отношения, мастерски обнуляя те значимые символы и вневременные ценности, что служат их основой, ничего не предлагая человеку взамен. При этом главным идеологическим подспорьем, активно используемым для разрушения существующих общественных структур, выступает радикальный индивидуализм, который проповедует абсолютность и, можно даже сказать, сакральность предельно широко трактуемой свободы отдельной личности.

Предварительно лишенный всех значимых ценностей и символов, а также личной, семейной, этнической и национальной идентичности, человек, в результате воздействия этой оголтелой проповеди самоцентричности, добровольно отказывается еще и от поддержки, которую могла бы обеспечить ему принадлежность к тому или иному коллективу. В конце концов, оставшись один на один со своим тщательно выпестованным и при этом поощряемым извне эгоизмом, он превращается в бесправный винтик, пригодный для строительства гомогенной глобальной системы. Достаточно унифицированный культурно для того, чтобы чувствовать себя одинаково комфортно в любой точке земного шара; достаточно одинокий социально для того, чтобы не испытывать к этой точке ни малейшей привязанности. Подводя итог, можно сказать, что именно рождение подобного апатичного, космополитичного человека является одновременно и главным продуктом глобализма, и необходимым условием его существования. В то же самое время

оно также позволяет нам считать дальнейшее развитие этой идеологии опасным и нежелательным для человечества. Другими словами, позволяет причислить ее к смертельным болезням общественного организма.

Глобализм: результаты

С одной стороны, нет никаких причин говорить о том, что глобализм окончательно преуспел в достижении поставленных перед собой целей создания унифицированного и полностью гомогенного сообщества взаимозаменяемых, легко управляемых посредством внешних манипуляций человеческих атомов. С другой, достигнутый в этом направлении прогресс уже нанес урон обществу, достаточный для того, чтобы попытаться обрисовать клиническую картину болезни, поразившую человечество. Это, в свою очередь, позволит предугадать дальнейший ход течения заболевания в случае, если та траектория развития, на которую выводят общество идеологи глобализма, будет актуальна и в дальнейшем, несмотря на его текущий кризис.

Прежде всего, стоит коснуться тех политических трансформаций, что происходят в мире в результате реализации целенаправленной стратегии по размытию национального суверенитета, ослаблению государства изнутри и извне, а также вследствие достигаемой посредством этого эрозии институтов власти и интернационализации местных элит. Самым очевидным последствием данного тренда на постепенное разрушение государственности является нарастание энтропии в международных отношениях, проявляющееся в росте числа региональных и глобальных конфликтов, как дипломатических и экономических, так и чисто военных. Параллельно с этим, по мере того как глобализация как объективный процесс окончательно становится частной собственностью определенной группы лиц, неуклонно снижается авторитет легитимных международных организаций, способных с беспристрастных позиций разрешать противоречия между отдельными странами и группами стран. В результате на смену дипломатии и поиску взаимовыгодных компромиссов приходит грубая сила и беспринципный шантаж. Повсеместное применение этой практики легитимизируется приверженностью наполовину мифическим «общечеловеческим ценностям», по сути своей являющимся тезисами глобализма, облеченными в форму божественного откровения. Как итог, мир постепенно погружается в состояние хаоса, при котором все действуют против всех, и торжествует право сильного. Конспирологи любят в этой связи рассуждать о преднамеренном заражении

человечества вирусом управляемой смуты. Думается, однако, что степень ее управляемости довольно невысока, при этом и она продолжает неуклонно снижаться. Это, на самом деле, неудивительно, учитывая то беспрецедентное давление, которое испытывают на себе любые силы, обладающие возможностью взять ситуацию под контроль.

Все это подготавливает почву для международного терроризма, который можно смело называть еще одним порождением глобализма. В догматах, целях, методах и формах работы, которые принимают на вооружение террористические организации, без труда угадываются все те признаки, которые характерны также и для глобализма, — презрение к легитимным институтам власти, низведение до уровня бессловесного винтика отдельного человека, трансграничная, сетевая и безличная структура организации. Неудивительно, что по мере усиления позиций глобалистов, растет профессиональный уровень и ширится зона влияния международных террористов. Они не только перенимают идеологемы и конкретные методы работы, но и с успехом рекрутируют в свои ряды жертв социальных и экономических экспериментов. В этих целях используется политическое и военное бессилие национальных правительств, обескровленных и низведенных до декоративного статуса в их противостоянии с наднациональными силами. В этом смысле все попытки глобалистов объявить крестовый поход против, во многом, своего же порождения столь же комичны и столь же бесплодны, как и любой поединок человека с собственной тенью.

Питательной средой для роста террористической угрозы, как уже неоднократно отмечалось, является и постоянно растущее экономическое неравенство на региональном и международном уровне. По мере того как стираются границы и устраняются барьеры на пути движения товаров и капитала, бывшие до недавних пор экономически самодостаточными страны вынуждены включаться в процессы всемирного разделения труда. Это с неизбежностью означает их постоянно растущую зависимость от международной конъюнктуры и от динамики мировых цен на ту или иную группу товаров. Не секрет, что эти цены, в свою очередь, находятся в руках космополитичного торгово-спекулятивного капитала и потому подвержены любым манипуляциям с его стороны. Кроме того, либерализация финансового законодательства и банковской сферы приводит к тому, что национальные государства становятся заложниками действий наднациональных сил и механизмов, при этом реальных механизмов влияния на функционирование последних у них попросту не существует. Как итог, большинство из тех, кто

оказывается за пределами довольно узкой группы стран, принимающих решения за всех остальных, вовлекаются в игры, правил которых они не устанавливают и до конца не понимают. В этой ситуации роль их в глобальной экономике оказывается незавидной — в лучшем случае, они становятся поставщиками природных ресурсов, в худшем — источником дешевой рабочей силы. Любой из этих вариантов, как нетрудно заметить, не предполагает экономической субъектности, а стало быть, шансов на исправление ситуации при таком варианте событий у стран, оказавшихся за пределами так называемого «золотого миллиарда», остается не так уж много.

В тесной связи с вышеописанными процессами идет перераспределение реальной власти и внутри стран — бенефициаров глобализации, которое также происходит по рецептам идеологов глобализма. Концентрация богатства в одних руках при одновременном сращивании капитала, политических элит и стоящих на их службе средств массовой информации порождает олигополизацию глобального дискурса. Во главе всего этого процесса стоят представители транснационального финансового капитала, которые, по сути, и являются законодателями партитуры в условиях все возрастающего расслоения общества, обнищания среднего класса и торжества той специфической формы демократии, при которой власть агрессивного меньшинства навязывается всем остальным группам населения. В ситуации, когда правительства национальных государств не имеют возможности проводить самостоятельную политику, а капитал перемещается по планете без видимых ограничений, не остается никаких препонов на пути к безраздельному мировому господству космополитичной финансовой олигархии.

В то время как сама наднациональная элита становится со временем сплоченней, всем остальным навязывается жесткая конкуренция как образ жизни. Массированная идеологическая обработка населения приводит к тому, что в обществе возникает культ борьбы за место под солнцем, процветают преклонение перед победителями и презрение к неудачникам. Ориентация на успех любой ценой, потребность в достижении вмененных внешними силами целей и конкуренция во всех областях человеческой деятельности столь активно пропагандируются средствами массовой информации, что у большинства людей создается впечатление того, что эти ценности действительно являются универсальными. Любой другой подход и любое другое мировоззрение объявляются устаревшими и стигматизируются. Способность мыслить самостоятельно при этом устраняется системой унифицированных соревнований, в результате повального внедрения которой общество постепенно превращается в совокупность одинаково мыслящих невротиче-

ков, более всего озабоченных своим рейтингом и находящихся при этом в состоянии не прекращающейся ни на минуту борьбы с себе подобными. Борьбы, надо отметить, не имеющей никаких шансов на победу. Вместо того чтобы сотрудничать и дополнять друг друга в своем разнообразии, унифицированные элементы глобального общественного механизма тратят силы и время на бесплодные сравнения числовых показателей, их характеризующих.

Как итог всех этих усилий, человеческое общество становится легко управляемым теми, кто присваивает себе право определять победителей в конкурентной борьбе, параллельно формируя заниженную самооценку для всех остальных. Членов общества такого рода, в конце концов, неизбежно поражает вирус апатии и безысходности, которые лишь усиливаются по мере утраты религиозной веры и дискредитации идеалов, способных вывести человека за рамки поощряемой кукловодами глобализма схватки за место под солнцем, и возвысить его до целей, стоящих выше относительного материального благополучия. Такое общество не может быть здоровым по определению, и эта негативная тенденция лишь усиливается благодаря так называемому «эффекту ножниц», при котором регресс духовного развития каждого человека по отдельности становится все более заметным на фоне технического прогресса человечества в целом. Когда механизмы становятся с каждым днем все умнее, а человек все примитивнее, грань между ними стирается, и это, пожалуй, как нельзя лучше характеризует тот вектор развития, который предлагает человечеству современный глобализм. Очевидная его патологичность особых доказательств, думается, не требует.

Без преувеличения, главной жертвой подобной пагубной модели общественного развития является сам человек. Несмотря на этот очевидный факт, нас постоянно стремятся уверить в обратном. Утверждается, к примеру, что господство механизмов, надление личности искусственно созданными идентичностями и даже низведение государства до уровня интернет-сайта осуществляются от имени человека и во имя человека¹⁵. В этой связи, как правило, говорят об освобождении от довлеющей над ним предопределенности, подразумевая под этим то, что у каждого появляется возможность свободного выбора пола, гражданства или повода обя-

¹⁵Создание так называемых электронных правительств, подразумевающих абсолютное устранение человеческого общения, объявляется неизбежным итогом развития человечества. *Lufkin B. Could Estonia be the first “digital” country? BBC. 19.10.2017. URL: <http://www.bbc.com/future/story/20171019-could-estonia-be-the-first-digital-country>*

вить себя угнетаемым, а также о растущих возможностях каждого реализовать свое жизненное предназначение.

В подобной аргументации, как и в произрастающих на этой почве иллюзиях, на самом деле нет ничего нового. Еще полвека назад один из величайших экономистов в истории человечества Дж.М. Кейнс в своей футуристической статье «Экономические возможности наших внуков» мечтал о том, что автоматизация рутинных процессов приведет к тому, что человек будет избавлен, наконец, от унижительной борьбы за существование и в этом случае станет воистину свободным¹⁶. Человек сможет, мечтал американский ученый, посвящать больше времени удовлетворению потребности в личностном росте, ибо ему не придется работать сорок часов в неделю для того, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Утопичность мечтаний Кейнса в наши дни не требует доказательств. Спустя полвека после выхода в свет его преисполненной верой в светлое будущее человечества статьи, на пороге очередной, уже четвертой по счету, промышленной революции мы понимаем, что прогресс техники и рост экономики еще больше закабляет свободную энергию человека. Чем больше механизмов появляется в его распоряжении, тем больше времени люди вынуждены проводить на рабочем месте для удовлетворения своих потребностей, и тем меньше возможностей остается у них для того, чтобы заниматься самосовершенствованием¹⁷.

Настоящей же трагедией является то, что в процессе построения унифицированного, технократического глобального сообщества вопрос духовного развития, который всерьез занимал древних, теряет свою важность и даже приобретает некоторые негативные коннотации. Принятая в науке позитивистская парадигма, подразумевающая отрицание всего того, что не поддается непосредственному наблюдению и не поддается верификации известными методами, в этом случае удачно дополняется сентенциями маргиналистов о человеке как рациональном существе, целью которого

¹⁶ *Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1963. P. 358–373.*

¹⁷ Еще более показательным в этой связи является исследование крупного американского антрополога М. Салинза, который в своей работе «Экономика каменного века» убедительно доказывает, что на заре истории человек трудился от трех до пяти часов в день для того, чтобы обеспечить себя всем необходимым. При этом для этого ему было достаточно того примитивного набора орудий труда, что находился тогда в его распоряжении. По мере развития средств производства, однако, продолжительность минимально необходимого рабочего времени в день неуклонно растет. *Салинз М. Экономика каменного века. Москва: ОГИ, 1999.*

является максимизация собственного удовлетворения¹⁸. В то время как первая отвергает как недоказуемое существование ценностей, этики, красоты и других не воспринимаемых научными способами познания феноменов, вторые утверждают, что здоровыми людьми движет желание заполучить в свое распоряжение максимально возможное количество материальных благ, причем сделать это с наименьшими усилиями. Можно сделать вывод, что первоочередной задачей общества в этом случае становится создание возможностей для реализации этой потребности, а критерием значимости человеческой жизни является степень достижения им идеалов «экономического животного». Как неизбежный итог подобных теоретических построений, культура превращается в совокупность навыков, применимых для удовлетворения материальных потребностей, а наличие духовных запросов у человека и вовсе отрицается.

Как утверждает психоанализ, активное подавление каких-либо явлений или эмоций, которые нам по той или иной причине неприятны или не вписываются в сконструированную разумом картину реальности, приводит лишь к их постепенному вытеснению из области сознательного в область бессознательного. Другими словами, само явление не исчезает, оно продолжает свое существование, однако при этом теряется возможность контроля над тем, как именно протекает его развитие. В результате того, что, таким образом, значимые для нас процессы выпадают из зоны видимости, их прогресс (или регресс) становится полностью непредсказуемым. Лишенные регулирующей и направляющей роли разума, они в результате могут приобретать гротескные и даже неприглядные черты, при этом их влияние на нашу жизнь продолжает оставаться значительным.

Данные положения теории психоанализа можно с успехом применить и для описания того, что именно происходит с современным человеком по мере того, как его духовные запросы вытесняются из сознания, а потребности постепенно сводятся к скудному набору вульгарных маргиналистских штампов. Боги и демоны, как известно, не исчезают. Будучи вытесненными на задворки духовной жизни, они получают новые имена и приобретают новые черты, причем зачастую не совсем такие, как нам этого хотелось бы. Наличие ценностей и важность идеалов в жизни каждого человека неоспоримо, к примеру, однако в зависимости от степени участия разума в процессе их формирования они могут претерпевать существенные изменения. В том случае, если их выработка протекает осознанно и не встречает противодействия, они, как правило,

¹⁸ Лукьяненко Е.В. Маржинализм. Москва: Эксмо, 2007.

позитивны и служат развитию человека; в случае же, если он не признает их наличие и всеми силами вытесняет их из сознательной жизни, результат становится непредсказуемым.

Другими словами, неверно говорить о том, что духовные запросы в случае научного их отрицания или общественного порицания действительно прекращают существование. Таким же образом, никуда не исчезает и агрессия в случае повсеместной пропаганды толерантности; потребность в высших идеалах у каждого отдельного человека и у общества в целом даже во времена абсолютного неведения также не устраняется полностью. Скорее, в этом случае происходит обратное: важность духовных запросов возрастает, воля к власти и производная от нее агрессия увеличивается, высшие идеалы приобретают невиданную до той поры значимость. Однако при этом существенно изменяются конкретное содержание и способ удовлетворения всех этих действительно базовых человеческих потребностей.

Религиозная жизнь в таком случае регрессирует до примитивного фетишизма, при котором объектом поклонения и одновременно источником силы видятся потребительские иконы и технологические новинки. Легитимная власть большинства в политике низводится до истерического, неоправданного диктата меньшинства, когда толерантность становится воинствующей. Трансцендентным авторитетом при этом наделяется почти мистическая «невидимая рука рынка», а административный кодекс правонарушений приобретает статус, схожий с божественным откровением. Законы и рыночные механизмы в этом случае наделяются уверовавшим в них последователями правом вершить судьбы людей, и в интересах их бесперебойного функционирования служителями рыночной экономики приносятся значительные жертвы¹⁹.

Конечно же, не все жители Земли оказываются готовыми принять новые правила игры или считать себя «экономическими существами». При этом лишь малая часть несогласных осмеливается напрямую бросить вызов адептам глобализма. Приемлемым выходом из создавшейся ситуации для тех, кто не желает принимать участия в строительстве их дивного нового мира, функционирующего в вышеописанной системе координат, становится эскапизм. Уход от реальности при этом может быть реальным или виртуальным. Ярким примером первого подхода является приобретающий все более широкое распростране-

¹⁹ Практика «задабривания разгневанного божества» приобрела черты религиозного культа уже во времена кризиса 2008 года, когда адепты глобализма требовали от суверенных правительств национальных государств подношения серьезных финансовых жертвоприношений на алтарь развития глобальной экономики.

ние дауншифтинг, или, другими словами, сознательное отречение от стремления к достижению социального успеха, культ которого навязывается в современном обществе. По сути, в этом случае совершается акт социального самоубийства, ведь человек отказывается играть по правилам, в обязательном порядке включающим в себя конкурентную борьбу, идолизацию победителя и стигматизацию побежденного. Чуть менее ярким, но от того не менее значимым явлением является эпидемия социальной пассивности, которая, по сути, означает замаскированный отказ существенной части общества принимать действенное участие в процессах его развития. Смысл жизни этих самоустранившихся в мир развлечений людей состоит в хаотичном, безудержном потреблении, а стало быть, в какой-то степени их поведение можно считать самоликвидацией себя как творческой, продуктивной личности и члена общества.

В этих условиях основным доводом против дальнейшего распространения глобализма, побуждением к действию и одновременно возможностью, которую предоставляет нам длящийся уже почти десятилетие мировой финансовый, политический и социальный кризис, является возвращение к человеку в гуманистическом понимании этого слова. Человеку, являющемуся двигателем и одновременно бенефициаром процессов глобализации, протекающих естественным образом, то есть независимо от воли и действий тех или иных лиц. Человеку, берущему от природы ровно столько, сколько ему требуется для удовлетворения своих базовых нужд. Человеку, чье духовное и материальное благополучие является главным критерием уровня развития общества. Человеку, который реализует себя в коллективе единомышленников и при этом остро чувствует свою сопричастность глобальным процессам и соотносимость с остальными членами социума. Человеку, который трудится на благо других людей и который получает от своего труда настоящее удовлетворение. Человеку, чья самооценка находится в его собственных руках, но которая при этом определяется тем, насколько эффективно он реализует свой потенциал на благо всех живущих. Человеку, лишённому навязанных ему конфликтов идентичностей и обладающему ясной и понятной системой ценностей. Человеку, живущему богатой духовной жизнью и привносящему в мир счастье и красоту.

На пути к достижению этого во многом утопического идеала не стоит, конечно же, впадать в другую крайность и утверждать, что возвращение к человеку в полном смысле этого слова с неизбежностью противоречит задачам экономического, социального или технического прогресса, которые также стоят перед обществом. Неверно и то, что личность может реализовать себя по-настоящему, лишь укрывшись где-то от вездесущих процессов глобализации и не принимая в них

никакого деятельного участия. Наивно полагать вслед за Руссо, что человек становится самим собой только в том случае, когда он возвращается к своему первобытному состоянию необразованного дикаря. Вопрос ведь не в том, чтобы попытаться остановить развитие общества, техники или экономики. Скорее, следует задуматься о том, как сделать так, чтобы царящий в наши дни культ обезличенных количественных показателей, сводимых в своей совокупности к «росту», сменить на всестороннюю заботу о прогрессе человека и общества, под которым следует понимать качественную категорию «развития».

Последнее же невозможно в случае, если общество лишится своего многообразия и станет гомогенным и если конкуренция и борьба всех против всех будет базовым правилом человеческого общежития. Если само это общежитие продолжит функционировать во имя интересов узкой группы людей, узурпировавших право определять добро и зло и выдающих свои личные интересы за интересы всего человечества. Если, в конце концов, человек остается категорией чисто экономической и будет лишен права на духовную жизнь и на систему ценностей.

Существует ли альтернатива тому пагубному пути развития, который мы называем глобализм и который в настоящее время является доминирующим в обществе, несмотря на то, что он уже неоднократно доказывал свою непригодность? Где искать ответ на этот вопрос, и кто, в конце концов, может претендовать на то, что в его распоряжении имеется ключ к построению лучшей модели взаимоотношений между протекающими независимо от воли людей процессами глобализации и самим человеком как источником и бенефициаром всех возможных преобразований? Другими словами, где находится тот самый путь, ведущий к прекращению страданий?

Восточная альтернатива

Вне сомнения, реальные альтернативы западному глобализму существуют. Считать иначе означало бы уверовать в тот самый миф об исключительности, который, как уже было сказано, лежит в его основе. С другой стороны, несмотря на то, что многие из этих альтернатив уже давно и при этом весьма грамотно сформулированы²⁰, научно обоснованы и имеют немалое число сторонников, для

²⁰ Можно, к примеру, упомянуть о так называемом «третьем пути», предложенном Э. Гидденсом, который говорил о строительстве «капитализма с человеческим лицом». Сильная социальная направленность этой концепции, однако, не подразумевала отхода от основных экономических и политических императивов глобализма. *Giddens A. The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.*

того, чтобы они были приняты на вооружение, необходима кардинальная ломка стереотипов сознания у широких слоев населения. Стало быть, требуется кропотливая работа с общественным мнением. При этом важно, чтобы любая идея, претендующая на то, чтобы действительно способствовать разрешению текущего кризиса, была подкреплена значительными политическими и экономическими ресурсами, что, очевидно, под силу лишь силам, сравнимым по мощи с теми, что стоят в настоящее время за идеологами глобализма.

При этом следует понимать, что власть никто и никогда не отдает без борьбы. Это тем более верно, когда речь идет о власти над сотнями миллионов сердец, которая при этом легитимизирует право распоряжаться ресурсами целой планеты. Стало быть, переход к любой другой модели развития человеческого общества будет сложен и длителен; возможность возникновения серьезного конфликта интересов в ходе такого перехода также не стоит недооценивать. В этой связи не стоит забывать и о том, что никакие перемены не следует инициировать ради самих перемен. Целью любых реформ глобальной экономики или мировой политической системы может быть лишь построение мира более справедливого, более человеческого, более пригодного для проживания. Стало быть, вариант с силовой заменой существующей системы, предполагающий игру с нулевой суммой, не может рассматриваться всерьез, ведь в случае его реализации неизбежны серьезные потрясения, масштаб и последствия которых в настоящее время нет даже возможности предугадать.

На первый взгляд, противоречие неразрешимое. На самом деле мирный путь к давно назревшим экономическим, политическим и социальным переменам существует, и заключается он в действенном поощрении многообразия идей, при котором глобализм также будет иметь право на существование, но превратится при этом в *одну из* возможных моделей развития, которая будет рассматриваться наравне со всеми остальными. Лишенный таким образом права на эксклюзивность и вынужденный конкурировать с альтернативными концепциями, он либо докажет свою полную несостоятельность и мирно уйдет со сцены, либо, что вероятнее всего, останется своеобразной нишевой идеологией. Идеологией, применимой лишь при наличии тех или иных дополнительных условий; валидной лишь в тех или иных исторических или географических рамках; пригодной лишь для решения тех или иных специфических задач.

Разнообразие вообще должно стать идеологическим фундаментом построения более справедливого мира. Нет ничего более

страшного, чем монополизация права на истину, которая неизбежно ведет к возникновению гомогенного общества, все члены которого придерживаются единых правил поведения, движутся к одним и тем же целям и разделяют одни и те же, универсальные положения. На смену «общечеловеческим ценностям», единым стандартам, унифицированным моделям развития и диктату одной идеологии должны прийти многообразие подходов, вариативность решений и неоднозначность трактовок. В их постоянной конкуренции, реализуемой через уважительный диалог равных, состоит залог успешности и заключается движущая сила развития человечества, представленного во всем своем многообразии. Культурные и цивилизационные различия должны всемерно поощряться и поддерживаться. Нерегламентированным межличностным отношениям должно быть возвращено их исконное значение гарантов гибкости в принятии решений. Государства должны вернуть себе право оставаться самобытными и жить по своим собственным законам. Мир должен вновь состоять из мужчин и женщин, черных и белых, христиан и мусульман. Не похожих друг на друга, но при этом стремящихся понять друг друга и научиться чему-то важному друг у друга.

На первый взгляд может показаться, что в основе политики мультикультурализма или принципа толерантности, которые являются важной составной частью глобализма, лежат схожие концепции морального и культурного релятивизма. В то же самое время предлагаемый принцип соревновательности идей и подходов как будто бы перекликается с принципом поощрения конкурентной борьбы всех со всеми. На самом деле, между двумя этими подходами существует коренное отличие. К примеру, справедливо критикуемая в последнее время толерантность имплицитно подразумевает существование «толерирующего» и «толерируемого», а стало быть, и противопоставление принимающего и принимаемого. По сути своей подобная снисходительность является завуалированной формой демонстрации своего морального или культурного превосходства. В то же самое время мультикультурализм, от которого в последнее время к тому же постепенно отказываются на Западе, не предполагает взаимодействия между различными религиозными и культурными группами, ведь он всего лишь гарантирует их мирное сосуществование.

В то же самое время целью предлагаемого здесь императива культурного и социального разнообразия, являющегося производным от диалога равных, должно стать не только взаимное принятие друг друга, но и активная совместная деятельность по достижению консенсуса, в ходе которой происходит постоянный обмен мнениями

и взаимное обучение. Что же касается возможного сравнения конкуренции подходов и идей с конкурентной борьбой на рынке, то оно и вовсе выглядит не совсем корректным. В конце концов, последняя в обязательном порядке подразумевает наличие проигравшего и побежденного, а ее основной целью является устранение соперников. В случае же с диалогом школ или учений не может быть и речи о полном триумфе или окончательном поражении кого-либо из участников, ведь от совместного общения и взаимного обмена идей выигрывают все стороны сразу, а устранение одного из соперников лишь затрудняет рост и развитие всех остальных.

Связано это с тем, что целью равноправного диалога не может быть выработка каких-то универсальных правил или движение к единению в какой-либо его форме. Скорее, идеалом здесь является поддержание динамического баланса и достижение максимальной гармонии во взаимоотношениях остающихся непохожими друг на друга участников. Достижимую в этом случае общность идей и интересов можно смело называть содружеством независимых участников глобализации, в контексте которого цивилизации, народы, организации и даже отдельные личности реализуют себя в мире исключительно посредством своего окружения. Если при этом целью существования каждого из них становится саморазвитие, то устранение конкурентов, борьба на взаимное уничтожение или же приравненное к нему стремление к унификации начинают попросту противоречить интересам самих участников. Дело в том, что и то, и другое неминуемо ведет к снижению интенсивности диалога, а стало быть, автоматически приводит к уменьшению числа возможностей для собственного развития.

Подобную модель взаимоотношений можно назвать солидарным развитием, при котором заинтересованность в успехе остальных участников процесса в их желании самосовершенствоваться, в конце концов, оказывается залогом собственного прогресса. В этом случае можно говорить и о возможности труда на общее благо, ведь создается ситуация, когда успехи одного напрямую способствуют достижению целей другого. Здесь необходимо уточнить, что самореализация, в отличие от роста, является качественной категорией, в связи с чем возможность диктата со стороны цифровых коэффициентов становится попросту невозможной. Это, в свою очередь, приводит к тому, что полностью исчезает база для «конкуренции на выживание», характерной для капитализма, а стало быть, и проистекающих из нее конфликтов, и чувства неполноценности, ею вызываемой.

Остаются, однако, вопросы: окажется ли достаточно эффективной подобная модель организации общества, не приведет ли

отсутствие жесткой конкуренции к замедлению научно-технического и социального прогресса, и на основе чего, в конце концов, может быть достигнута гармонизация потребностей каждого из участников гипотетического проекта солидарного развития? Ответы на эти вопросы, как ни парадоксально, лежат в экономической плоскости. Именно деидеологизированная экономика, в которой равноправные субъекты хозяйственной деятельности работают, дополняя друг друга, над построением «общего дома», способна обеспечить надежный фундамент для социального и культурного диалога.

В Китае говорят, что мнения разделяют людей, а в удовольствиях тела они едины²¹. В этом утверждении нет ничего общего с взглядами маржиналистов на человека как на «экономическое животное». Последние ведь настаивают на том, что лишь чисто меркантильные интересы являются единственно значимыми для людей, и во имя их достижения они готовы позабыть обо всем остальном, в том числе и о своих социальных обязательствах. На Востоке же утверждают, что материальные потребности являются лишь самой первой, базовой ступенью на пути развития личности, при этом их совместное удовлетворение приносит в общество необходимую гармонию, а не ведет к возникновению конфликтов.

Подобным же образом, при солидарном развитии, экономика выступает общим базисом, на основе которого каждый из участников процесса в дальнейшем строит свое собственное здание жизненного успеха, под которым в этом случае подразумевается всестороннее развитие человеческой личности и полное раскрытие ее продуктивного потенциала. Последнее же, на самом деле, немислимо в конкурентной борьбе, ведь настоящее развитие достигается только в процессе равноправного общения и только в рамках совместной деятельности непохожих друг на друга участников процесса. Другими словами, грамотно организованные экономические отношения должны обеспечивать взаимную зависимость и плодотворное сотрудничество людей, а не способствовать противоборству между ними. В это же самое время поощрение цивилизационных различий и диалог культур в пределах таких экономических объединений обеспечивают истинное многообразие, а стало быть, гарантируют дальнейшее развитие каждого участника процесса по отдельности и сообщества в целом.

Возможно, наиболее эффективным методом достижения подобного культурного единства в многообразии на фундамен-

²¹ *Малявин В.В.* Китайский этос, или Дар покоя. Иваново: Изд-во «Роша», 2016. С. 87.

те экономического развития является совместное строительство и совместная эксплуатация объектов глобальной инфраструктуры. Именно инфраструктура является физической манифестацией принципа взаимной зависимости и взаимных интересов всех субъектов мировой политики, именно инфраструктура может стать механизмом фактического осуществления концепции взаимовыгодного обмена, именно инфраструктура обеспечивает диалог людей и распространение идей, что, как было отмечено, является обязательным условием для построения более гармоничного мира. При всем при этом сама по себе она идеологически и политически нейтральна и не претендует на особое место в системе жизненных ценностей человека. С одной стороны, инфраструктура обеспечивает достижение эффекта синергии, преобразуя дремлющую силу разности экономических и социальных потенциалов; с другой, она не стремится к окончательной унификации структур, которые она связывает. Все это позволяет предположить, что солидарное инфраструктурное развитие способно стать действенным инструментом строительства гармоничной среды взаимодействия для национальных государств, сохраняющих своих культурные и социальные различия, но при этом объединенных общим экономическим фундаментом.

Интересно, что первыми эту созидательную роль глобальной инфраструктуры осознали в Азии — то есть там, где гармоничное развитие личности в рамках коллектива всегда считалось идеалом, к реализации которого должен стремиться правитель. На самом деле это далеко не единственная черта, присущая восточному взгляду на мир, которая может оказаться на удивление актуальной в тот непростой момент, когда западные идеологемы раз за разом доказывают свою историческую нерелевантность. Возможно, самым важным фактором, который может склонить чашу весов в сторону Востока, является наличие здесь мощнейшего культурного и философского багажа, который странам региона удалось сохранить в довольно целостном виде, несмотря на столетия доминирования — сначала военного и политического, а затем экономического и культурного — европейских стран. Можно сказать, что влияние западного образа жизни и западных ценностей, хотя и оказывалось временами довольно серьезным в отдельных частях Азии, в общем и целом всегда оставалось поверхностным и никогда не затрагивало глубинные основы восточного менталитета. При этом даже беглый взгляд на то, какие именно ценности являются преобладающими на Востоке, позволяет отметить, что как раз их и не хватает в современном, по преимуществу западному видению мира, которое иногда ошибочно принимают за международный

стандарт. Стало быть, существуют основания предполагать, что именно восточные модели могут оказаться востребованы теми, кто всерьез решит сменить не оправдавшую надежд человека западную парадигму развития на что-то, более соответствующее современным запросам.

В действительности говорить о том, что существуют какие-то особые, четко сформулированные и раз и навсегда утвержденные азиатские ценности, конечно же, не приходится. На самом деле, столь не похожие друг на друга культуры, как индийская и японская, или, к примеру, персидская и китайская, не могут быть сведены к одному знаменателю. Даже внутри каждой из цивилизаций Востока наблюдается поражающее воображение разнообразие точек зрения, философских подходов и мировоззренческих школ, что, безусловно, еще больше затрудняет любую генерализацию. Однако при всем этом многообразии все-таки можно говорить о специфическом восточном взгляде на мир в том случае, если противопоставить его хорошо концептуализированному западному мировоззрению. Такие попытки предпринимались, причем неоднократно, на Западе, однако они всякий раз скатывались либо в культурный шовинизм, при котором «азиатский» и «варварский» непременно оказывались синонимами, либо в излишне романтизированный ориентализм, рисующий Восток как некую территорию вневременной мудрости, экзотики и необъяснимой тайны²². В обоих случаях, что интересно, азиатский взгляд на мир объявлялся непрактичным и несовременным — только в первом случае этот факт вменялся ему в вину, тогда как во втором он же ставился ему в заслугу.

Если же попытаться абстрагироваться от подобных оценочных суждений и взглянуть на азиатские ценности глазами самих азиатов, то мы увидим, что, с их точки зрения, их собственные преимущества и недостатки заключаются совсем в ином, и уж, по крайней мере, они точно не считают себя непрактичными²³. Прежде всего, бросается в глаза, что, в отличие от Запада, где превыше всего ценится буква закона, признаваемого высшим авторитетом, на Востоке гораздо большее значение представляют неформальные отношения между людьми, а моральное право пользуется приоритетом

²² Пожалуй, наиболее подробно данный феномен был исследован Эдвардом Саидом. *Said E.W. Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.

²³ Данный раздел написан на основе анализа итоговой декларации международного форума «Обмены и взаимное обучение между цивилизациями Азии», прошедшего в июле 2016 года в Пекине, на котором участниками, представляющими большинство государств континента, была предпринята попытка сформулировать азиатские ценности.

по отношению к праву юридическому. «Добродетель представляет собой суть управления государством, закон же является его видимым проявлением», — утверждают на Востоке. Кто-то в этой связи может сказать, что подобная практика ведет к nepотизму, клановости и разгулу коррупции; другие же обратят внимание на то, что приоритет морали над буквой закона приносит истинный гуманизм во все сферы деятельности человека, укрепляя личные связи между людьми и делая именно их основой развития.

Еще одним существенным отличием от Запада, способствующим установлению более человеческих отношений, является стремление жителей азиатских стран любой ценой избегать открытого противостояния и даже при необходимости жертвовать своими интересами для достижения общей гармонии. В то время как на Западе видят в этом, как правило, лишь проявление трусости и конформизма, на Востоке убеждены, что в случае конфликта победителей не остается, ведь проигрывают все. В случае же налаживания гармоничных отношений, уступивший, в конце концов, достигает даже большего, чем настоявший на своем. Данный принцип используется даже в военной стратегии²⁴.

Обращает на себя внимание и та важность, которую на Востоке приобретает коллектив, интересы которого объявляются приоритетными по отношению к интересам отдельной личности. Поражает в этой связи и способность к самопожертвованию во имя общего дела, к которой оказываются способными отдельные члены коллектива. Подобный альтруизм, как правило, не находит настоящего понимания у жителей западных стран, для которых потребности атомарного человека всегда важнее интересов общества в целом. Связано же это, на самом деле, с тем, что на Востоке убеждены в том, что никакая личность не может быть ограничена своим физическим телом и индивидуальным сознанием. Она с неизбежностью, посредством отношений, в которые она постоянно вступает, включает в себя и ту часть социума, к которой в силу рождения или по случайному стечению обстоятельств фактически принадлежит. В этом смысле разговоры о приоритете индивидуальных интересов над интересами коллектива равнозначны утверждениям о приоритете интересов, к примеру, селезенки над интересами человеческого организма в целом.

Примечательно, что в русле подобного холистического подхода к вопросу строения и функционирования общества особую ценность приобретает сбалансированность его структуры. В условиях необходимого разнообразия функций отдельные части целого ни-

²⁴ *Малявин В.* Военный канон Китая. Москва: РИПОЛ классик, 2015.

когда не становятся похожими друг на друга, при этом они всегда стремятся работать в унисон, не вступая друг с другом в конкурентную борьбу. Другими словами, та же селезенка не будет стремиться к победе над остальными органами человеческого тела или же добиваться того, чтобы все они работали по тем же самым законам, что и она сама. Не является в таком случае желательной и ситуация, при которой каждый орган функционирует по отдельности, не взаимодействуя с другими и не обмениваясь с ними энергией и результатами своей деятельности в процессе совместной работы на общее благо. В конце концов, прекращение жизнедеятельности организма как целого означает смерть каждого из его органов по отдельности.

Еще одной характерной особенностью восточного взгляда на мир является его иррациональность. Вернее, иррациональностью она кажется только тем людям на Западе, которые привыкли четко различать познаваемое и непознаваемое, при этом наделяя последнее негативными чертами, а то и полностью его отрицая. В противоположность этому, на Востоке считают не требующим доказательств, оправданий и оснований существование духовного начала в человеке и непознаваемых аспектов реальности. По этой причине включение их в цельную картину мира не предполагает здесь дополнительной аргументации и не выглядит как чудачество. Этим, в свою очередь, достигается значительно превышающая западный взгляд на мир глубина и объемность мировоззрения, которая может вызывать у европейцев либо преклонение, либо отторжение, но вряд ли истинное принятие. При этом степень проникновения в суть проблемы, с точки зрения восточного человека, измеряется глубиной, с которой проработано непонимание. В своем пределе этот подход означает, что один и тот же факт может быть истолкован разными людьми совершенно по-разному, и при этом это никого не смущает. Связано это с тем, что люди находятся на разных уровнях познания, а любой феномен не просто многомерен, он еще и подвижен, а стало быть, его интерпретации не могут быть одинаковыми для всех и неизменными во времени. Как итог, единообразно трактуемой истины не существует в Азии в принципе.

Ценности, исповедуемые на Востоке, такие как стремление к гармонии в противоположность конкуренции, признание духовного роста как основной потребности человека, понимание многозначности и относительности истинности, а также практически проработанный и философски обоснованный механизм функционирования общества, основанного на единстве в многообразии, действительно выглядят подходящими для того, чтобы стать мировоззренческой опорой новой архитектуры мирового поряд-

ка. Несмотря на это, до последнего времени государства Азии на удивление покорно следовали западной модели развития и даже не пытались претендовать на то, чтобы принять действенное участие в формировании мировой повестки дня. Частично это было продиктовано тем, что та система, которую строил Запад, в свое время выглядела монолитно и убедительно; частично же, это можно объяснить тем, что у большинства стран Азии отсутствовали достаточные финансовые и политические ресурсы для того, чтобы продвигать по всему миру свои собственные мировоззренческие подходы.

В этом смысле так называемый мировой кризис конца нулевых годов двадцатого века стал поворотной вехой в той давно и исподволь развивавшейся тенденции во взаимоотношениях западных и восточных идей, которая, в конечном итоге, может привести к постепенному реформированию всей парадигмы общественного развития. Именно после 2008 года право на эксклюзивность, на которой зиждется западная по своему духу и по своим задачам идеология глобализма, было поставлено под сомнение. В то же самое время страны Азии, уже накопившие достаточный экономический и политический потенциал для того, чтобы поставить вопрос о смене модели развития и принципов организации мировой политической системы и функционирования глобальной экономики, впервые осознали, что им это действительно под силу.

Прошло всего несколько лет, и они, одна за другой, стали заявлять о своем желании пересмотреть сложившуюся под диктовку и во имя интересов коллективного Запада картину мира, предлагая при этом человечеству альтернативные рецепты развития, базирующиеся на ином понимании законов мироздания и принципов взаимоотношения между людьми и народами. Думается, что к этим предложениям следует прислушаться. Дело тут даже не в том, что в совокупности все эти страны представляют едва ли не большую часть населения Земли, и при этом показывают такие темпы прироста населения, которые позволяют предположить, что их доля будет в дальнейшем лишь увеличиваться. Не менее важно и то, что уровень экономической активности в Азии также постоянно растет, а перенос туда в недавнем прошлом существенной части мировых производственных мощностей гарантирует, что страны региона в скором времени завершат переход на индустриальный уровень. Смещение центра принятия политических решений на Восток пока не так заметно, но думается, что по мере того как беспрецедентный рост экономики будет предоставлять в распоряжение стран региона все большие финансовые ресурсы, это также произойдет. Немаловажно и то, что и технологическое развитие в наши дни уже немислимо без активного участия стран Азии,

хотя, без сомнения, возглавляющие этот процесс государства, в большинстве своем, все же находятся на Западе.

Все это, безусловно, важно, однако представляется, что для понимания того, почему в наши дни ответ на вопрос о том, каким же все-таки будет траектория развития человеческого общества в будущем, может быть найден, скорее всего, на Востоке, будет не лишним еще раз вспомнить теорию Данилевского, уже в наши дни творчески развитой в трудах Л.Н. Гумилева, посвященных этногенезу. Каждая из великих цивилизаций, утверждал он, переживает этапы зарождения, роста, расцвета сил, снижения и умирания. Для иллюстрации же своих идей он использовал времена года. Похоже, однако, что сравнение с природными циклами не было проведено до конца, или, точнее, Данилевский так и остался в плену европейской концепции *линейного* времени. В то же самое время на Востоке предпочитают говорить о цикличной его природе, подразумевая, что в пределе каждого умирания неизбежно случается новое рождение, или, другими словами, что зима является не только и не столько итогом осени, сколько предтечей весны.

В этом смысле великие цивилизации Востока, которые переживали свой упадок еще тогда, когда современная западная культура лишь только зарождалась, к настоящему времени подошли к периоду своего нового рождения. Перезимовавший, помолодевший и вновь переживающий прилив сил Восток готов, в результате, занять место уже исполнившего свою историческую миссию Запада, а стало быть, имеет смысл прислушаться к тому, каким образом в этой части света представляют себе образ нашего общего будущего. Весьма вероятно, что именно те рецепты переустройства мира, что в последнее время рождаются здесь, имеют все шансы для того, чтобы стать тем самым путем освобождения от страданий, который так и не смогла предложить сыгравшая свою важную историческую роль цивилизация Запада.

Глава вторая

«АЛЬТЕРНАТИВА С ВОСТОКА»: СМЕНА ПАРАДИГМЫ ИЛИ ЛИДЕРА?

Краткая история «Пояса и Пути»: от декларации к институализации

Китайская цивилизация столь подчеркнуто направлена вглубь себя, что неизменно ставит в тупик иностранных наблюдателей, склонных оценивать те или иные шаги, предпринимаемые правительством КНР на международной арене, с позиции столь же подчеркнуто направленного вовне взгляда на мир, свойственного западной политической традиции. Принимая во внимание огромный геополитический вес, а также совокупный экономический, военный и политический потенциал, присущие современному Китаю, они не перестают поражаться тому, что эта страна до самого недавнего времени не выказывала желания использовать свою растущую мощь в геополитических играх и проецировать ее за свои рубежи. В противовес многочисленным ожиданиям и опасениям, высказываемым и соседями КНР, и ее главными конкурентами на международной арене, включая США и Европейский союз, китайцы все последнее время стремились уйти от любой прямой конфронтации. Более того, они намеренно избегают в разговорах с иностранными партнерами упоминания о каких-либо внешнеполитических амбициях со своей стороны.

Интересно, что подобное поведение Китая на внешней арене производит, как правило, обратный эффект. Как у экспертов и политиков, так и у простых граждан по всему миру не перестает расти тревожность по поводу истинных намерений КНР, по мере того как укрепляется экономический и военный потенциал страны. С их точки зрения, столь подчеркнутое отсутствие направленной вовне агрессии при неоспоримом наличии силы является свидетельством некоего хитроумного плана по «бесшумному захвату» мира. На самом деле, у знакомого с историей и философией Китая пассивное, а порой просто-напросто безразличное отношение его руководителей и простых граждан к проблемам мировой гегемонии большого удивления не вызывает.

Дело в том, что устремления и чаяния китайского государства всегда направлены внутрь страны. Китайцы, по большому счету, никогда не были втянуты в кровопролитные войны за пределами той части Ойкумены, которую они считали и продолжают считать сферой своего прямого культурного и политического влияния. Речь, кроме территории современной КНР, идет о таких странах, как Япония, Корея, Вьетнам, Монголия, о государствах Центральной Азии и некоторых регионах Южной Сибири. Не стоит забывать и о том, что Китай являлся крупнейшей экономикой мира и обладал впечатляющим военным и технологическим превосходством задолго до наступления Нового времени, но при этом не предпринимал попыток использовать свою мощь для того, чтобы вести захватнические войны вдали от своих берегов¹. Не выказывал он никакой заинтересованности и в приобретении колоний за пределами зоны своих прямых геополитических интересов. Китай, действительно, всегда интересовала лишь сфера его непосредственного влияния. При этом он, как правило, ограничивался экспортом в соседние страны социальных и культурных моделей, полагая, что принимающее китайский образ жизни и китайский образ мысли общество, в результате, оказывается более от него зависимым, чем то, что могло быть поработано при помощи грубой силы.

С этой точки зрения, не так много поменялось в китайской политике и на рубеже XX и XXI веков. Полностью оправившись от «столетия унижений» и нескольких беспокойных десятилетий проследовавшей за ним эпохи социальных экспериментов, Китай довольно долго не спешил громогласно заявлять о себе как об одном из основных геополитических игроков планеты. В этой связи принято утверждать, что КНР в своих решениях руководствовалась заветами своего бывшего руководителя Дэн Сяопина, призывавшего соотечественников держать себя скромно и не претендовать на лидерство — якобы до поры, до времени. Свои взгляды на внешнеполитическую стратегию страны патриарх китайской политики, как известно, изложил еще в начале 1990-х годов прошлого века в так называемой «формуле из 24 иероглифов». Обычно ее переводят следующим образом: *«Хладнокровно наблюдать; крепко стоять*

¹ «Уже в X веке, он [Китай] являлся лидирующей экономической державой мира в том, что касается дохода на душу населения, и это лидерство продолжалось вплоть до XV века. Он превосходил Европу и с точки зрения уровня технологического развития, и с точки зрения той интенсивности, с которой он использовал свои природные ресурсы и управлял огромной по территории империей». *Maddison A. Chinese Economics Performance in the Long Run. Paris: OECD Publishing, 1998. P. 15.*

на ногах; спокойно решать проблемы; выжидать в тени; вести себя скромно; никогда не претендовать на лидерство».

Руководствуясь в своих решениях вековыми догмами государственного управления и упомянутыми выше постулатами, власти страны сосредоточились на реформировании и ускоренном развитии национальной экономики и тонкой «настройке» своей политической системы, не особенно вникая в происходящее за пределами страны. В результате то или иное международное событие вызывало реакцию со стороны руководства Китая лишь тогда, когда оно непосредственно касалось его интересов. Даже и в этом случае, впрочем, реакция КНР зачастую оказывалась довольно вялой, что вызывало как уже отмеченное выше удивление зарубежных наблюдателей, так и тихий ропот среди некоторых групп влияния внутри страны. Ярким выразителем таких настроений стала, к примеру, нашумевшая в свое время книга «Китай недоволен!», где, в том числе, ставилась под вопрос и традиционно пассивная роль страны на международной арене².

Однако вся эта ставшая уже притчей во языцех внешнеполитическая индифферентность Китайской Народной Республики неожиданно прервалась 7 сентября 2013 года. Именно в этот день председатель страны Си Цзиньпин, находясь с визитом в Республике Казахстан, выступил в «Назарбаев Университете» с программной речью, в ходе которой предложил возродить исторический Шелковый путь, проходивший по территории обеих стран. В своих тезисах он четко дал понять, что с этих пор Китай будет занимать активную позицию в том, что касается политической и экономической интеграции на просторах Евразии³. В этом ставшем уже историческим выступлении руководитель Китая предложил буквально следующее.

1. Усилить согласование политических процессов между странами Евразии и проводить обстоятельный обмен мнениями по стратегии и тактике экономического развития.

2. Совершенствовать трансграничную транспортную инфраструктуру в пользу постепенного создания транспортной сети, соединяющей Восточную, Западную и Южную Азию.

² Довольно подробный анализ данной книги проделан в монографии профессора Галеновича. *Галенович Ю.М.* О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен!». Москва: Изд-во ИДВ РАН, 2009.

³ Лидер КНР сформулировал свое видение следующим образом: «С целью укрепления экономических связей, углубления сотрудничества и расширения пространства развития стран Евразии, мы можем применять новую модель сотрудничества и общими усилиями сформировать экономическую полосу Шелкового пути, что, по моему убеждению, будет очень выгодно народам всех стран на Великом шелковом пути».

3. Рассмотреть адекватную схему упрощения торговли и инвестиций, нацеленную на ликвидацию торговых барьеров, снижение издержек, повышение скорости и качества экономических операций.

4. Расширить географию применения практики по расчетам в национальных валютах.

5. Активизировать дружественные контакты народов Евразии, укрепить их взаимопонимание и традиционную дружбу, подкрепляя, таким образом, региональное экономическое сотрудничество прочной социальной и общественной базой⁴.

Всего через месяц после этого, 3 октября 2013 года, в ходе своего визита в Индонезию, председатель Си выступил в Совете народных представителей этой страны. В этот раз лидер Китая предложил, в добавление к упомянутому незадолго до этого в Астане Экономическому поясу Шелкового пути, построить также Морской Шелковый путь XXI века. Таким образом, Китай от лица своего лидера громогласно заявил о том, что впредь не собирается замыкаться больше в своих границах, и будет проводить активную внешнюю политику, в том числе и в экономической сфере. Безусловно, многими экспертами, в том числе и в России, подобный шаг китайского руководства предвиделся заранее⁵. Однако столь явно выраженное намерение перейти от обороны к проактивной позиции все-таки звучало отчетливым диссонансом как с точки зрения истории Китая вообще, так и с точки зрения следования заветам Дэн Сяопина в частности⁶. По этой причине в среде иностранных аналитиков оно породило шквал догадок и предположений по поводу того, чем именно была вызвана столь резкая смена приоритетов китайских властей.

Не менее интересно и то, что инициатива Си Цзиньпина вызвала панику в среде экспертов и в самом Китае. Впрочем, доволь-

⁴ Полностью с текстом выступления Си Цзиньпина в Астане можно ознакомиться на сайте посольства КНР в Республике Казахстан. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>

⁵ Об этом, в частности, говорил годом ранее будущий руководитель Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин. Пекин меняет мир // Российская газета. 23.11.2012. URL: <https://rg.ru/2012/11/23/kitay-site.html>

⁶ Стоит заметить, что, вопреки распространенному убеждению, в древности никакого непрерывного Шелкового пути не существовало, ибо китайские торговцы практически никогда не покидали пределы империи, и караваны с шелком, ведомые ими, в лучшем случае доходили до ее границ. Сама концепция единого торгового пути от столицы Китая до границ Европы была предложена в конце XIX века немецким географом Фердинандом Рихтгофеном, а потому может считаться лишь красивой метафорой, но никак не историческим фактом.

но скоро их первоначальное замешательство сменилось активным научным творчеством, и в течение нескольких лет представители экспертного сообщества КНР предпринимали воистину титанические усилия для того, чтобы расшифровать и преподнести миру в понятном виде то, что хотел сказать сначала в Астане, а затем и в Джакарте лидер их страны. Справедливости ради стоит отметить, что задача облачить его во многом поэтическое послание в четкую и понятную вереницу планов, целей и задач – социальных, экономических и внешнеполитических – так и не была окончательно выполнена. Другими словами, единой точки зрения на то, что, собственно, представляет собой китайский глобальный проект, каковы его истинные цели и задачи, а также какие в его отношении могут быть применены критерии успеха, так до сих пор и не выработано.

Определенным достижением на этом пути стала, однако, публикация в марте 2015 года Государственным комитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР «Концепции и Плана действий по реализации «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века».⁷ Данный документ призван был прояснить официальную позицию Китая и заложить основу для дальнейшей проработки всего комплекса вопросов, связанный с реализацией новых внешнеполитических перспектив, обозначенных его лидером.

«Концепция и План», прежде всего, обратили на себя внимание тем, что, как оказалось, за то время, что прошло с объявления главой КНР планов по воссозданию древнего Шелкового пути, масштаб инициативы, которую к этому времени предложили называть «Пояс и Путь», существенно возрос. Действительно, целью Китая провозглашалось теперь «стимулирование упорядоченного и свободного потока экономических факторов, высокоэффективного распределения ресурсов и глубокой рыночной интеграции путем укрепления связей и взаимодействия между Азией, Европой и Африкой, а также в омывающих их берега морях»⁸. Таким образом, речь уже больше не шла о Евразии даже в самом широком понимании этого слова, ведь инициатива Китая включала в себя теперь и Африку, и Мировой океан. Кроме того, утверждалось, что

⁷ Полный текст документа на английском языке доступен на сайте Государственного комитета по развитию и реформе.

URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html

⁸ Китай опубликовал план действий по строительству «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути 21-го века». Интернет-ресурс.
URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1251070.htm>

«работа по реализации инициативы открыта для всех стран, международных и региональных организаций, желающих на основе взаимоуважения и рыночных отношений участвовать в достижении всеобщего процветания»⁹. Таким образом, в основополагающем документе, касавшемся развития стратегической инициативы КНР, было косвенно заявлено о том, что проект, по своей сути, больше не имеет четкой географической или исторической привязки, как это, возможно, все-таки имело место быть на первоначальной стадии его планирования.

Другими словами, Концепция и План действий по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» можно считать тщательно выверенной декларацией о намерениях КНР сформировать коалицию стран, разделяющих ее внешнеполитические устремления и декларируемые ею принципы социального, политического и экономического устройства. План действий, представленный в документе, подразумевает при этом тесную координацию политических процессов, ускоренное развитие инфраструктурных связей, активное поощрение свободной торговли, финансовой интеграции и людских обменов в целях взаимодополняющего использования уникальных ресурсных преимуществ каждой из стран посредством создания механизмов многостороннего взаимодействия и строительства многоуровневых платформ сотрудничества. Показательно, что сам этот документ был опубликован всего за три дня до окончания срока подачи заявок на присоединение к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций – учреждаемой по инициативе Китая кредитной организации, призванной финансировать крупные региональные инфраструктурные проекты. Таким образом, Китай демонстрировал, что он готов не просто представить миру новые принципы своей внешней политики в надежде на то, что у него появятся союзники, готовые их принять и разделить, но и подкрепить вытекающие из такого согласия партнерские отношения существенными финансовыми ресурсами.

Два последующих за опубликованием Концепции и Плана действий по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» года были потрачены Китаем на то, чтобы консолидировать вокруг своей инициативы, к тому времени превратившейся в полновесную декларацию о намерениях, всех потенциальных союзников. Де-

⁹ Китай опубликовал план действий по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». Интернет-ресурс. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t1251070.htm>

тельность эту следует признать в целом успешной. С гордостью подводил итоги проделанной работы сам председатель Китая Си Цзиньпин:

«За это время более ста государств и международных организаций в той или иной степени выразили поддержку данной программе и стали принимать участие в строительстве «Пояса и Пути». Удалось осуществить согласование программ развития с такими странами, как Россия (сопряжение с ЕАЭС), Казахстан (сопряжение с казахстанской программой «Светлый путь»), а также с членами АСЕАН, Турцией (сопряжение с проектом «Центральный коридор»), Монголией (программа «Путь развития»), Вьетнамом (проект «Два коридора, Один круг»), Великобританией (стратегия «Northern Powerhouse»), Польшей (план «Янтарный путь») и так далее. Также шла работа по согласованию политик с Лаосом, Камбоджей, Мьянмой и Венгрией. Китай подписал договоры о сотрудничестве с более чем сорока странами и международными организациями, с более чем тридцатью странами усиливается сотрудничество в сфере производственных мощностей»¹⁰.

Как итог этой, безусловно, напряженной внешнеполитической деятельности и одновременно как заявка на придание китайской инициативе еще большей субстанциальности, с 14 по 15 мая 2017 года в одном из пригородов Пекина прошел грандиозный «Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках китайской инициативы “Пояс и Путь”». Организаторы позиционировали его как самое большое и самое представительное международное мероприятие, когда-либо организованное Китаем «по собственной инициативе». С этим трудно не согласиться, ведь, согласно данным Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, в мероприятиях форума приняли участие свыше полутора тысяч человек. Среди них были официальные лица, ученые, предприниматели, представители финансовых учреждений и средств массовой информации из 130 стран, а также представители более чем 70 международных организаций. На полях форума высокого уровня планировалось подписать больше 50 различных договоров о сотрудничестве в области транспорта, энергетики и коммуникаций с более чем 30 странами мира, а также начать консультации по соглашениям о создании зон свободной торговли.

¹⁰ Перевод речи Си Цзиньпина на форуме «Пояса и Пути». URL: <http://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html>

На приглашение принять участие и посетить в эти дни Пекин откликнулись лидеры государств и правительств 29 стран мира, при этом многие из тех, кто не смог лично принять участие в форуме, отнеслись к инициативе КНР с симпатией и тем или иным способом продемонстрировали свою поддержку. Во время пленарного заседания и групповых дискуссий обсуждались укрепление международного консенсуса по вопросам кооперации, а также разрабатывались планы будущего сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и Путь». На правах хозяина форума председатель Китая Си Цзиньпин представил результаты проделанной за четыре года работы в пяти основных сферах сотрудничества, так называемых «пяти связующих элементах», которые включают в себя политическую координацию, взаимосвязь инфраструктур, беспрепятственную торговлю, свободное передвижение капитала и укрепление связей между народами.

При этом важным итогом самого форума стало то, что была достигнута предварительная договоренность о том, что в будущем подобные мероприятия, проводимые под эгидой КНР, могут стать регулярными, и следующий форум пройдет уже в 2019 году. Это, в свою очередь, означает, что Китай сделал еще один шаг на пути к тому, чтобы выступать законодателем мод в том, что касается путей и принципов мирового экономического развития. Именно этой цели, как представляется, и добивается Поднебесная, выдвигая и развивая свою глобальную инициативу «Пояс и Путь»¹¹.

Миссия: реформирование процессов глобализации

У многих вызывает искреннее удивление то, что КНР, громко заявившая о себе проектом, который позволяет рассматривать его в качестве возможного нового центра притяжения в том, что касается выбора путей развития мировой экономики, при этом старается избегать политической конфронтации со своим основным конкурентом в этом вопросе, Соединенными Штата-

¹¹ Как высказался по этому поводу исполнительный директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «ВШЭ» Т. Бордачев: «Форум и выступление на нем главы китайского государства стали заявкой уже не на региональное, а на глобальное лидерство, обещанием показать пример порядков более справедливых, чем те, что были предложены странами Запада после 1991 года. То, о чем говорил Си, – фантастически серьезная и амбициозная задача. Фактически очередная развилка истории Китая. Если Си эту задачу решит, КНР сможет стать центром альтернативного пути, который выберут многие». *Бордачев Т.* Выход из тени // Lenta.ru. 18.05.2017. URL: https://lenta.ru/columns/2017/05/18/new_world_order/

ми Америки. Многие зарубежные наблюдатели полагают, что сама инициатива «Пояс и Путь» является вынужденной реакцией Китая на политику стратегического окружения, предпринятой США в его отношении, или, другими словами, своего рода асимметричным ответом на активно поддерживавшийся администрацией Обамы проект создания Транстихоокеанского партнерства (ТРП). Значительная часть китайских экспертов также признают, что действия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе действительно представляли до определенного момента угрозу для их страны,¹² и в этом отношении выдвижение инициативы «Пояс и Путь» в какой-то мере являет собой реакцию КНР на политику Соединенных Штатов Америки в АТР¹³.

Думается, однако, что сводить все предпосылки появления столь масштабной инициативы к тактическому противостоянию с одной из ведущих экономик мира было бы все-таки не совсем верно, ибо в этом случае серьезно недооценивается та значимость, которой наделяют «Пояс и Путь» сами власти Китая¹⁴. По их мнению, выдвигаемая их страной инициатива намного масштабнее и значительно реалистичнее и эффективнее, чем идея Транстихоокеанского партнерства. К тому же она принципиально отличается от нее по своему характеру, а потому противопоставление двух проектов было бы попросту некорректным. Выступая со своей программой глобального инклюзивного развития, Китай, как утверждают они, определяет новую повестку дня одновременно для нескольких регионов мира, а не для какого-то одного из них. При этом он предлагает странам Азии, Африки, Латинской Америки сотрудничество на полностью равноправной основе, а не создает очередной закрытый клуб под управлением США или ведомых ими международных организаций, как это подразумевается в проекте создания ТРП. К тому же, в отличие от продвигаемых американскими политиками жестких блоковых структур с резко очерченными границами и строгими критериями лояльности, китайская сторона

¹²Этой точки зрения, к примеру, придерживается Лу Фэн. 卢锋等. 为什么是中国? —— “一带一路”的经济逻辑. 《国际经济评论》. 卢 Фэн и др. Почему Китай? – Экономическая логика «Пояса и Пути» // Гоцзи Цзинцзи Пинлунь, 2015. N 3. С. 9–34.

¹³Подробному анализу геополитических предпосылок появления «Пояса и Пути» посвящена статья Ши Чжэня. 施展. 世界历史视野下的“一带一路”战略 《俄罗斯研究》. Ши Чжань. Стратегия «Пояс и Путь» в контексте всемирной истории // Исследования России, 2015. № 3. С. 3–19.

¹⁴В этом смысле показательным является тот факт, что выход США из переговоров по созданию Транстихоокеанского партнерства в начале 2017 года никак не повлиял на планы Китая по продвижению своей инициативы «Пояс и Путь».

никогда не настаивает на игре с нулевой суммой и всегда оставляет своим партнерам возможность одновременного участия сразу в нескольких интеграционных проектах.

При взгляде на подавляющую часть документов, касающихся «Пояса и Пути», бросается в глаза, что китайская сторона старательно подчеркивает его миролюбивую сущность, при этом сама эта инициатива никогда не позиционируется как скрытая или открытая угроза непосредственным интересам той или иной страны или группы стран. Китай не считает, что текущий миропорядок требует коренной ломки, он просто полагает, что настало время скорректировать его так, чтобы он приносил выгоду всем без исключения участникам процессов глобализации.

Если мы говорим о том, что «Пояс и Путь» не является прямым или косвенным ответом на активность США и их союзников в Азиатско-тихоокеанском регионе, то справедливо возникает вопрос, каковы, в таком случае, истинные предпосылки появления на свет данной инициативы. Представляется, что в этой связи имеет смысл коснуться мировоззренческих истоков «Пояса и Пути», а не приводить в очередной раз чисто геополитические или чисто экономические доводы. Именно в исторической и философской глубине осмысления необходимости широкого международного сотрудничества, на самом деле, кроется основное отличие китайской инициативы от многих других проектов экономической или политической интеграции, которые предлагались в недавнем прошлом или предлагаются в настоящее время.

Все дело в том, что, с точки зрения Китая, процесс глобализации, реализуемый до недавнего времени по лекалам либеральной модели, под диктовку и во имя интересов «коллективного Запада», хотя и был в свое время относительно эффективен, не обладает более никаким «моральным превосходством» и не отвечает интересам всего человечества¹⁵. Последним гвоздем, забитым в крышку символического гроба старой модели интернационализации экономики, стал, по их мнению, мировой финансовый кризис 2008 года, показавший со всей очевидностью, что западный мир не в состоянии больше поддерживать существующую экономическую модель капитализма и диктовать моду в вопросах развития человечества¹⁶. В дальнейшем, по мере усиления неуправляемости

¹⁵ Эту позицию, в частности, подробно разъясняет Ло Юйцзэ из Пекинского университета. См. 罗雨泽. “一带一路”的重大意义和历史机遇. 《沪港经济》. Ло Юйцзэ. Великое значение и исторический шанс «Пояса и Пути» // Хуган Цзинци, 2016. № 1. С. 20–22.

¹⁶ Об этом недвусмысленно говорится на страницах юбилейного доклада Римского Клуба. *Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism,*

международных политических процессов и с появлением на карте мира все большего количества горячих точек, очевидной стала неспособность мирового сообщества отвечать и на геополитические вызовы также. Таким образом, необходимость кардинального пересмотра базовой экономической модели была дополнена необходимостью изменения глобальной политической надстройки также.

Стоит заметить в этой связи, что в то время как безальтернативность глобализации китайскими экспертами никогда не оспаривается, они полагают, что в новых исторических условиях роли основных игроков должны быть частично пересмотрены, а правила игры и идеологическая основа адаптированы к требованиям времени. Именно эту задачу и призвана, по их убеждению, решить новая внешнеполитическая инициатива Китая. Выражаясь образно, Срединное Государство, благодаря своим серьезным успехам во внутренней и внешней политике, достигнутым за годы реформ, «получила тендер» на переустройство основательно прогнившей системы международных отношений, основанной на западных идеологических постулатах и социальных моделях. «Пояс и Путь», как несложно заметить, видится в подобном контексте своеобразной «дорожной картой» реформы сложившегося миропорядка, появление которой, в свою очередь, было предопределено самим ходом истории¹⁷.

В Китае при этом полагают, что пришло время пересмотреть ряд базовых положений европоцентризма, подразумевающих, что цивилизации суши всегда находятся в подчиненном положении по отношению к цивилизациям моря, а Восток по своей природе должен следовать за Западом. Они также говорят и о том, что следует возратить Евразии статус главного мирового центра, который был ею утерян вследствие формирования периферийными морскими державами Запада мировой колониальной системы. «Пояс и Путь» в таком понимании означает не что иное, как коренное реформирование логики возвышения периферийных государств, являющейся общепринятой на протяжении всей Новой истории. Как заявляет в этой связи один из влиятельных идеологов «Пояса и Пути», профессор Народного университета Китая Ван Ивэй:

Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.

¹⁷ Довольно подробно предпосылки, движущие силы и последствия перехода инициативы в формировании мировой повестки дня от стран Запада к Китаю и другим развивающимся странам изложены коллективом авторов под руководством Лу Фэна. 卢锋等. 为什么是中国? ——“一带一路”的经济逻辑. 《国际经济评论》. Лу Фэн и др. Почему Китай? – Экономическая логика «Пояса и Пути» // Гоцзи Цзинцзи Пинлунь, 2015. № 3. С. 9–34.

«Возвышение Португалии, Испании, Голландии и Англии всегда начиналось с моря и становилось возможным за счет географических открытий и последующего за ними процесса установления мирового господства посредством колонизации. Подобная модель была продолжена и Соединенными Штатами Америки после Второй мировой войны¹⁸. В то же самое время, «Пояс и Путь» подразумевает возрождение древних цивилизаций континента и цивилизаций его великих рек, таким образом, видоизменяя всю современную логику возвышения окраинных государств и корректируя возникшую ситуацию господства моря над сушей и периферии над центром»¹⁹.

Таким образом, выдвигая новую модель международного сотрудничества, Китай ставит под сомнение справедливость преобладающих в настоящее время принципов геополитики и геоэкономики. В соответствии с содержащимися в них положениями, развитие, как правило, подразумевает лишь ускоренный рост экономики прибрежных территорий. Как итог подобного перекося в развитии, морские и приморские державы и районы приобретают более высокий статус. Ситуация, при которой государства континентальные, как правило, пребывают в состоянии относительной отсталости, что, в конце концов, приводит к колоссальному разрыву между бедностью и богатством на глобальном уровне, объявляется в этом случае устаревшей и требующей существенной корректировки. Ван Ивэй отмечает по этому поводу:

«Подобная модель глобализации зародилась в Европе и достигла своего «золотого века» во времена превосходства США, в конце концов, сформировав западноцентричный миропорядок. Это привело к господству Запада над Востоком, города над деревней, моря над сушей, а также другим негативным последствиям. В настоящее время, «Один пояс, Один путь» призван восстановить утраченный в результате подобного непропорционального развития баланс»²⁰.

¹⁸ Все вышеуказанные страны, с точки зрения китайских ученых, не могут быть причислены к древним государствам мирового цивилизационного центра, а являются либо окраинными территориями «мирового острова», либо чисто морскими державами, вследствие чего цикл их господства не превышает 130 лет.

¹⁹ Ван Ивэй. Внутреннее цивилизационное содержание «Одного пояса, Одного пути» // Контуры глобальных трансформаций, 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 78.

²⁰ Ван Ивэй. Внутреннее цивилизационное содержание «Одного пояса, Одного пути» // Контуры глобальных трансформаций, 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 78.

Интересно, что в какой-то степени подобный подход означает проекцию вовне того смещения вектора развития, что не так давно произошло и в самом Китае. Приоритет, которым здесь с самого начала реформ обладали прибрежные провинции, был спустя два десятилетия после их начала поставлен под сомнение, что нашло выражение в принятии на вооружение политики, направленной на освоение западных районов страны²¹. Не будет преувеличением сказать, что таким образом Китай возвращается к своей традиционной модели развития, в соответствии с которой великие реки, текущие из сердца континента по направлению к Тихому океану, являлись основными осями, вдоль которых шло развитие государства. Таким образом, можно утверждать, что появление на свет инициативы «Пояс и Путь» было продиктовано в том числе и внутренней логикой движения Китая от моря вглубь континента. До определенного времени оно ограничивалось лишь территорией самой страны, но по мере развития с неизбежностью выходит за ее пределы.

С точки зрения приоритетов в международной политике Китая это означает, в том числе, и усиление взаимовыгодного сотрудничества с сопредельными Китаю странами Центральной Азии, Монголией и другими континентальными державами, к которым китайцы, как правило, относят и Россию. Предоставляющий в распоряжение своих сухопутных соседей производственные возможности и технологии Китай, таким образом, стремится способствовать росту промышленного производства во всех странах, расположенных в глубине континента. С помощью подобной стратегии будет возможно, уверены в КНР, изменить исторически устоявшуюся модель, при которой расположенные вдоль трассы Шелкового пути государства являлись всего лишь посредниками в торговых и культурных обменах между странами Запада и Востока. В их представлении, «Пояс и Путь» не просто будет способство-

²¹ «Политика освоения западных районов официально провозглашена на 4-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва 22 сентября 1999 г. Ее общие стратегические установки изложены в «Программе освоения западных регионов в 10-й пятилетке (2001–2005 гг.)» разработанной Плановым комитетом и Госсоветом КНР. В соответствии с ней, намечается к середине XXI в. в основном завершить модернизацию страны, сократить разрыв в уровне экономического развития отдельных регионов, покончить с отсталостью и бедностью западных регионов, создать их новый облик, обеспечив экономическое процветание, социальный прогресс и стабильность, добиться национального единства и благосостояния населения при значительном улучшении экологической ситуации». Ван Лолинь, *Вэй Хоукай*. Политика освоения западных регионов КНР // Проблемы теории и практики управления, 2003. № 5. С. 51–57.

вать преодолению разрыва между бедными и богатыми странами мира и сглаживанию неравномерности в темпах развития отдельных его регионов, порожденную принятой на вооружение европейскими державами моделью глобализации. В конце концов, он также приведет к построению более безопасного, справедливого, процветающего и гармоничного мира.

В связи с тем, что архитекторами и локомотивами глобализации до настоящего времени являлись прибрежные страны Европы и США, перевозка грузов и в наши дни по большей части осуществляется морским транспортом, притом в массе своей по маршрутам, проходящим по акватории Тихого и Атлантического океанов. В противовес этому, идеологи «Пояса и Пути» призывают сформировать на обширном пространстве, расположенном между двумя этими океанами, альтернативные торговые пути. В соответствии с их видением, они будут включать в себя как сухопутные пояса развития, так и новый морской пояс, проложенный вдоль береговой линии Индийского океана. Все это вместе взятое, как предполагается, позволит достичь более сбалансированного глобального развития.

Не лишним будет отметить в этой связи, что возрожденный Шелковый путь в таком случае мыслится еще и как важнейшая цивилизационная магистраль, которая обеспечивает интенсивное культурное и политическое взаимодействие Китая со странами, расположенными «вдоль пути» и разделяющими его устремления. Как подчеркивает в этой связи тот же Ван Ивэй:

«...это новый Великий Поход Китая, это его послание ко всем странам на его протяжении, его агитбригада, призванная углубить отношения дружбы и сотрудничества со всеми соответствующими странами и в то же время резко поднять уровень доверия мира к Китаю, умножить его возможности, возвысить его международный престиж. «Один пояс, Один путь» с помощью «мечты Шелкового пути» реализует китайскую мечту и в то же время способствует претворению в жизнь мировой мечты»²².

В контексте этого утверждения не выглядит неожиданностью и то, что после того, как победа евроскептиков в Великобритании в 2016 году и произошедшее вскоре вслед за этим избрание стоящего на позициях изоляционизма Дональда Трампа президентом США поставила под угрозу будущее глобализации, Китай последовательнее всех встал на ее защиту. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина

²² Ван Ивэй. Внутреннее цивилизационное содержание «Одного пояса, Одного пути» // Контуры глобальных трансформаций, 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 86.

на Давосском Форуме в Швейцарии 17 января 2017 года стало ярким призывом к продолжению движения на пути к естественной глобализации²³. Принято считать, что Китай выступает с подобных позиций по причине того, что именно он является главным выгодоприобретателем существующего дисбаланса в мировой торговле. Думается, однако, что причины той завидной настойчивости, с которой лидер КНР выступает адвокатом глобализации, лежат в несколько иной плоскости. Как уже было отмечено выше, Китай считает, что сам этот процесс представляет собой прогрессивное явление, однако его текущие цели, а также методы, при помощи которых они до последнего времени реализовывались, требуют глубокого реформирования. Считая себя способным и в какой-то степени призванным придать экономической и политической интеграции новый вектор и новый стимул, Китай выражает готовность возглавить процесс глобализации и направить его в правильное, с его точки зрения, русло. Именно в этом и видится его руководителям историческая миссия «Пояса и Пути».

Сущность: процветание как идеология

Учитывая масштаб перемен, которые инициирует Китай в мировой политике, а также тот объем инвестиций, которым он готов подкрепить свои амбициозные намерения, не вызывает удивления то, что основные игроки, включая Европейский Союз и Соединенные Штаты Америки, отнеслись к китайской инициативе с большим интересом. При этом в своем стремлении прояснить для себя истинную сущность инициативы «Пояс и Путь» для того, чтобы, в конце концов, выработать по отношению к нему определенную линию поведения, они с самого начала проявили значительную долю настороженности. С одной стороны, это вызвано вообще свойственным западному миру скептицизмом по отношению ко всему тому, что предлагается Китаем. С другой, по мере того, как ширится география проекта и возрастает его поддержка в государствах третьего мира, страны Запада начинают выражать все большую озабоченность по поводу того, что их главенствующие позиции в мировой политической и экономической иерархии могут быть действительно поставлены под сомнение.

При этом можно отметить, что, в отличие от политиков, которым в большей степени свойственен алармизм, экспертное со-

²³ «Си Цзиньпин призвал к адаптации и оптимизации экономической глобализации, подчеркнул необходимость нивелирования и устранения факторов ее негативного воздействия во всех сферах и добиваться того, чтобы глобализация приносила блага всем странам и народам». Радио Китая. 18.01.2017. URL: <http://russian.cri.cn/3060/2017/01/18/1s594997.htm>

общество в странах Запада не склонно излишне переоценивать возможности Китая и особой обеспокоенности по поводу его амбициозной программы пока не выказывает. Возможно, причина такого отношения кроется в том, что с чисто экономической точки зрения «Пояс и Путь» вызывает у многих специалистов, скорее, недоумение, чем тревогу или восхищение. Очевидно, что Китай сильно недооценивает риски, связанные с реализацией столь масштабной инвестиционной программы. Он, по их мнению, подвергает себя опасности расплыть внутренние ресурсы на покорение далеких пространств и тем самым ослабить национальную экономику, при этом так и не достигнув декларируемых целей. По этой причине в своих комментариях по поводу китайской инициативы многие европейские эксперты до сих пор позволяют себе снисходительный тон, хотя за ним и чувствуется изрядная доза опасения по поводу того, что Китаю, несмотря ни на что, все-таки удастся реализовать свои грандиозные планы²⁴. По мере того, однако, как КНР все активнее продвигает свою инициативу на международной арене, и та, в свою очередь, обрастает конкретными планами, представители Запада начинают относиться к «Поясу и Пути» одновременно и с большей серьезностью, и с большим опасением²⁵.

Интересно, что в своей попытке объяснить мотивы и попытаться сформулировать суть китайской инициативы многие западные авторы любят проводить параллели со знаменитым Планом Маршалла, который выдвинули в 1947 году Соединенные Штаты Америки и который был призван способствовать восстановлению экономик стран Западной Европы, сильно пострадавших в ходе Второй мировой войны. Несмотря на то, что в отдельных статьях в самом Китае все еще встречаются отзвуки связанной с этим дискуссии, в настоящее время большинство китайских экспертов предпочитают настаивать на том, что «Пояс и Путь» не является китайской инкарнацией знаменитого американского плана²⁶. Главное отличие, как поясняют они, заключается в предполагаемом

²⁴ Our bulldozers. Our rules. // Economist. 02.07.2016.

²⁵ Именно этим, по-видимому, можно объяснить и демарш некоторых европейских делегаций, отказавшихся подписать совместное заявление Пекинского саммита «Пояса и Пути» в 2017 году, сославшись на то, что он не соответствует неким стандартам и нормам.

²⁶ В частности, на этом настаивает Ван Ивэй. 王义桅. 论“一带一路”的历史超越与传承. *Ван Ивэй*. К вопросу о преодолении истории и традиции «Пояса и Пути» // *Frontiers*. 2015. № 9. С. 19–27. Довольно эмоционально высказывается по этому поводу и Чжан Юнлинь. 张蕴岭. 如何认识“一带一路”的大战略设计. Чжан Юнлинь. Как следует понимать стратегический план «Пояс и Путь» // *World Affairs*. 2015. № 2. С. 28–31.

равноправном статусе и сбалансированном участии сторон. Имеется в виду то, что, в отличие от послевоенных США, КНР не планирует выступать с позиции безусловного гегемона. Как справедливо отмечают китайцы, важным является и то, что целью «Пояса и Пути» не является противодействие той или иной идеологии, как это было в случае с Планом Маршалла, который, по сути своей, являлся своеобразным экономическим редутом на пути распространения коммунистических взглядов.

Настаивая на иной, чем просто план экономической помощи, природе своей внешнеполитической инициативы, официальные лица Китая за рубежом при этом старательно избегают слова «стратегия» при ее обсуждении, полагая, что употребление этого термина все же может вызвать у слушателя негативные коннотации²⁷. И это при том, что еще в 2015 году в своей статье «Стратегия ‘Пояс и Путь’ как открытый план действий для великой страны» один из ключевых китайских экспертов Китая по вопросам международной политики профессор Сюэ Ли из Института мировой экономики и политики АОН КНР задавал риторический вопрос: «Зачем продолжать называть инициативой то, что по факту является долгосрочной стратегией?»²⁸

Представляется, что «Пояс и Путь» по своей сути действительно является долговременной внешнеполитической стратегией, а не локальной экономической инициативой, и это необходимо осознавать в том случае, когда ставится задача приблизиться к пониманию его истинных предпосылок и задач²⁹. Другими словами, его появление обусловлено не сиюминутными экономическими или политическими интересами, а проистекает из глубинных потребностей самого государства, его иницилирующего. В этом понимании таится ключ к решению вопроса о том, как же все-таки следует относиться к планам Китая и под каким углом их рассматривать³⁰.

²⁷ Возможно, это связано с тем, что в китайском языке слово «стратегия – 战略» подразумевает ведение боевых действий.

²⁸ 薛力. 一带一路战略是大国阳谋. Сюэ Ли. Стратегия «Пояс и Путь» как открытый план действий для великой страны // Financial Times (China). 14.12.2015. URL: <http://www.ftchinese.com/story/001065182?full=y>

²⁹ Эта точка зрения была подробно обоснована в статье Хо Цзяньго. 霍建国. “一带一路”是战略构想不是工程项目. 《中国经济网》. Хо Цзяньго. «Пояс и Путь» – это стратегический замысел, а не строительный проект // China Venture Capital. 2015. № 8. С. 36–39.

³⁰ Китайские эксперты признают, что первоначальные задачи «Нового шелкового пути» были сугубо прагматическими, и не выходили за рамки поиска новых рынков сбыта и обеспечения доступа к природным ресурсам стран-соседей. Слово же «пояс», под которым понимается именно всестороннее развитие, причем солидарное и взаимовыгодное, появилось в офи-

Представляется при этом, что в ходе любого анализа следует избегать как излишне пренебрежительного отношения к «Поясу и Пути», чем до сих пор, к сожалению, грешат многие эксперты в странах Запада, так и привычки рассматривать любые действия Китая с позиций алармизма или безудержного оптимизма, что отличает многих российских специалистов. Избегать, другими словами, преубеждений и предрассудков.

В этом случае мы можем обнаружить, что «Пояс и Путь» является, по сути своей, проекцией вовне той самой «китайской мечты», о движении к которой сразу же после своего прихода к власти заявил Си Цзиньпин³¹. Экспортом, иначе говоря, самобытной цивилизационной, культурной и социальной модели, базирующейся на тысячелетней традиции, но при этом адаптированной к социальным реалиям XXI века. Именно эту модель Китай, под прикрытием красочных фраз о «караванах с шелком» готов предложить соседям в качестве альтернативы западной модели общественного устройства, до сих пор считавшейся единственно возможной. В связи с этим имеет смысл рассматривать выдвижение инициативы «Пояс и Путь» как попытку Китая расширить сферу своего влияния и продвинуть черновик некоей новой модели социально-экономического развития, однако предпринимаемую в том исконном смысле, который подразумевает восточная политическая мысль — в виде экспорта государственной идеологии. Представляется, что подобный взгляд на внешнеполитическую инициативу КНР с цивилизационной, ценностной точки зрения будет более пригоден для понимания истинной подоплеки и глубинной сути беспрецедентного движения Китая вовне зоны своих традиционных инте-

циальном названии китайского мега-плана и в лексиконе экспертов несколько позднее. Вполне вероятно, что это произошло после их знакомства с идеологией «поясов развития», которая была впервые сформулирована на конференции Мирового общественного форума «Диалог Цивилизаций», прошедшей в 2008 г. в Милане, а затем представлена руководителем МОФ в ходе выступлений и лекций в КНР. (См. к примеру: Доклад В.И. Якунина на международной конференции «Великий шёлковый путь и Транс-Евразийский пояс RAZVITIE Стыковка», г. Шанхай (Китай). 2004. 19 июля). Участниками этих мероприятий были высокопоставленные эксперты и представители правительства, непосредственно формирующие внешнеполитическую повестку дня в КНР.

³¹ В марте 2013 года лидер страны перечислил три главных, с его точки зрения, компонента этой мечты: «Сильное и богатое государство, Национальное возрождение, Народное счастье». После этого идея национального возрождения, увязанного со счастьем каждого человека, стала важной частью политической повестки дня в Китае и в то же самое время предметом широкой общенациональной дискуссии.

ресов, чем простой экономический или геополитический анализ. Последний, и это не секрет, зачастую приводит к опасной недооценке тех вызовов глобальному статус-кво, которые на самом деле таит в себе «Пояс и Путь».

В чем же именно заключается эта мечта и что действительно готов поставлять на экспорт современный Китай? Как это ни странно, страна многовековой культуры и огромного духовного потенциала оказывается в наши дни неспособной удивить мир чем-то, кроме достигнутого за три последних десятилетия экономического роста и сопровождающей его политической стабильности. Это, однако, нисколько не обескураживает китайских стратегов, ибо, с их точки зрения, большинству людей в развивающихся странах мира требуется именно то, что провозгласил общечеловеческими ценностями Китай, и то, что китайцами обозначается как «общество средней зажиточности»³². Другими словами, это спокойная, обеспеченная жизнь, уверенность в завтрашнем дне, стабильная политическая система, гарантирующая социальную справедливость. Что интересно, китайцы искренне уверены в том, что достичь всего этого развивающиеся страны могут лишь в рамках «социализма с китайской спецификой». Именно последний, по их убеждению, и должен прийти на смену устаревшей модели глобального капитализма и либеральной демократии, или, если быть более точным, дополнить их в том, где они показали свою недееспособность³³. Стараясь не опускаться до навешивания идеологических ярлыков, для иллюстрации своей правоты китайцы предпочитают ссылаться на факты, и тут им сложно что-либо противопоставить. Действительно, именно китайская модель развития впечатляет страны третьего мира не только своей завидной экономической статистикой, но и эффективными методами достижения политической стабильности, которую в течение долгого времени удается поддерживать властям этой страны и которой многие развивающиеся страны могут лишь позавидовать³⁴.

³² Стратегия построения «общества средней зажиточности» была принята на XVI съезде КПК в 2002 году. Выполнение стратегии намечено на 2021 год, год столетнего юбилея КПК.

³³ В стремлении избежать конфронтации с США взаимную дополняемость двух подходов подчеркивают многие китайские авторы, к примеру, Чу Инь и Гао Юань. 储殷, 高远. 中国 一带一路 战略定位的三个问题. 《国际经济评论》. *Чу Инь и Гао Юань*. Три вопроса позиционирования китайской стратегии «Пояс и путь» // *International Economic Review*. 2015. № 2. С. 90–99.

³⁴ «За три десятилетия реформ Китай из глубокой периферии мировой экономики неожиданно для всех шагнул в число лидеров, выйдя в 2014 г. на первое место по фактическому объему ВВП и экспорту высокотехнологичных товаров. Средние темпы роста ВВП за годы реформ составили 10,5%. Объем ВВП за эти годы вырос в 30 раз (с 300 млрд долл. до 9 трлн долл. по текущему кур-

По мысли китайских идеологов, из этого с неизбежностью следует, что тем важным вкладом, который Китай может внести в общую копилку человечества, как раз и являются его теория и практика тотального, опережающего экономического развития, приспособленного к особенностям социально-политического устройства развивающихся стран. Социальная стабильность и благосостояние государства видятся им в качестве необходимого условия любого поступательного развития, а относительный материальный достаток и политическая пассивность граждан представляются им его желательным следствием. Именно в том, чтобы донести до народов планеты свой рецепт справедливого и вместе с тем зажиточного общества и видят китайцы глобальную историческую миссию КНР на современном этапе. Её, в свою очередь, призвана реализовать инициатива «Пояса и Пути»³⁵, которая в этом случае действительно видится как продуманная и своевременная внешнеполитическая стратегия, сутью, духом и методом которой при этом является экспорт экономической политики, введенной в современном Китае практически в сакральный статус.

Важно отметить в этой связи, что КНР, вопреки распространенному мнению, не собирается экспортировать светлое будущее в упакованном и готовом к употреблению виде. Скорее, всем тем развивающимся странам, что заинтересуются в том, чтобы в дальнейшем развиваться на китайский манер, предлагается набор ноу-хау и некий первоначальный капитал, который Китай готов инвестировать в интернационализацию своей мечты. Строить же «общество средней зажиточности», однако, им предлагается своими силами. При этом, конечно же, КНР не отказывается от того, чтобы и в дальнейшем принимать посильное участие в этой работе. Выражается посильная помощь странам «по пути» в их движении к своей собственной мечте не только в готовности делиться секретами достижения экономического успеха и поддержания высокого

су юаня к доллару). Промышленное производство увеличилось в 40–50 раз. За 30 лет реформ Китай получил более 1 трлн долл. прямых инвестиций. Золотовалютные резервы Китая в 2015 г. достигли 4 трлн долл., увеличившись за это время в сотни раз. По уровню экономического развития, измеряемого показателем ВВП на душу населения, Китай поднялся с места в конце списка беднейших стран до места среди стран со средним достатком в первой тридцатке». *Шмелев Ю.Д.* Стратегия и практика социально-экономических реформ в РФ и КНР в конце XX–начале XXI вв.: Сходство и различия. // Вестник университета ГУУ, 2016. № 5. с. 261.

³⁵ Возможно, наиболее полно это понимание сформулировал Юй Хунцзюнь. 于洪君. “一带一路”的时代意义和历史价值. *Юй Хунцзюнь.* Эпохальная значимость и историческая ценность «Пояса и Пути». 08.05.2016. Интернет-ресурс. URL: <http://www.aisixiang.com/data/99393.html>

уровня социальной стабильности, но и в желании вкладывать в совместные проекты значительные финансовые и в какой-то степени управленческие ресурсы. В соответствии с выверенными формулировками официальных документов, подобная стратегия инклюзивного развития звучит как «совместные консультации, совместное строительство и совместное использование»³⁶.

Безусловно, китайцы прекрасно осознают при этом риск того, что их ближние и дальние соседи могут неправильно истолковать их замысел или окажутся неспособными воспринять и реализовать выдвигаемые им идеи в силу особенностей менталитета, исторической памяти или по каким-то другим причинам³⁷. Их, однако, это не слишком обескураживает. У наблюдающих за развитием «Пояса и Пути» зачастую вызывает удивление, почему Китай так упорно стремится избегать обсуждения гарантий безопасности и вопросов военного сотрудничества со странами, вовлеченными в его реализацию. Несмотря на то что маршруты инфраструктурных коридоров проходят по территории, возможно, самых взрывоопасных регионов планеты, и при этом ни одно из государств-партнеров не дает стопроцентных гарантий безопасности китайским инвестициям, проблема эта, похоже, ничуть не тревожит ведущих экспертов, и они упоминают о ней в своих рассуждениях лишь вскользь.

Как представляется, объяснением здесь может служить хорошо знакомая специалистам по истории Китая концепция «умиротворения варваров». Ключевые ее положения подразумевали, в частности, что лицемерие морального величия Срединной Империи само по себе способно вызвать у соседей благоговейный трепет, а потому во взаимоотношениях с теми из них, кто выразил искреннее желание сотрудничать, не следует полагаться на военную силу. Как представляется, именно в соответствии с духом этой традиции Китай, вопреки опасениям многих его соседей, не строит планов проецирования военной мощи за пределы своих границ – ни в целях экспансии, ни в целях защиты коммерческих интересов. Не строит не потому, что придерживается ярко выраженных пацифистских позиций, а в связи с тем, что считает войну уделом госу-

³⁶ Все официальные формулировки грамотно сведены, в частности, у Лю Вэйдуна. 刘卫东. “一带一路”战略的科学内涵与科学问题. 《地理科学进展》. Лю Вэйдун. Содержание и научные вопросы стратегии «Пояса и Пути» // Progress in Geography, 2015. № 34 (5). С. 538–544.

³⁷ Подробный анализ потенциальных проблем во взаимоотношениях с соседями и предложения по минимизации рисков приводит в своей статье Сюэ Ли. 薛力. 中国“一带一路”战略面对的外交风险. 《国际经济评论》. Сюэ Ли. Дипломатические риски на пути реализации стратегии Китая «Пояс и Путь» // International Economic Review, 2015. № 2. С. 68–79.

дарств, не способных завоевать сердца соседей превосходящей силой своей культуры. В этой связи стоит также отметить, что среди китайцев очень слабо выражено опасение по поводу возможного проникновения на территорию их страны идей радикального ислама, экстремизма и пантюркизма. Между тем, принимая во внимание родственные связи народов Синьцзяна и республик постсоветской Средней Азии, а также активное участие в делах этого региона Турции, такая опасность, на самом деле, существует и ее, конечно же, нельзя недооценивать³⁸. Возможно, низкий уровень тревожности по этому поводу в среде китайских экспертов также объясняется их уверенностью в своем моральном превосходстве над потенциальными противниками.

С точки зрения КНР, истинная сверхдержава, к статусу которой она стремится, кроме подчеркнутой скромности, отличается еще и завидной политической терпимостью. В то время, как ни для кого не является секретом, что глобализация по-американски подразумевает подчинение «неизбежности курса на демократические перемены», Пекин гораздо спокойнее относится к проявлениям местной политической специфики, хотя иногда и сетует на то, что режимы, с которыми ему приходится иметь дело, слишком разнородны по своей природе³⁹. Вместо того чтобы унифицировать политическое поле вдоль «Пояса и Пути» и подстраивать под свою картину мира сложившиеся там в силу исторических и социальных причин те или иные политические конструкции, китайские эксперты предлагают глубже вникать в механизмы их функционирования и принципы построения, и даже, возможно, чему-то учиться у партнеров. Советуют, другими словами, адаптироваться к окружающей их среде, хотя и осознают при этом, что сделать это будет непросто.

Некоторые в своей «идеологической раскованности» идут еще дальше, приветствуя любую политическую инициативу со стороны своих потенциальных партнеров. В поисках компромисса они иногда даже настаивают на том, чтобы «Пояс и Путь» включал в себя любые

³⁸ Стратегия Турции в Средней Азии подробно проанализирована в статье Су Чуньюй. 苏春雨. 土耳其中亚战略与“丝绸之路经济带”建设. 《亚非纵横》. Су Чуньюй. Турецкая стратегия в Центральной Азии и строительство «Экономического пояса Шелкового пути» // Asia-Pacific Security and Maritime Affairs. 2015. №1. С. 72–80. Несмотря на признание очевидной угрозы, которая турецкая политика в регионе представляет для интересов Китая, автор преисполнен оптимистическими ожиданиями и предлагает плотнее взаимодействовать с Турцией в сфере культурных обменов.

³⁹ 储殷, 高远. 中国 一带一路 战略定位的三个问题. 《国际经济评论》. Чу Инь и Гао Юань. Три вопроса позиционирования китайской стратегии «Пояс и Путь» // International Economic Review, 2015. № 2. С. 90–99.

имеющиеся альтернативные планы развития (при этом предпочитая говорить о сопряжении) — причем как те, что уже взяты на вооружение теми или иными государствами, так и те, что пока еще находятся в разработке. Свою выгоду Китай видит при этом не в том, чтобы оттеснить другие инициативы, а в том, чтобы все они, в конце концов, реализовывались на платформе, предоставляемой КНР. К слову говоря, в этом контексте кажутся лишними основания страхи по поводу возможного конфликта интересов Китая и России в Центральной Азии, ибо ЕАЭС, по большому счету, служит в данном случае удобным каркасом для продвижения интересов «Пояса и Пути», в то время как сама китайская инициатива, в свою очередь, наполняет Евразийский экономический союз жизнеспособным содержанием. С разработанным же в России проектом Транс-Евразийского пояса «Развития» (ТЕПР), о котором пойдет речь чуть ниже, китайская программа и вовсе полностью комплиментарна.

Надо признать, что с точки зрения представителей многих развивающихся стран всеядность подобного рода выгодно отличается от излишне идеологизированной и в чем-то тоталитарной толерантности западных эмиссаров, что, в свою очередь, вызывает в США и странах Европейского Союза нешуточную озабоченность⁴⁰. Представляется, что за всем этим кроется не идейная бесхребетность КНР, в чем в последнее время стало модным упрекать китайское руководство (в том числе, и внутри страны), а его завидная уверенность в собственной правоте и вместе с тем глубокая укорененность в истории и политической культуре своей страны. Немаловажно и то, что китайцы научились четко разделять идеологию и экономику. При этом они абсолютно убеждены в том, что в современном мире именно последняя должна окончательно подменить собой первую. Стало быть, рассуждают в КНР, не все ли равно, какая именно политическая модель взята на вооружение в том или ином государстве, ведь общность экономических подходов двух стран в конечном итоге все равно оказывается неизмеримо важнее.

Подводя итог, можно сказать, что предлагаемая Китаем корректировка процессов глобализации, выражением которой является инициатива «Пояс и Путь», является, по сути своей, новой внешнеполитической стратегией страны, которая, как здесь полагают, позволит КНР реализовать свою историческую миссию на современном этапе. Миссией же этой является предоставление в распо-

⁴⁰ Тревога чувствуется даже в словах легендарного Ф. Фукуямы. *F. Fukuyama. China's road or the Western way: whose economic development model will prevail? // South China Morning Post. 14.01.2016.*

ряжение странам развивающегося мира китайской модели деполи-тизированного экономического развития, целью которого является построение общества средней зажиточности. Достигший за последнее время на этой почве значительных успехов Китай предлагает всем заинтересованным сторонам воспользоваться выработанными им рецептами и тем самым признать за ним моральный авторитет, которым, как полагают китайцы, в настоящее время на мировой арене обладают именно они. В точном соответствии с традиционной государственной философией современный Китай видит свое предназначение в «наведении порядка в Поднебесной». Именно это убеждение, как представляется, и заключено в сухих формулировках официальных документов, посвященных реализации «Пояса и Пути». Каковы же в таком случае методы, которыми Пекин планирует реализовать эту амбициозную задачу на практике?

Механизмы: пояса развития и союз сердец

С одной стороны, Китай осознает, что слепое копирование их собственного опыта, даже если он был очень успешным, редко приводит к достижению схожего результата в других странах. Связано это не только с теми возможностями и ограничениями, которые накладывают на характер и скорость протекания реформ общий уровень развития, исторические, географические, демографические, политические и другие факторы, присущие тому или иному региону. Немаловажно в этой связи и то, что приоритеты развития и ценностные ориентиры населяющих ту или иную страну граждан также могут существенно различаться. Это тем более верно, когда дело касается столь непохожих с точки зрения исторической традиции, государственного устройства, природных и климатических условий, а также уровня экономического развития государств, которые пытается объединить под своей эгидой воистину глобальная китайская инициатива «Пояс и Путь». С другой стороны, вольно или невольно, в процессе совместных консультаций и совместного строительства Китай подталкивает их именно на тот путь, что обеспечил ему самому быстрый выход из состояния отсталости на передовые рубежи развития, а потому имеет смысл кратко напомнить о том, в чем именно заключался секрет китайского экономического чуда⁴¹.

Прежде всего, стоит отметить, что его основу составило грамотное сочетание жесткого государственного управления и всемерного

⁴¹ Тема эта достаточно хорошо изучена в России. См., к примеру: *Портяков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979–1999). Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2002; *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2007.

поощрения частной инициативы, при котором государство постепенно делилось своей долей в определенных секторах промышленности с предпринимателями, оставляя, однако, за собой, контроль над общим ходом процесса, а также над стратегическими, капиталоемкими и наукоемкими отраслями народного хозяйства. Ровно так же, постепенно снижая уровень контроля, но при этом никогда полностью с ним не расставаясь, правительство Китая взаимодействовало и с зарубежными инвесторами, чей энтузиазм, с одной стороны, немало способствовал взрывному росту экономики КНР, с другой, всегда был ограничен жесткими рамками, установленными правительством страны. Сочетание постепенного устранения прямого управления и одновременного усиления косвенных регуляторных механизмов позволило Китаю привлечь в страну значительные финансовые ресурсы, не потеряв при этом суверенности своей банковской системы и сохранив стабильность курса юаня, что, в свою очередь, в значительной степени способствовало постоянному росту экспорта и увеличению золотовалютных резервов страны.

Довольно специфической стратегией также явилась целенаправленная и в какой-то степени поощряемая неравномерность в развитии отдельных регионов и промышленных секторов Китая, когда за счет маневрирования и концентрации ресурсов на наиболее приоритетных направлениях, а также с помощью прямого государственного вмешательства, создавались географические зоны и народнохозяйственные отрасли опережающего развития. Предполагалось, что успех этих искусственно выведенных за рамки национальной экономики территорий будет способствовать прогрессу всех остальных регионов страны, ибо они не только являлись центрами ускоренного роста производства валового продукта, но и позиционировались как примеры для подражания.

Наконец, идеологами и практиками китайских реформ уделялось приоритетное внимание инфраструктуре в самом широком смысле этого слова. Именно инфраструктура виделась им в качестве драйвера роста экономики в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также в качестве основы для развития страны в долгосрочной перспективе. Кроме того, масштабное развитие инфраструктуры призвано было стать надежной платформой для поступательного и гармоничного развития всего китайского общества, а стало быть, в какой-то степени, гарантом политической стабильности и общей управляемости страны⁴².

⁴² Безусловно, следует упомянуть и о том, что грамотная внутренняя политика, научно выверенная программа экономического развития и определяющая роль КПК удачно сочеталась с благоприятной внешнеполитической конъюнктурой. На руку Китаю сыграло желание США иметь геополитический

Какие же именно из этих доказавших эффективность внутри страны стратегий Китай считает пригодными к использованию за ее рубежами? Как уже было отмечено, инициатива «Пояс и Путь» отличается высокой степенью политической индифферентности, потому в документах, с ней связанных, практически не поднимаются вопросы участия государства в тех или иных проектах, реализуемых под ее эгидой. В основном, авторы ограничиваются упоминанием того, что правительства стран «вдоль пути» плотно координируют свои политики в том или ином вопросе между собой. Вместе с этим, необходимости контролируемой неравномерности международного развития, которое планируется реализовывать через создание свободных экономических зон, а также вопросам создания глобальной транспортной, энергетической и финансовой инфраструктуры придается особое значение. Создается впечатление, что создание поясов инфраструктурного развития как связанных в единую сеть приоритетных зон развития является тем самым «философским камнем» Китая, секретом которого он готов делиться со всеми партнерами, желающими принять участие в реализации инициативы «Пояс и Путь». И если создание Фонда Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций представляются в этой связи всего лишь демонстрацией серьезности намерений Китая реализовать свою новую внешнеполитическую стратегию, обеспечив потенциальных партнеров необходимой финансовой поддержкой, то провозглашаемая им опора на инфраструктурные коридоры развития является ее ключевым методологическим положением. Как отмечает в своей статье, посвященной анализу инициативы «Пояс и Путь», известный эксперт по Китаю И.Е. Денисов:

«Идея взаимосвязанности и интенсификации торгово-экономического сотрудничества реализуется в концепции экономических коридоров, под которыми понимаются крупные международные маршруты с опорными точками в ключевых городах и площадках для сотрудничества в важных торгово-экономико-производственных зонах»⁴³.

противовес Советскому Союзу, что привело к росту западных инвестиций в Китай, предоставлению тому режима наибольшего благоприятствования, а также экспорту ключевых технологий. Все это стало возможным после визитов в КНР в 1971 г. госсекретаря Г. Киссинджера и в 1972 г. президента США Р. Никсона и последующих за этим договоренностей.

⁴³ Денисов И.Е. Поднебесная смотрит на Запад // Контуры глобальных трансформаций, 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 29.

Что касается политических механизмов, с помощью которых Китай планирует добиваться своих масштабных целей, то здесь стоит отметить ту особую важность, что КНР придает двусторонним соглашениям с каждым из заинтересованных в сотрудничестве партнеров. На словах, конечно же, провозглашается намерение использовать потенциал таких международных организаций, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и других. На деле, присутствует четкое осознание того, что экономическая кооперация далеко не новое слово в лексиконе развивающихся стран, а потому «Поясу и Пути» придется отвоевывать место под солнцем в условиях жесткого противостояния со стороны других интеграционных инициатив, уже реализуемых или пока еще только существующих на бумаге. Конкурировать же ни с кем из них китайцы не собираются, а потому основой своей внешнеэкономической политики видят сепаратные договоренности с каждой из стран «вдоль пути». Это позволяет Китаю в значительной степени избежать ограничений, которые неизбежно накладывает на те или иные формы сотрудничества своих членов каждое из интеграционных объединений. В то же самое время, применение индивидуального подхода к каждой из стран гарантирует получение лучших для себя условий в каждом конкретном случае.

В то время как государство берет на себя обязательство прорубать своеобразные инфраструктурные «окна» в различных направлениях и содействовать реализации своей внешнеполитической стратегии масштабными инвестициями, основная нагрузка по наполнению ее практическим содержанием должна, как предполагается, лечь на плечи отдельных предприятий – как государственных, так и частных. Именно их усилиями Китай планирует добиваться экспорта своей модели развития, и именно от их удач или неудач на внешних рынках во многом зависит успех «Пояса и Пути». Необходимо отметить в этой связи, что подобный, ярко выраженный акцент на индивидуальной инициативе вызывает значительный скепсис у многих в Китае. Некоторые эксперты, к примеру, полагают, что частные компании будут не в силах выполнить возложенные на них задачи по причине недостаточного понимания особенностей бизнеса за пределами страны. Другие же считают, что в случае благоприятной ситуации на внутреннем рынке у предпринимателей не будет достаточной мотивации для того, чтобы откликнуться на призыв правительства к «выходу вовне –

цзоучуцзюй»⁴⁴. В то же время отдельные эксперты выказывают опасения по поводу того, что вышедшие на внешние рынки компании будут проявлять слишком много инициативы и своими неуклюжими действиями там скорее приведут к формированию негативного образа Китая за рубежом, чем будут способствовать реализации его долгосрочных интересов⁴⁵. Надо признать, что все эти опасения имеют под собой определенные основания, а стало быть, можно ожидать, что в дальнейшем, по мере возрастания важности успеха «Пояса и Пути» для международного имиджа Китая, акценты могут сместиться в сторону более акцентированного участия государства в процессах его реализации.

В том, что касается механизмов реализации «Пояса и Пути», очень важным является понимание гуманитарной составляющей планов КНР. Одной из целей китайской инициативы, как известно, является создание «союза сердец» народов развивающихся стран, и думается, что в данном случае это не просто красивые слова, а целенаправленная стратегия. Стратегия, направленная на покорение силой правды, а не силой оружия. В этой связи интересно отметить, что китайские эксперты, занимающиеся международной проблематикой, настойчиво призывают самих китайцев к активному изучению культур других народов. Похоже, они прекрасно осознают, что культурное взаимодействие Китая с зарубежными странами крайне важно для общего успеха их инициативы, и стараются избежать ошибок средневековых китайцев, считавших себя настолько выше других в культурном отношении, что они считали ниже своего достоинства учиться чему-либо у своих соседей.

В результате, в планах Китая вопросу «взаимопроникновения сердец» посвящается действительно много внимания. Именно в этой области, как полагают сами китайцы, им есть, что предложить соседям. Об исторических проблемах, зачастую омрачающих современные отношения между странами и мешающих налаживать взаимовыгодное сотрудничество, они предпочитают умалчивать,

⁴⁴ Призыв к китайским компаниям активнее выходить на внешние рынки был впервые озвучен в 2001 году, и с тех пор превратился в каком-то роде в императив государственной политики. Несмотря на значительные успехи, достигнутые в этом направлении, он также часто подвергается серьезной критике со стороны экспертного сообщества и со стороны самих предпринимателей.

⁴⁵ Если к условным оптимистам можно причислить представителей экономического блока, таких как Хо Цзяньго, то к пессимизму больше склонны представители партийных кругов. Так, свои опасения, к примеру, не стесняется в довольно откровенной форме высказывать Чжао Лэй из Партийной школы ЦК КПК. 赵磊. 有关“一带一路”的几个关键性问题. 《理论研究》. Чжао Лэй. Несколько ключевых вопросов по поводу «Пояса и Пути» // Theoretical Research, 2015. № 5. с. 2–9.

тем самым предлагая соседям забыть былые обиды и отложить разрешение имеющихся противоречий на более поздний срок. Вместо этого акцент делается на ярких перспективах будущего, к которому страны могут идти сообща⁴⁶.

Будучи искренне уверенными в своей исторической правоте, китайцы полагают, что им просто требуется четко разъяснить свою позицию миру, и тому не останется ничего другого, как признать его моральное превосходство. Именно эта убежденность толкает их на то, чтобы интенсивнее продвигать за рубежом китайский язык, китайские ценности и традиционную культуру, всеми силами поощрять научные и культурные обмены, а также развивать международную сеть мозговых центров, занимающихся Китаем вообще и проблематикой «Пояса и Пути» в частности. Много внимания уделяется также стимулированию образовательных обменов со странами «вдоль пути», при этом целью властей страны является приглашение как можно большего количества зарубежных студентов на обучение в университеты КНР в надежде на то, что те, в конце концов, подпадут под очарование китайской культуры⁴⁷. Не забывают китайцы и о совместных издательских проектах в области культуры и образования, о более тесном взаимодействии средств массовой информации, включают в свои планы проведение совместных научных конференций, конгрессов и симпозиумов, а также заботятся об организации тесного взаимодействия по спортивной линии со всеми странами «вдоль пути».

Одним словом, Китай всеми возможными способами старается подчеркнуть, что инициатива «Пояс и Путь» является не просто «еще одним» выгодным экономическим проектом, но и способна коренным образом изменить весь культурно-антропологический ландшафт Евразии. Это произойдет в том случае, если в ходе ее реализации она действительно станет платформой для достижения более высокого уровня взаимопонимания между представителями разных народов, и в то же самое время предоставит новые возможности для личностного развития всем гражданам, проживающим на территории «стран вдоль пути». В этом идеология «Пояса и Пути» действительно созвучна тем принципам, что подразумевает реализация «китайской мечты». Думается, что именно эта, хорошо артикулированная социокультурная составляющая китай-

⁴⁶ 卢锋等. 为什么是中国? —— “一带一路” 的经济逻辑. 《国际经济评论》. 卢 Фэн и др. Почему Китай? – Экономическая логика «Пояса и Пути» // Гоцзи Цзинцзи Пинлунь, 2015. № 3. С. 9–34.

⁴⁷ 杜德斌, 马亚华. “一带一路”: 中华民族复兴的地缘大战略. 《地理研究》. Ду Дэбинь, Ма Яухуа. «Пояс и Путь»: Геополитическая стратегия возрождения китайского народа // Geographical Research, 2015. № 34(6). С. 1005–1014.

ской инициативы является ее наиболее важной характеристикой, которая позволяет всерьез говорить о том, что Китай предлагает миру принципиально новые формы сотрудничества, при которых человек и его личное развитие, а не экономические показатели как таковые, становится критерием успеха того или иного интеграционного проекта.

Цели: устранение дисбалансов и сообщество единой судьбы

Безусловно, было бы не совсем верным полагать, что Китай в своем стремлении реформировать процессы глобализации и оказывать всемерную поддержку развивающимся странам мира в том, что касается выбора моделей развития, руководствуется чистым альтруизмом или находится в плену каких-то геополитических миражей. На самом деле, во главе КНР стоят прагматики, для которых интересы собственной страны находятся превыше всего. К тому же, народ Китая готов с энтузиазмом ответить на призыв партии и правительства и поддержать тот или иной проект лишь в том случае, если будет четко понимать, в чем состоит конкретная польза от реализации этого проекта для него самого, для его предприятия или для его региона. В этом смысле, лишь те планы, что действительно способствуют дальнейшему процветанию Китая, могут быть приняты на вооружение правительством этой страны. Не случайно в этой связи, что, выступая 17 августа 2016 года на рабочем совещании по «Поясу и Пути», Си Цзиньпин подчеркнул, что именно потребности внутреннего развития Китая являются основной причиной выдвижения данной инициативы. При этом он пояснил, что для продолжения устойчивого и здорового развития своей национальной экономики Китай должен выработать глобальный взгляд, а также более активно и инициативно выходить во внешний мир⁴⁸.

Несмотря на то что в стране до сих пор отсутствует четкое понимание потенциальных выгод, которые сулит Китаю успешная реализация «Пояса и Пути», определенный консенсус в экспертном сообществе по этому поводу все же сложился. В целях данного исследования будет нелишним упомянуть те его положения, которые не вызывают серьезного возражения ни у ученых в самом Китае, ни среди зарубежных специалистов.

Во-первых, большинство из них сходятся на том, что движение в глубь континента будет способствовать более равномерному и сба-

⁴⁸ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. Аналитический доклад. Научн. ред. В.И. Якунин, рук. А.В. Лукин. Москва: Научный эксперт, 2016. С. 48–49.

лансированному развитию регионов Китая. Дело в том, что основными бенефициарами «Пояса и Пути» в теории должны стать внутренние провинции страны, в настоящее время существенно отстающие от прибрежных регионов по уровню жизни населения, скорости осуществления реформ и степени вовлеченности в мировую экономику. Прежде всего, речь идет о Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), граничащим с Россией, Пакистаном, Афганистаном и Индией, а также Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией и Россией. Представители этого автономного района всерьез рассчитывают на то, что повышенное внимание руководства страны к развитию бизнеса со среднеазиатскими соседями Китая будет способствовать экономическому буму в их конкретном регионе⁴⁹. Остальные внутренние провинции КНР, в особенности те из них, что расположены в центральной и западной части страны, также стараются активнее обозначить свою особую заинтересованность в успехе реализации инициативы «Пояс и Путь». При этом они искренне надеются на то, что центральное правительство всецело поддержит их в их стремлении активнее участвовать в процессах международной кооперации.

Во-вторых, принято считать, что Китай может получить существенную финансовую выгоду от развития международной торговли, запуска совместных производственных проектов с соседними странами, а также от развития транспортной и логистической инфраструктуры на просторах Евразии и за ее пределами. В поддержку этого довода, как правило, говорят о том, что в случае успешной реализации планов, заложенных в инициативе «Пояс и Путь», облегчится доступ китайских товаров на зарубежные рынки. При этом сам он получит возможность приобретать за границей необходимые ему полезные ископаемые, которыми некоторые страны «вдоль пути» действительно богаты. Именно потребностью создать благоприятные условия для продвижения своих товаров на зарубежные рынки, а также сократить транспортные издержки и сроки доставки их на европейский рынок некоторые эксперты объясняют и призывы Китая к упрощению таможенных, визовых и иных процедур. Этим же, по их мнению, продиктованы и планы по созданию зон свободной торговли и расширению объемов сделок в национальных валютах. Не секрет, что в настоящее время китайская экономика, с одной стороны, страдает от кризиса перепроизводства, с другой, испытывает определенный дефицит природных ресурсов, потому подобная аргументация, безусловно, имеет право на существование.

⁴⁹ 唐立久, 穆少波. 中国新疆: “丝绸之路经济带”核心区的建构. 《新疆师范大学学报》(哲学社会科学版). Тан Лицзю, Му Шаобо. Синьцзян: создание ключевого района «Экономического пояса Шелкового пути» // Journal of Xinjiang Normal University (Edition of Philosophy and Social Sciences), 2014. № 2. С. 19–24.

Наконец, в тесной связи со всем вышеприведенным упоминают также и желание Китая экспортировать производственные мощности за рубеж — как по причине насыщенности внутреннего рынка, так и из экологических соображений. Среди других причин, которыми объясняют потребность Китая к выходу за пределы своих национальных границ, отмечают потребность в новых технологиях, в том числе «зеленых», а также заинтересованность страны в ускоренном развитии электронной торговли⁵⁰. Некоторые при этом предполагают, что КНР к тому же лелеет планы экспорта избыточных трудовых ресурсов, или, проще говоря, готовит почву для трудовой миграции китайского населения за рубежи страны. Безусловно, последний аргумент встречается лишь у алармистки настроенных экспертов из стран, соседствующих с Китаем⁵¹, и никогда не упоминается в работах самих китайцев.

Интересно, что настойчивые поиски сиюминутной выгоды, которые, по их мнению, должен в самом ближайшем будущем принести КНР «Пояс и Путь», отличает лишь консервативно мыслящих авторов. Парадоксально, но к ним можно отнести как излишне патриотичных экспертов в самом Китае, так и их националистически настроенных коллег за рубежом, исторически воспринимающих любые шаги КНР на международной арене настороженно. В то же самое время, эксперты по обе стороны границы, стоящие на более взвешенных позициях, настойчиво ищут (и при этом с успехом находят) совершенно иные дивиденды, которые сулит открытость Китая и самой стране, и ее соседям⁵². Они, как правило, акцентируют внимание на том, что

⁵⁰ Авторы доклада «Китайский глобальный проект для Евразии», посвященно-го инициативе «Пояс и Путь», полагают, к примеру, что: «Сегодня руководством КНР ставится задача превращения Китая из «мировой мастерской» в «инновационную державу» и поставщика услуг на мировые рынки, потеснив на этом поприще США и страны Европы. Реализация ЭПШП и МШП, призванная сократить разрыв в развитии отдельных регионов Китая и существенно повысить их производственный потенциал, превратив Китай в один из мировых информационно-промышленных и инновационных центров, должна способствовать решению этой задачи». Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. Аналитический доклад. Научн. ред. В.И. Якунин, рук. А.В. Лукин. Москва: Научный эксперт, 2016. С. 95.

⁵¹ Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций, 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 112.

⁵² Размышляя о целях, которые ставит перед собой Китай, российский эксперт И.Е. Денисов, к примеру, замечает: «С точки зрения внешней открытости, стратегия «Одного пояса, Одного пути» вышла за рамки создания зон свободной торговли и развития многосторонних торговых механизмов. Её цель состоит в создании среды для комплексного развития. Кроме того, стратегия отходит от концепции узких интересов, когда основой являются интересы самого Китая, а делает акцент на общем строительстве и совместном раз-

в том случае, если КНР действительно удастся выйти за границы своей традиционной сферы влияния и стать законодателем мод в мировой политике и экономике, это может помочь ее экономическому и социальному развитию скорее косвенно, чем напрямую. Речь в этом случае будет идти не о сиюминутных выгодах, которые сулит, к примеру, открытие совместных экономических зон в государствах Центральной Азии или снижение таможенных пошлин в торговле с арабскими странами. Скорее, можно говорить о том, что открывший себя миру Китай сможет принять самое непосредственное участие в процессах глобального управления, обозначить свою позицию в ходе выработки тех или иных международных стандартов, сделать юань одной из основных мировых валют не только де-юре, но и де-факто, и так далее. Упоминают в этой связи и о том, что активное участие КНР в экономическом развитии соседей в перспективе будет способствовать созданию зоны безопасности возле ее границ. Дело в том, что реализация инициативы «Пояс и Путь» способна будет обеспечить рабочими местами тех, кто потенциально может присоединиться к террористическим и экстремистским организациям, а стало быть, вероятность возникновения новых очагов напряжения в непосредственной близости от рубежей Китая будет существенно снижена.

Вне сомнения, все эти доводы в какой-то мере справедливы, и в тех задачах, которые ставят перед собой инициаторы «Пояса и Пути», есть место и краткосрочным, и долгосрочным интересам народного хозяйства Китая. При этом интересы эти тесно переплетены с жизненно важными потребностями его соседей. Представляется, однако, что в том случае, если ограничить спектр стоящих задач достижением только экономических показателей, имеется существенный риск принять первичное за вторичное. Дело в том, что не секрет, что практически все конкретные проекты, о которых в настоящее время принято говорить в контексте реализации китайской инициативы, в том или ином виде существовали задолго до ее выдвижения. В то же самое время, многое из того, что сегодня принято тесно увязывать с ее реализацией, не имеет ничего общего с ее истинным духом и провозглашаемыми целями⁵³.

вители». *Денисов И.Е.* Поднебесная смотрит на Запад // *Контурсы глобальных трансформаций*, 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 26.

⁵³ В этой связи можно, к примеру, упомянуть такие инфраструктурные проекты, как строительство железной дороги Белград – Будапешт в Европе или железнодорожной ветки Джакарта – Бандунг в Азии. Не вызывает сомнения, что в обоих случаях речь не идет о какой-то увязке этих проектов с обозначенными в «Поясе и Пути» глобальными задачами или соответствию их провозглашаемыми ей принципами. Скорее, здесь мы просто имеем дело с локальными инициативами, в которых заметную роль играют китайские

Интересно в этой связи и то, что достижение положительных экономических показателей в контексте реализации «Пояса и Пути» мало заботит представителей китайских плановых органов. Более того, большинство из экспертов, включая и тех из них, кто, казалось бы, по долгу службы должен был бы отстаивать экономическую эффективность проекта⁵⁴, довольно индифферентны к его возможной прибыльности, иногда отодвигая ее на далекую перспективу, а иногда и вовсе не принимая в расчет. Безусловно, некоторые из экспертов, занимающихся данной проблемой, настаивают на том, что требуется бескомпромиссно отстаивать экономические интересы Китая, предъявляя своим партнерам четкие требования по использованию и возврату инвестиций и неукоснительно отслеживая их исполнение⁵⁵. Однако в массе своей китайские эксперты все же предлагают правительству заранее смириться с неизбежными финансовыми потерями от осуществления политики экспорта модели развития и вместо этого сосредоточиться на реализации глобальных, политических целей⁵⁶.

Принято объяснять в целом несвойственное китайцам равнодушие к вопросам экономической эффективности тем, что в данном случае они прекрасно осознают, что проект «Пояса и Пути» рассчитан на продолжительный период окупаемости. При этом характер инвестиций, с ним связанный, чрезвычайно рискованный, а потому включать его в конкретные планы экономического развития было бы неосмотрительно. *«В правительственных кругах и в экспертном сообществе КНР есть понимание того, что создание экономических коридоров является масштабным и долгосрочным проектом, поэтому никаких сроков или индикативных показателей будущей эффективности их функционирования в китайских официальных документах не приводится»*⁵⁷.

компании. Истинная причина активного рассмотрения их в контексте глобальной китайской внешнеполитической инициативы, заключается, по-видимому, в том, что, в то время как сами проекты в случае аффилированности с «Поясом и Путем» могут получить поддержку на самом высоком уровне, люди, ответственные за его реализацию, могут, в свою очередь, привести примеры конкретного сотрудничества.

⁵⁴ В этой связи можно, к примеру, упомянуть директора Исследовательского института Министерства коммерции КНР Хо Цзяньго.

⁵⁵ В этом они, кстати, солидарны с общественным мнением внутри страны. Как пример такой позиции: 赵磊. 有关“一带一路”的几个关键性问题. 《理论研究》. Чжао Лэй. Несколько ключевых вопросов по поводу «Пояса и Пути» // Theoretical Research, 2015. № 5. С. 2–9.

⁵⁶ 薛力. 一带一路战略是大国阳谋. Сюэ Ли. Стратегия «Пояс и Путь» как открытый план действий для великой страны // Financial Times (China). 14.12.2015.

⁵⁷ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. Аналитический доклад. Научн. ред. В.И. Якунин, рук. А.В. Лукин. Москва: Научный эксперт, 2016. С. 35.

Возможно, так оно и есть на самом деле, однако представляется все же, что в данном случае мы имеем дело с подменой причины следствием, а формы содержанием. Скорее, это наспех собранные и при этом не составляющие концептуального единства локальные экономические проекты призваны иллюстрировать прагматичность государственной идеологической инициативы, чем сама эта идеология находится в услужении экономического развития страны. Другими словами, чистую экономику нельзя признать ни сутью, ни целью новой стратегии Китая; скорее, она является важным инструментом ее реализации.

В чем же именно в таком случае заключается далеко идущий интерес Китая, который действительно готов осуществлять серьезные инвестиции в реализацию «Пояса и Пути», если чистой прибыли от этих вложений в обозримом будущем он, в общем-то, не ожидает. На самом деле, даже о расширении рынков сбыта в последнее время здесь упоминают довольно редко⁵⁸. Можно предположить, что истинный экономический интерес КНР состоит не в классическом завоевании внешних рынков посредством экспорта товаров и капитала, а в виртуальном «увеличении» за их счет рынка внутреннего. При этом с точки зрения многих идеологов Среднего Государства, участниками такого расширенного внутреннего рынка будут являться все страны, воспринявшие модель экономического развития, которую предлагает им в качестве образца Китай, и согласившиеся, таким образом, играть в глобализацию по его новым правилам.

Подобный процесс виртуальной инкорпорации внешних рынков в литературе, посвященной инициативе «Пояс и Путь», принято называть «созданием сообщества единой судьбы»⁵⁹. Как разъясняет в этой связи профессор Народного университета Китая Ван Ивэй, «говоря о сообществе, лидеры Китая, как правило, подразумевают наличие общих интересов, общей ответственности и общей судьбы»⁶⁰. Предполагается при этом, что в целях достижения единства интересов страны

⁵⁸ Симптоматично, кстати, что в наше время лишь небольшое количество экспертов продолжает считать увеличение товарооборота с Европой стратегической целью, хотя первоначально именно это виделось проектировщикам «Экономического пояса Шелкового Пути» одной из его основных задач.

⁵⁹ Концепция «сообщества единой судьбы» была одобрена XVIII съездом КПК и подразумевает принятие во внимание озабоченности и замечаний других стран в процессе реализации собственных интересов, продвижение солидарного развития всех во имя развития каждого и установление более равноправного и более сбалансированного нового глобального партнерства с целью развития.

⁶⁰ *Wang Yiwei. The Belt and Road Initiative. What will China Offer the World in its Rise. Beijing: New World Press, 2016. P. 162.*

«вдоль пути» будут готовы идти друг другу на определенные уступки и компромиссы, осознавая при этом, что в современном, тесно переплетенном мире взаимных интересов, действия каждой из них прямо или косвенно влияют на положение дел у всех остальных. При этом подразумевается, что к настоящему времени государства мира уже живут едиными интересами, но при этом до сих пор не осознали, что единственной формой существования в таких условиях является общество. В свою очередь, возникновение любого сообщества требует наличия правил взаимодействия, разделяемых всеми его членами. Именно такие правила, как полагает Ван Ивэй, и формулирует Китай посредством своей инициативы «Пояс и Путь», предлагая остальным принять их как закон и следовать им в дальнейшем⁶¹.

Следует отметить, что частое использование китайскими авторами иероглифа «гун – совместный, вместе, сообща» в контексте «Пояса и Пути» не является простой случайностью. В этой связи будет уместно вспомнить о философском идеале Великого Единения *датун*, который в обновленном виде представляет на обсуждение мировой общественности современное руководство КНР⁶². Как представляется, в таком понимании речь идет не просто об экономической общности отдельных стран, но и о создании в перспективе общности культурно-цивилизационной, или, другими словами, того самого «сообщества единой судьбы» стран и народов, разделяющих одни и те же правила и приверженные одним и тем же ценностям. Что именно это будут за ценности, пока не совсем понятно, ибо напряженная работа по их формулировке и дальнейшему согласованию с партнерами еще не завершена. При этом такая работа, как несложно заметить, становится возможной как раз благодаря устойчивой экономической платформе, которую готов предоставить в распоряжение своих соседей Китай. Предоставить на безвозмездной основе, рассчитывая таким образом привязать к себе страны далекие и близкие поначалу общностью экономической судьбы, а в дальнейшем и судьбы исторической. Надстройка следует вслед за базисом, учили классики марксизма, и китайские лидеры этот урок усвоили хорошо.

⁶¹ Имеются в виду так называемые пять связующих элементов: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами.

⁶² «Оставалось только пробудить лежащую в архетипической глубине сознания масс национальную мечту и открыть к ней Великий Дао-путь, взяв на себя всю тяжесть «соединения человеческой природы и судьбы» и осуществления Великого Единения. На это и отважился Си Цзиньпин». Лукьянов А.Е. Философские прообразы «китайской мечты» // Вестник РУДН. Серия «Философия», 2015. № 4. С. 58.

Подводя итог, можно сказать, что, полагаясь на мощь экономики, неограниченную инициативу предпринимателей, привлекательность и адаптивность модели развития, уже доказавшей свою эффективность на практике, в настоящее время Китай готов предложить развивающемуся миру объединиться на основе новых правил и новых ценностей глобальной игры. В этом сценарии сам он готов играть роль неприметного лидера вновь создаваемого «союза сердец», осознавая за собой моральное право и даже в чем-то обязательство поправить изрядно пошатнувшийся в последнее время мировой порядок. В то время как основой этого порядка будет освобожденное от уз идеологии экономическое развитие, его плодами должна стать система общих интересов и общих ценностей, название которой еще не придумано, но сущность которой уже, возможно, сформулирована. «*“Пояс и Путь” ведут мир в “Евразийское столетие”*», озаглавил свою статью китайский автор Ху Чжунюнь, и, возможно, именно этими словами можно охарактеризовать всю суть новой внешнеполитической стратегии КНР⁶³. В водовороте истории Китай разглядел свой шанс стать мировым лидером, и твердо намерен использовать весь свой культурный, политический и экономический потенциал для того, чтобы вместе со всеми желающими, готовыми присоединиться к его инициативе, строить мир на новых принципах и по новым правилам. Принципы и правила эти уже, в общем и целом, обрисованы в Концепции и плане действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века», однако их адаптация на практике и последующая тонкая настройка все еще впереди. При этом проходить она будет, как нетрудно догадаться, в процессе «совместных консультаций, совместного строительства и совместного использования».

В то время, как предпосылками появления «Пояса и Пути» действительно можно назвать назревшую необходимость смены парадигмы мирового развития, а также готовность и способность КНР идти во главе подобных перемен, историческое значение новой внешнеполитической инициативы страны видится китайским экспертам в том, что ее успешная реализация окончательно обозначит новый статус Китая на международной арене. Статус глобальной державы не только по форме, но и по содержанию; статус великой страны, способной не просто отстаивать свои экономические и политические интересы в любой точке планеты, а еще и взвалить на себя бремя ответственности за развитие и за благосостояние всех развивающихся стран мира.

⁶³ 胡志勇. 一带一路引领世界进入“亚欧世纪”. Ху Чжунюнь. «Пояс и путь» ведут мир в «Евразийское столетие». 09.04.2015. URL: <http://www.aisixiang.com/data/86458.html>

Как справедливо отмечают по этому поводу многие в Китае, принятия именно этой роли в течение долгого времени требовали от их страны государства Запада⁶⁴. При этом, как напоминают они, взятие на себя значительной доли ответственности за судьбы мира с неизбежностью означает вхождение Китая в клуб мировых сверхдержав, и именно в достижении этого нового статуса видится многим китайцам внутренний смысл реализации инициативы «Пояс и Путь»⁶⁵.

Китайский мудрец древности Лао-Цзы утверждал: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует». Возможно, именно так думают в КНР, когда размышляют о том месте, которое их страна собирается занять в системе международных отношений после того, как ей удастся выйти из навязываемого ее стратегического окружения, умиротворить беспокойных соседей, увеличить свой внутренний рынок за счёт инкорпорации в него рынков внешних и достичь, в конце концов, того статуса, который, как считают китайцы, принадлежит ей по праву, – статуса сверхдержавы. Держаться в тени и пребывать в скромности, являясь невидимым центром силы, – именно в этом и состоит китайское понятие лидерства, и подобная трактовка применима в отношении мирового лидерства также. Представляется, что только так можно объяснить еще одну кажущуюся парадоксальность китайской стратегии «Пояс и Путь». Провозглашая приверженность не просто многополярному, а скорее даже *аполярному* миру⁶⁶, в то же время ее успешная реализация подразумевает то, что именно Китай станет новым центром притяжения, по крайней мере, для развивающегося мира⁶⁷. Дело здесь, как представляется, в том, что с точки зрения китайцев, невыразительное пребывание в тени как раз и является показателем истинно-

⁶⁴ Об этом, к примеру, неоднократно говорилось на пятом азиатском форуме ««Пояс и Путь» и взаимовыгодное сотрудничество в Азии». См. отчет с форума徐晏卓, 薛力. 第五届亚洲研究论坛“‘一带一路’与亚洲共赢”会议综述. *Сюй Яньцзю, Сюэ Ли*. Заметки с Пятого Азиатского форума ««Пояс и Путь» и взаимовыгодное сотрудничество в Азии» // *Southeast Asian Studies*, 2015. № 6. С. 108–112.

⁶⁵ Следует отметить, что в КНР принято консервативно оценивать международный статус своей страны, и до настоящего времени распространенным является утверждение о том, что Китай является лишь экономической, но не политической сверхдержавой.

⁶⁶ Интересно, что Россия при этом подвергается критике за то, что, как представляется китайцам, она преследует цель стать одним из мировых полюсов, а не ратует за их полное отсутствие в системе международных отношений, как это делают они.

⁶⁷ Об этом, к примеру, рассуждают Ду Дэбинь и Ма Яхуа. 杜德斌, 马亚华. “一带一路”: 中华民族复兴的地缘大战略. 《地理研究》. Ду Дэбинь, Ма Яхуа. «Пояс и Путь»: Геополитическая стратегия возрождения китайского народа // *Geographical Research*, 2015. № 34 (6). С. 1005–1014.

го превосходства, в то время как откровенное бравирование силой лишь демонстрирует сторонним наблюдателям отсутствие истинного авторитета. Настоящая сверхдержава всегда неприметна, уверены они, ибо наблюдает за ходом всех противоборств мира отчужденно — из тихой заводи лишенного четкой системы координат *аполярного* миропорядка. Как раз положение такой сверхдержавы и должна принести Китаю реализация инициативы «Пояс и Путь».

Риски

В какой-то степени можно согласиться с китайскими экспертами в том, что выдвижение инициативы «Пояс и Путь» было обусловлено исторической траекторией развития человечества. Не случайно, что всего через три года после своего появления на свет эта новая внешнеполитическая стратегия Китая прочно заняла свое место в мировой повестке дня. Так случается лишь тогда, когда появление чего-то нового было предопределено всей логикой предшествующего развития и предвиделось задолго до того, как было официально сформулировано и предложено к дальнейшему обсуждению. Думается, что по этой же самой причине глобальная инициатива КНР по корректировке процессов глобализации, в конце концов, окажется успешной как для самого Китая, так и для разделивших его устремления партнеров. В том случае, когда история предоставляет уникальную геополитическую возможность, любые проблемы на пути к ее реализации теряют свое значение. Китай уже показал свою способность выжидать — теперь вопрос лишь в том, сможет ли эта древняя и вместе с тем молодая цивилизация совершить тот важный прыжок, к которому она, на самом деле, так долго готовилась, и к которому ее побуждают тенденции развития международной ситуации.

Следует отметить, что на руку «Поясу и Пути» играют не только благоприятные геополитические предпосылки, но и та новизна и, в какой-то степени, идейная смелость, которой отличается новый подход Китая к вопросам международного сотрудничества, а также его глубокая укорененность в политической и культурной традиции Востока. Апеллируя к незыблемым морально-философским категориям справедливости, правды и гармонии, Китай автоматически добивается того, что его интеграционные усилия резко выделяются на фоне других глобальных проектов, инициаторы которых, как правило, уделяют внимание лишь их технико-экономической стороне. Как итог, все возможные действия Китая в сфере политики и экономики получают в глазах его собственных граждан и в глазах мирового сообщества очень высокий уро-

вень легитимности. В свою очередь, это позволяет ему привлекать на свою сторону дополнительные финансовые и символические ресурсы, а также списывать возможные издержки и недоработки.

Акцентируя свое внимание на личностном развитии человека, которому, с точки зрения идеологов «Пояса и Пути», и должно, собственно говоря, служить любое экономическое начинание, Китай привносит гуманистические нотки в сферы, как правило, чуждые подобным тонким материям. Во времена, когда рост валового национального продукта рассматривается в качестве ключевого показателя развития того или иного общества, закон спроса и предложения видится критерием человеческой значимости, а принцип маржинальной полезности возвышен до уровня смысла существования, решиться на то, чтобы говорить о примате общественного согласия над законами рынка и над необходимостью конкурентной борьбы, необходимо обладать нешуточной смелостью, серьезными материальными и духовными ресурсами и, не в меньшей степени, прозорливостью.

В свою очередь, реализация подобного гуманистически ориентированного проекта таит в себе не только возможности, но и существенные риски. Это прекрасно понимают и в самом Китае, и за его пределами. Как уже отмечалось выше, самую серьезную опасность представляет общая размытость и неконкретность экономических планов государства, а также отсутствие однозначных процедур при отборе тех или иных международных проектов и, не в меньшей степени, четких критериев их эффективности. Ситуация, при которой финансирование получают не те из начинаний, что способны принести в обозримой перспективе наибольшую прибыль, а те, что выгодны, прежде всего, по имиджевым соображениям, приводит к идеологическому «приспособленчеству». Это, в свою очередь, может означать, что финансовые ресурсы страны будут расходоваться неэффективно⁶⁸. Все это с высокой долей вероятности способно привести к их нежелательному распылению, низкому уровню возврата на инвестиции, и, как итог, истощению внутреннего потенциала Китая.

⁶⁸ В этом смысле настораживает наметившаяся сразу же после выдвижения лидером страны «Пояса и Пути» тенденция, при которой местные власти каждой из провинций Китая, а также отраслевые лоббисты пытаются «перетянуть одеяло на себя», настаивая на том, что именно их проекты требуют приоритетного финансирования в рамках новой инициативы. В результате, потенциальная география «Пояса и Пути» ширится день ото дня. Не редкость встретить статьи, в которых, к примеру, анализируется важность «Пояса и Пути» для роста производства одежды в провинции Чжэцзян или предлагается включить в его сферу все государства Океании.

Не менее опасно и то поразительное невнимание к вопросам идеологической безопасности, которым отличаются в своих рассуждениях о международных перспективах «Пояса и Пути» китайские комментаторы. Как известно, Шелковый путь древности отличался тем, что, в то время как на запад вдоль него перемещались товары, в восточном направлении двигались религиозные и мировоззренческие концепции, которые, в конце концов, изменили до неузнаваемости духовное пространство самой Поднебесной. Существуют предпосылки повторения подобной ситуации и в наши дни. Не секрет, к примеру, что в странах Центральной Азии определенной популярностью пользуются идеи пантюркизма и постоянно растет влияние сил, исповедующих политический ислам. В этих условиях, в случае расширения сотрудничества между СУАР КНР и государствами Центральной Азии, в которых проживают родственные малочисленным народам Китая тюркоязычные народы, вероятность проникновения на территорию страны экстремистской идеологии не стоит недооценивать.

В КНР же предпочитают ограничивать угрозу, которую представляют для страны террористические группировки и экстремистские идеологии, лишь тем ущербом, что они способны нанести зарубежным активам Китая. Особую обеспокоенность в этой связи вызывают пираты, орудующие в нейтральных водах, а также активность исламских фундаменталистов на Ближнем Востоке. Серьезную тревогу вызывают также возможность гражданских протестов местных жителей в отдельных странах «вдоль пути», а также такие организованные формы борьбы, как забастовки и саботаж в отношении предприятий с китайским участием, которые могут быть инспирированы западными НКО. Именно последние, как имеет все основания полагать Китай, способны стать в авангарде организованного сопротивления «Поясу и Пути» под предлогом борьбы за права человека и охрану окружающей среды.

Вызывают в этой связи существенную обеспокоенность природные бедствия, техногенные катастрофы и другие экологические проблемы, которые могут быть вызваны активизацией строительства и усиленной эксплуатацией природных ресурсов в странах «вдоль пути» и которые, в свою очередь, способны спровоцировать местных жителей на недружественные действия. Не стоит, подчеркивают китайские эксперты, недооценивать и юридические коллизии, которые могут возникать как на уровне отдельных предприятий с китайским участием, так и на уровне правительств. В этой связи часто вспоминают присущую некоторым потенциаль-

ным партнерам Китая внешнеполитическую «многовекторность», а также тесно связанные с этим понятием клановость, коррупцию и протекционизм⁶⁹.

Продолжая тему рисков, стоит, конечно, упомянуть и о том, что столь амбициозные, глобальные проекты можно реализовывать только при условии наличия благоприятной экономической и политической конъюнктуры, а также в случае достижения определенного уровня стабильности во всех государствах, расположенных «вдоль пути». Безусловно, гарантий такой стабильности в настоящее время не существует. Скорее, можно говорить о постоянном росте уровня нестабильности как в регионах, непосредственно примыкающих к Китаю, так и в тех, что расположены от его границ достаточно далеко, но при этом также важны для общего успеха «Пояса и Пути»⁷⁰. Не стоит забывать и о возможном целенаправленном противодействии реализации китайской инициативы, в том числе и со стороны нынешнего мирового гегемона, Соединенных Штатов Америки⁷¹.

Однако самая большая опасность, с которой неминуемо столкнется реализация «Пояса и Пути» в силу своей подчеркнута гуманитарной направленности, безусловно, будет связана с тем разнообразием хозяйственных укладов, политических традиций и ценностных ориентиров, что отличают потенциальных участников этой внешнеполитической инициативы Китая. Этническая пестрота, религиозное многообразие, культурный и политический плюрализм способствуют поступательному развитию только в том

⁶⁹ Возможно, самый подробный анализ рисков, с которыми может столкнуться реализация инициативы «Пояс и Путь», представлен в работе профессора Ван Ивэя из Народного университета Китая. *Wang Yiwei. The Belt and Road Initiative. What will China Offer the World in its Rise.* Beijing: New World Press, 2016. p. 79–129.

⁷⁰ В этой связи прежде всего стоит упомянуть нестабильную политическую обстановку в Центральной Азии, в особенности в Афганистане, а также напряженность на Корейском полуострове и в Южно-Китайском море. Ситуация на Ближнем Востоке и в ряде регионов Восточной Европы также не благоприятствует реализации китайской инициативы.

⁷¹ Парадоксально, но приход к власти в США Дональда Трампа, одним из первых шагов в качестве лидера страны для которого стало приостановление переговоров по подписанию ТРП, вызвал в КНР озабоченность, а не воодушевление. Дело в том, что Трамп и силы, приведшие его к власти, выступают против глобализации как таковой, а это полностью противоречит тем принципам, на которых зиждется идеология «Пояса и Пути». В этом смысле показательным стало выступление председателя Китая Си Цзиньпина на Давосском экономическом форуме 2017 года, где он в довольно резкой форме выступил против политики протекционизма и призвал к еще большей открытости в мировой экономике.

случае, если у всех участников процесса присутствует четко выработанное понимание того, как именно в ходе интенсификации культурных и политических контактов избежать конфликтов и недопонимания. Еще одним неизменным условием успеха и гарантией бесперебойной работы является абсолютное доверие, которое должна вызывать у всех заинтересованных сторон страна, готовая взять на себя функцию балансировки множества противоречивых устремлений, присущих участникам любого потенциального «союза сердец». Крайне важно и то, наличествует ли у самого этого потенциального лидера понимание всей сложности и многообразия того мира, который он решается вести под своим началом к лучшему будущему. К большому сожалению, по поводу способности КНР стать таким общепризнанным и при этом все понимающим авторитетом на территории сразу нескольких континентов до сих пор существуют определенные сомнения.

Проблема еще и в том, что вплоть до настоящего времени ни в самом Китае, ни, тем более, за его рубежами, не сложилось четкого представления о желаемом или тем более о реальном масштабе «Пояса и Пути». На первоначальном этапе обсуждения, вскоре после того, как председателем Си была выдвинута идея возрождения Шелкового пути древности, планы Китая все-таки имели определенную географическую и историческую привязку. Их проектировщики чувствовали себя ограниченными провозглашенной лидером страны задачей преобразования евразийского континента в единый организм на основе воссоздания торговых путей древности⁷². Однако сразу же после опубликования в начале 2015 года основополагающих Концепции и Плана действий по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» стало понятно, что первоначальная идея претерпела существенные изменения, и речь больше не идет о какой-либо привязке «Пояса и Пути» к истории или географии. Вместо этого на первый план выступила экономическая и политическая целесообразность, а также весьма опасное желание

⁷² Утверждалось следующее: «Будущий «экономический коридор Шелкового пути» начнется с Китая. С точки зрения естественной географической среды, данный коридор делится на пять субрегионов... Во-первых, пять стран в Центральной Азии, а именно Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан ... Во-вторых, Иран, Ирак, Иордания, Сирия, Саудовская Аравия, Турция и другие страны в Западной Азии... В-третьих, Азербайджан, Грузия, Армения на Кавказе и Украина, Беларусь, Молдова в Восточной Европе... В-четвертых, Россия... В-пятых, Афганистан, Пакистан и Индия...». // Где именно проходит «экономический коридор Шелкового пути»? Интернет-ресурс. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013_10/24/content_30273750.htm

видеть в списке участников, по крайней мере, на уровне деклараций, как можно большее количество стран⁷³. Безусловно, это было сделано в ущерб общей осмысленности и концептуальной целостности проекта, претендующего на звание цивилизационного. Как в свое время отмечал в этой связи заместитель директора ИДВ РАН С.В. Уянаев:

«При такой постановке вопроса непосредственно “Шелковая зона” существенно расширяется. Недаром весной 2015 г. китайские эксперты вели речь уже о 65 странах с населением в 4,4 млн человек... Более того, в Концепции подчеркивается, что инициатива Китая не ограничивается районами прохождения древних путей и “носит кооперационный характер, открытый для всех стран и региональных организаций”. Теоретически это делает географические границы “пояса и пути” вообще не лимитированными, хотя понятно, что они на деле они существуют».

Время, однако, показало, что в действительности границы «Пояса и Пути» оказались не ограничены вообще ничем, кроме рвения отвечающих за его реализацию чиновников и их желания расширять до бесконечности список государств, номинально поддерживающих эту инициативу КНР. В результате, спустя несколько лет после ее выдвижения председателем Си Цзиньпином, никаких четких географических рамок «Пояса и Пути» до сих пор не выработано, а его идейная сущность оказалась размытой. Единственным стержнем, на котором в этих условиях до сих пор держится «Пояс и Путь», стали так называемые коридоры развития. Именно благодаря их существованию удастся сохранять видимость того, что инициатива Китая подразумевает хоть какую-то внутреннюю координацию и развивается по определенному плану⁷⁴.

⁷³ Объявляется, что сухопутная часть проекта пройдет по территории Азии, Европы и Африки и будет включать в себя три основных направления: 1) через Центральную Азию в Россию и дальше в Европу; 2) через Центральную, а также Западную Азию в страны Персидского залива и бассейн Средиземного моря; 3) в Юго-Восточную и Южную Азию к берегам Индийского океана. Морская часть проекта берет старт у берегов Китая и следует по двум основным маршрутам: через Южно-Китайское море в Индийский океан и далее к берегам Европы, а также через Южно-Китайское море в южную часть Тихого океана.

⁷⁴ В Концепции и Плане действий по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» упоминаются следующие коридоры развития: Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – Индокитайский полуостров, Китай – Монголия – Россия, Китай – Пакистан и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма.

Подобная всеядность приводит к нежелательным последствиям, что и было продемонстрировано в ходе «Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках китайской инициативы “Пояс и Путь”», который прошел в Пекине в 2017 году. Как уже было отмечено выше, с одной стороны, форум оказался настоящим триумфом новой международной политики Си Цзиньпина, которому удалось провести в столице Китая столь представительное мероприятие и при этом заручиться поддержкой со стороны значительного числа мировых лидеров. С другой, и это не менее важно, форум продемонстрировал всю глубину и серьезность тех противоречий, которые может заключать в себе попытка одной из стран мира сплотить вокруг себя как можно большее количество единомышленников, между которыми, в свою очередь, существуют зачастую неразрешимые противоречия. Безусловно, самой характерной иллюстрацией этого стал демонстративный отказ Индии прислать свою делегацию для участия в форуме. Как представляется, невероятная сложность политической, этнической, культурной и религиозной мозаики Евразии до настоящего времени все-таки недооценивается китайскими экспертами. В будущем это может сыграть злую шутку с любыми благими инициативами, с которыми выступает на мировой арене Китайская Народная Республика.

Наконец, следует упомянуть и о том, что далеко не все и далеко не всегда разделяют уверенность в том, что истинные намерения Срединного Государства действительно являются полностью благими. Об этом также необходимо сказать, анализируя те риски, с которыми может столкнуться и уже сталкивается Китай в ходе реализации своего плана по корректировке процессов глобализации и объединению развивающихся стран мира на основе собственного видения будущего международных отношений. На самом деле, не секрет, что во многих странах «вдоль пути», включая и те из них, чьи правительства на словах активно поддерживают интеграционные усилия КНР, существует мощная внутренняя оппозиция дальнейшему развитию отношений с Китаем вообще и сотрудничеству в рамках инициативы «Пояс и Путь» в частности. Отношение к китайской инициативе здесь может быть охарактеризовано словами «ожидание» и «опасение». Если первое из них чаще ассоциируется со специалистами, которые тесно связаны с властными структурами и крупным бизнесом, то второе отражает настроения простых граждан. В какой-то мере, это не удивительно, ведь в то время как первые пребывают в нетерпеливом ожидании «пряников», щедро раздаваемых китайскими эмиссарами «Пояса и Пути», вторые опасаются увеличения числа китайских рабочих и бизнесменов, прибывающих на территорию их стран.

Во многом, подобные настроения искусственно подогреваются внешними силами; во многом, они являются следствием синофобских настроений, которые традиционно сильны среди населения в тех странах, что соседствуют с КНР. Частично их повсеместное распространение можно также объяснить заблуждениями исторической памяти и нерациональным страхом культурного порабощения со стороны могущественного соседа. Однако не стоит забывать и о том, что и некоторые китайские авторы, особенно те из них, что работают за пределами КНР, иногда приводят аналогии между инициативой «Пояс и Путь» и традиционной системой данничества, хотя в целом тема эта считается в Китае табуированной⁷⁵. Система эта, как известно, функционировала на схожих с провозглашаемыми ныне принципах взаимной любезности между странами, подкрепленной взаимовыгодным товарным обменом. При этом сутью ее всегда оставалось порабощение соседей Китая невоенными методами и утверждение на сопредельных территориях его «мягкой», культурной гегемонии. Воспоминания о любом, даже самом мягком порабощении не просто вытравить из народной памяти, а игнорирование чаяний и страхов простых людей в странах «вдоль пути» может поставить крест на любых хороших начинаниях. Об этом также не стоит забывать, размышляя о перспективах глобального китайского проекта. Учет мнения простых людей, а также культурного и исторического контекста особенно важен, принимая во внимание то, что сам Китай неустанно подчеркивает, что «Пояс и Путь» не является сугубо экономическим или инфраструктурным проектом, а должен в идеале стать основой будущего единения простых людей Евразии, а в дальнейшем и всего населения Земли.

Международные перспективы

Несмотря на то, что в основе философии «Пояса и Пути» лежит идея равноправного и универсального сотрудничества Китая со всеми странами Евразии и остального мира, перспективы реализации этой инициативы в разных регионах планеты существенно различаются. По этой причине, прежде чем предпринять попытку сделать обобщенный прогноз касательно того, удастся ли Китаю реализовать свою мечту о выходе вовне и какие ловушки могут подстергать его на этом пути, имеет смысл кратко проанализировать отношение к его инициативе в соседних странах, ключевых

⁷⁵ 郑永年. 一带一路大战略. 《金融时报》. Чжэн Юннэнь. Стратегия «Пояс и Путь» // Financial Times (China). 23.03.2015.

с точки зрения ее успеха. Другими словами, понимание того, как именно и почему воспринимают в настоящее время «Пояс и Путь» в таких регионах, как Центральная Азия, Южная Азия и АСЕАН, а также в Японии, Корее, Монголии и России, поможет дать более точный ответ на вопрос, удастся ли Китаю стать новым лидером Евразии.

Возможно, наиболее важной с этой точки зрения является Центральная Азия, через которую должно пройти сразу несколько коридоров развития «Пояса и Пути»⁷⁶. Не случайно, именно в одной из столиц ЦАР, в казахской Астане, и была в свое время провозглашена новая внешнеполитическая инициатива Китая. Как признают и сами китайцы, и зарубежные эксперты, занимающиеся регионом, именно Центральная Азия способна стать тем мостом, что соединит, в соответствии с задумками председателя Си, запад и восток континента. С другой стороны, пробуксовка проекта на этом стратегически важном направлении способна свести на нет все усилия КНР по достижению своих целей в континентальной части Евразии. При этом надо отдельно отметить, что данный регион отличается довольно вычурным политическим пейзажем, поражающим воображение культурным разнообразием и слабо развитой экономической базой. К тому же, здесь до сих пор сильны позиции России и при этом довольно вольготно чувствуют себя другие глобальные игроки. У каждого из них – от США и Европейского Союза до Турции и Ирана – в ЦАР развивается свой собственный интеграционный проект.

В то же время необходимо понимать, что КНР выступает в Центральной Азии в роли интегрирующей силы в качестве правопреемника Советского Союза, и это способно значительно облегчить ему проникновение в ЦАР. Действительно, Китай полностью признает и само существование региона в том виде и в тех рамках, каким он был задан в советские времена, и ту идеологию, которую СССР довольно успешно привил на местной почве. Немаловажно и то, что китайцы принимают местную политическую специфику, выражающуюся в переплетении клановых интересов с одновременным существованием надкланового лидера, который эти интересы мастерски балансирует, выступая верховным арбитром и консолидирующей силой нации. Не секрет, что китайцы давно научились работать в подобных условиях и при этом достаточно

⁷⁶ Несмотря на то что в состав Центрально-азиатского региона (ЦАР), кроме бывших советских республик (Казахстана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана), принято включать еще и Афганистан, в целях данной работы будет рассмотрена лишь ситуация на постсоветском пространстве.

эффективно продвигают свои экономические интересы. Безусловно, связано это с тем, что центрально-азиатская политическая модель близка им самим, она понятна и предсказуема и не вызывает у них того резкого идеологического отторжения, которое свойственно, к примеру, европейцам. Наконец, и это также является довольно важным, КНР предлагает постсоветским республикам ЦАР модель развития, доказавшую свою эффективность в специфических азиатских условиях, и не перегружает свое предложение дополнительными политическими условиями и требованием идеологической лояльности. Такая позиция находит благосклонный отклик у местных элит.

Еще одним важным отличием Китая от других поставщиков цивилизационных решений является то, что он уважает и признает сложившиеся в ЦАР региональные различия и принимает во внимание существование уникальной версии национализма в каждой из стран Центральной Азии. КНР, в отличие от того же Европейского Союза, пытавшегося сконструировать регион заново, по своему образу и подобию, и иметь дело с ЦАР как единым геополитическим субъектом, предпочитает двусторонние договоренности с каждой из стран, его составляющих, и предлагает смоделированную под нужды партнеров индивидуальную дипломатию. Другими словами, вместо того, чтобы наступать широким фронтом по всей линии взаимодействия и то и дело наткнуться на культурные волнорезы и преграды, сооруженные предыдущими игроками в регионе или вызванные его мозаичной природой, китайцы довольно ловко используют элементы местного геополитического и культурного ландшафта для более эффективного проникновения в Центральную Азию. Принимая во внимание существенную и при этом постоянно растущую потребность в инвестициях, испытываемую всеми без исключения государствами региона, а также наличие значительных запасов природных ископаемых в некоторых из стран Центральной Азии, их совокупный транзитный потенциал и выгодное геополитическое положение, перспективы Китая в этом регионе выглядят более чем обнадеживающими.

С другой стороны, как совершенно справедливо отмечает ведущий центрально-азиатский эксперт по вопросам взаимодействия с Китаем К. Сыроежкин из КИСИ, «в роли консолидирующей страны Евразийского региона Китаю пока предложить нечего, кроме его возможности по кредитованию экономик государств региона»⁷⁷. Действительно, культурная и мировоззренческая пропасть между жите-

⁷⁷ Сыроежкин К. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии, 2016. № 2. С. 52.

лями Центральной Азии и жителями Китая столь велика, что постоянно ставит в тупик и тех, и других по мере того, как они пытаются нащупать культурно-историческую основу для неизбежного в текущей ситуации экономического сближения⁷⁸. Более того, невозможно отрицать и факт повсеместного бытования в регионе синофобии. Довольно непросто отыскать ему рациональное объяснение, ведь ЦАР, за исключением своих восточных окраин, никогда не подвергался сколь-нибудь значимому культурному прессингу со стороны Поднебесной и практически никогда не становился целью военной экспансии китайцев. Наоборот, у жителей Центральной Азии довольно часто были с ними общие противники, будь то арабы или джунгары, монголы или русские. Однако факт остается фактом: общественное мнение всех без исключения стран региона крайне негативно настроено ко всему китайскому, и малейшее неосторожное действие или даже слово со стороны китайцев способно вызвать здесь бурю протестов⁷⁹.

Усугубляет ситуацию и то, что в регионе практически отсутствует понимание Китая и китайской культуры. Стремление к овладению китайским языком также вряд ли можно признать массовым, несмотря на все экономические выгоды, что тот приносит с собой. С другой стороны, знание самих китайцев о Центральной Азии так же фрагментарно и перенасыщено предрассудками. Четкое представление о реалиях соседнего с КНР обширного региона, о его древней культуре, о религии и истории Центральной Азии, а также об особенностях жизненного уклада местных жителей отсутствует в КНР даже в экспертной среде, и это с сожалением подчеркивают сами китайцы⁸⁰.

⁷⁸ Примечательно, что в свое время нынешний Генеральный секретарь ШОС Рашид Алимов с сожалением отмечал, что «Взаимодействие в области культуры между Китаем и странами ЦА, в сравнении с динамично развивающимся сотрудничеством в торгово-экономической сфере, напоминает затерявшийся ручеек на фоне бурной горной реки, стремительно несущей свои воды в весеннюю пору». *Алимов Р.* К вопросу о формировании «Экономического коридора Шелкового пути»: состояние, проблемы и перспективы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 2013. №16. С. 80.

⁷⁹ Возможно, лучше всех сформулировал этот иррациональный страх перед Китаем эксперт из Кыргызстана М. Суюмбаев, который предположил, что «вовлечение... в сферу Китая сулит исчезновением в его человеческом океане». *Суюмбаев М.* Геополитические особенности Кыргызстана. // Центральная Азия и Кавказ, 2005. № 1(37). С. 143.

⁸⁰ 袁剑. “一带一路”知识视野下的“中亚认知”——关于边疆、周边与外域认知空间关联性的思考. «北方民族大学学报» (哲学社会科学版). Юань Цзянь. Восприятие Центральной Азии с точки зрения знания «Пояса и Пути». Размышления о соотносимости пространства восприятия пограничья, порубежья и зарубежья // *Beifang Minzu Daxue Xuebao (Zhhexue Shehui Kexue Ban)*, 2016. № 2. С. 33–37.

Подобное сочетание иррациональной синофобии, низкой осведомленности друг о друге и противоположные, но при этом некомплементарные системы ценностей, присущие жителям Центральной Азии и Китая, способно будет поставить перспективы их ближайшего сотрудничества в эксклюзивную зависимость от экономической составляющей проекта. Учитывая то, что в регионе крайне негативно относятся к самой возможности сотрудничества с КНР в области безопасности, перспективы и «жесткой», и «мягкой» силы Китая в Центральной Азии выглядят не слишком утешительно. В ситуации, когда ЦАР может бесследно «освоить» сколь угодно большие финансовые вложения, нисколько не трансформировавшись, шансы Китая на глубокое переформатирование регионального ландшафта с целью обеспечения своего долгосрочного здесь присутствия выглядят не слишком впечатляюще.

Схожее со среднеазиатским отношение к «Поясу и Пути» наблюдается и в Монголии – стране, тесно связанной с Китаем исторически, культурно, географически и экономически. На протяжении многих столетий мир кочевников и мир земледельцев, которые и в наши дни представляют два этих не похожих одно на другое государства, находились в состоянии постоянного противоборства, в то же самое время дополняя друг друга как с социокультурной, так и с производственно-хозяйственной точки зрения. Несмотря на то, что то одна, то другая страна периодически оказывалась сильнее соперника, и, в результате, подчиняла его себе в политическом плане, и земледельческому Китаю, и кочевой Монголии каждый раз удавалось отстоять свою культурную идентичность, а в итоге и восстановить государственный суверенитет. Последним по времени событием подобного рода стало провозглашение МНР в 1924 году, когда благодаря действенному вмешательству Советской России было окончательно покончено с многовековым господством китайцев над монголами⁸¹. Столь непростая история взаимоотношений, а также колоссальная разница в демографическом, экономическом и политическом потенциале двух соседних стран с неизбежностью приводит к тому, что население Монголии

⁸¹ После этого, вплоть до конца XX века, именно СССР выступал гарантом независимости Монголии и в немалой степени способствовал развитию ее экономики. Однако вслед за охлаждением в отношениях двух стран, случившимся в 90-х годах прошлого века, Улан-Батор взял на вооружение концепцию «третьего соседа», под которым, в зависимости от текущей конъюнктуры, принято теперь понимать либо страны Запада, либо Индию, Турцию, Японию или Корею. В результате, Китаю приходится считаться с интересами всех этих стран в Монголии в процессе реализации своей инициативы «Пояс и Путь».

в большинстве своем с тревогой смотрит на перспективы любого сотрудничества с Китаем и не высказывает никакой поддержки его внешнеполитическим инициативам⁸².

Следует отметить, что, в отличие от простых монголов, не испытывающих к КНР теплых чувств, правительство Монголии является для Китая весьма удобным и предсказуемым партнером, который не только с радостью приветствует все инициативы Пекина по углублению всестороннего сотрудничества на просторах Евразии, но и сам, в свою очередь выдвигает довольно продуманные встречные планы. При этом планы эти хорошо коррелируются с китайскими намерениями в регионе. Монголия активно привлекает инвесторов из КНР, согласует со своим южным соседом планы собственного экономического развития, выражает политическую поддержку действиям председателя Си на международной арене⁸³. Не существует между КНР и Монголией и неурегулированных территориальных споров, которые так часто омрачают отношения Пекина с соседями.

Все это позволяет утверждать, что правительство Монголии, несмотря на негативное отношение рядовых граждан ко всему, что свя-

⁸² Международная социологическая компания Gallup International в сотрудничестве с российской компанией РОМИР провели исследование отношения жителей стран мира к роли Китая в их экономиках. Как оказалось, хуже всех о Китае думают в Монголии (76% оценили роль этой страны отрицательно. (Китай любят в России и не любят в Иране. // Коммерсант. 31.05.2017). Китайский взгляд на эту проблему приводится в статье Хуан Фэнчжи (黄凤志. 对中蒙俄经济走廊建设的战略分析. Хуан Фэнчжи. Дуй чжунмэнэ цзинци цзоулан цзяньшэ дэ чжанлюй фэнси [Анализ стратегии строительства экономического коридора Китай – Монголия – Россия]. // Frontiers, 2016. № 13. С. 62–73.

⁸³ При этом «КНР активно развивает свое присутствие в сфере энергоресурсов (так, китайские компании разрабатывают нефтяные месторождения и ведут добычу нефти в монгольском Дорноде), часть экспортного потока медного концентрата и молибдена из «Эрдэнэта» переводится на юг. В настоящее время в стране работают 5300 хозяйственных единиц с инвестициями из Китая на сумму 2,4 млрд долл. На льготные кредиты, представленные Китаем в 2001 и 2005 гг. в размере 200 млн юаней, идет разработка цинка в аймаке Сухэбатор. Неуклонное расширение и развитие политических, торгово-экономических, культурных и гуманитарных связей базируются на солидной правовой основе, сформированной более чем сотней действующих договоров и соглашений. В результате серии визитов монгольских руководителей в КНР и китайских в Монголию за 20 лет двусторонние отношения были подняты на качественно новый уровень стратегического партнерства». Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. Аналитический доклад. Научн. ред. В.И. Якунин, рук. А.В. Лукин. М.: Научный эксперт, 2016. С. 70.

зано с Китаем, твердо намерено извлечь максимально возможную выгоду из китайской инициативы «Пояс и путь», которая обеспечивает ей дополнительные инвестиции и предоставляет новые возможности для партнерства. Можно предположить, что в конечном итоге ее перспективы на монгольском направлении могут оказаться лучше тех, что просматриваются в странах Центральной Азии. Это произойдет в случае, если существующие противоречия между опасениями простых граждан и заинтересованностью элит в монгольском случае смогут быть преодолены при помощи умелой реализации руководством страны стратегии «третьего соседа», который будет выступать в качестве эффективного балансира все возрастающему влиянию Китая.

Многими наблюдателями отмечается, что, с одной стороны, КНР активно расширяет географию своих планов в том, что касается инициативы «Пояс и Путь», выражая искреннюю заинтересованность в сотрудничестве со всеми, ближними и дальними, партнерами в Азии, Африке и даже в Латинской Америке. С другой стороны, в это же самое время самые близкие соседи Китая, Япония и Южная Корея, редко упоминаются в контексте планов по ее реализации. Это тем более примечательно, что исторически и культурно обе эти граничащие с КНР по морю страны являются неотъемлемой частью того самого «китайского мира», судьбы которого всегда искренне волновали правителей Поднебесной. И в наше время, кстати, связи Китая с Кореей и Японией разносторонни и прочны не в меньшей степени, чем это имело место быть в далеком прошлом. Можно сказать, что эти три страны Северо-восточной Азии связывают все возможные нити — значителен и диверсифицирован товарооборот, хорошо развито транспортное сообщение, взаимные научные, культурные, образовательные обмены довольно интенсивны. Иероглифическая письменность, религия и общая культурно-историческая основа также способствуют тому, что существование Кореи, Японии и Китая в отрыве друг от друга представляется немыслимым. При всем при этом, однако, руководство КНР не спешит к своим соседям с распростертыми объятиями, да и сами они крайне скептически относятся о перспективах сотрудничества со своим влиятельным соседом в контексте реализации его инициативы «Пояс и Путь»⁸⁴.

⁸⁴ Показательно, что приглашение президенту Южной Кореи принять участие в форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках китайской инициативы «Пояс и Путь» было отправлено в Сеул китайской стороной лишь в самый последний момент. Японская же делегация на форуме была ограничена генеральным секретарем Либерально-демократической партии этой страны. Лишь летом 2017 года глава кабинета министров Синдзо Абэ допустил гипотетическую возможность сотрудничества Японии с Китаем в контексте реализации последним его глобальной внешнеполити-

На самом деле, столь разительное недоверие между ближайшими соседями, препятствующее налаживанию полноценного взаимовыгодного сотрудничества в рамках глобальных инфраструктурных проектов, не должно никого удивлять. В действительности, его наличие вызвано как культурно-историческими, так и чисто конъюнктурными, политико-экономическими факторами. Их совокупность гарантирует то, что уровень взаимопонимания между Китаем и его соседями на северо-востоке континента навряд ли повысится до приемлемого уровня в ближайшей перспективе, и полноценного вовлечения Южной Кореи и Японии в планы КНР по глобальному переустройству мирового порядка ожидать все-таки не стоит.

Прежде всего, не стоит забывать о том, что сильная культурная зависимость Кореи и Японии от Китая в прошлом, а также многочисленные конфликты на протяжении всего исторического периода гарантируют наличие стойкой взаимной неприязни, а также стратегического недоверия между народами, населяющими эти страны⁸⁵. Недавние экономические успехи Южной Кореи и Японии добавляют к этой исторически привитой тревожности и подозрительности, свойственной всем окружающим Китай народам, еще и легкий оттенок пренебрежения, которое высказывают по отношению к своим менее развитым соседям жители юга Корейского полуострова и Японских островов. В то же самое время, исторические обиды, связанные с японской оккупацией, а также нерешенный до сих пор территориальный спор вокруг архипелага Дяоюйдао (Сенкаку), права на который оспаривают Китай и Япония, придают подобной неприязни еще и военно-политическое измерение. В случае же с Южной Кореей важным раздражающим фактором в политике обеих стран является КНДР, сквозь призму отношений с которой политики на юге полуострова склонны рассматривать любые региональные и даже мировые проблемы. Невозможность решить проблему объединения на южнокорейских

ческой инициативы. Важно отметить при этом, однако, что сделано это было лишь после того, как японской стороне стало окончательно понятно, что после выхода из переговоров по поводу создания ТРП Соединенных Штатов Америки перспектив у транстихоокеанского партнерства не существует.⁸⁵ Примечательно, что, несмотря на примирительный тон последних заявлений правительства Японии, не более 5% участников проведенного Reuters Corporate Survey опроса среди представителей японского бизнеса выразили заинтересованность в сотрудничестве с Китаем в рамках реализации его инициативы «Пояс и Путь». В то же самое время, идея сотрудничества с Россией вызывает у представителей деловых кругов Страны восходящего солнца гораздо больший интерес. За укрепление таких связей ратуют 14% участников опроса. URL: <http://www.reuters.com/article/us-japan-companies-silkroad-idUSKBN18K347>

условиях, а также важная роль Китая как гаранта независимости существования Северной Кореи препятствует полноценному сотрудничеству между РК и КНР на современном этапе.

Необходимо отметить и ту особую роль в процессах, протекающих в Северо-Восточной Азии, которую играют США. Связанные с Вашингтоном союзническими договорами и отягощенные наличием американских баз на своей территории, и Сеул, и Токио существенно ограничены в своем стремлении проводить независимую внешнеполитическую линию в отношении КНР. При этом американское правительство не скрывает своих намерений противостоять внешнеполитическим инициативам Китая и не склонно поддерживать его интеграционные амбиции. Справедливости ради надо отметить, что не склонны к этому и сами корейцы и японцы. Связано это с тем, что в течение довольно продолжительного времени они предпринимают собственные попытки объединить под своим началом развивающиеся страны мира, ставя перед собой практически те же цели, что и Китай, и используя для их достижения аналогичные с ним стратегии⁸⁶. Именно в этой острой конкуренции интеграционных проектов, в жесткой борьбе за лидерство в нарождающемся многополярном мире и стоит, на самом деле, искать основную причину как подозрительного отношения Южной Кореи и Японии к глобальным инициативам Китая, так и его ответной холодности в отношении своих близких соседей по Северо-Восточной Азии.

В какой-то степени, проблемы, встающие перед Китаем в ходе продвижения «Пояса и Пути» на северо-востоке Евразии, схожи с теми, с которыми ему приходится сталкиваться в южной части континента, где определяющей является позиции Индии. В той же мере, что и Южная Корея, и Япония, эта крупная и влиятельная держава обладает и ярко выраженными лидерскими амбициями, и необходимыми для их реализации ресурсами. Как итог, любые инициативы Пекина, как правило, воспринимаются в Нью-Дели с плохо скрываемым недоверием. Индия, другими словами, не спешит выразить поддержку Китаю в том, что касается его грандиозных планов по реформированию базовых принципов мирового порядка. В то же самое время, в отличие от экономически развитых стран Северо-Восточной Азии, которые в состоянии тягаться с КНР и на финансовом, и на технологическом фронтах, при

⁸⁶ В этой связи можно вспомнить о соперничестве между Японией и Китаем за контракты на реализацию крупных инфраструктурных проектов в странах Азии. Особенно ярко оно проявляется в спорах о контроле над ключевыми портами региона, а также в том, что касается участия японских и китайских компаний в тендерах на строительство железных дорог.

этом рассчитывая в случае военного противостояния на поддержку со стороны Соединенных Штатов, уровень экономического и технологического развития Индии не позволяет ей в данное время полностью игнорировать призыв Китая к сотрудничеству. В связи с этим официальная позиция Нью-Дели отличается двойственностью. С одной стороны, Индия действительно до сих пор официально не заявила о своей поддержке инициативы «Пояс и Путь», с другой — активно участвует во многих программах, являющихся ее составной частью⁸⁷.

Основной проблемой, омрачающей современные китайско-индийские отношения, является политика стратегического окружения, в которой индийская сторона небезосновательно обвиняет КНР. В полной мере используя конфликты и политические разногласия, характеризующие отношения Индии с малыми странами, входящими в ее геополитическую орбиту, Китай целенаправленно формирует эффективную сеть двусторонних партнерств по всему периметру ее границ. В этой связи можно упомянуть и активное сотрудничество со Шри-Ланкой и Мальдивскими островами, осуществляемое в рамках реализации Морского Шелкового Пути XXI века, и тесные политические и экономические связи Пекина и Нейпидо, и довольно успешное взаимодействие КНР с Непалом, который остается в сфере индийского влияния, но при этом активно дрейфует в сторону Китая. Особняком при этом стоит Пакистан, отношения которого с Китайской Народной Республикой движутся в направлении полноценного стратегического сотрудничества. Именно Исламабад видится Китаю естественным союзником на южном и юго-западном направлении, и Пекин не жалеет ресурсов в том, что касается поддержания интенсивных военных, политических, транспортных и экономических связей с этим непримиримым оппонентом Индии в регионе.

Ярким символом растущего сотрудничества между двумя соседними странами является реализация проекта создания китайско-пакистанского экономического коридора. Он, по мысли проектировщиков, должен связать Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с возводимым Китаем глубоководным портом Гвадар на побережье Индийского океана. Пикантность ситуации придает то, что маршрут этого важнейшего инфраструктурного коридора проходит через спорный район Гилгит-Балтистан, который де-факто контролируется Пакистаном, но при этом рассматривается Индией как незаконно

⁸⁷ В этой связи достаточно упомянуть о коридоре Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма. Интересно и то, что, несмотря на все политические противоречия, к настоящему времени Китай превратился в крупнейшего торгового партнера Индии, потеснив с лидирующих позиций США и ОАЭ.

оккупированная часть ее территории⁸⁸. Высказываются осторожные надежды на то, что вслед за принятием Индии и Пакистана в ШОС, произошедшим в 2017 году, вопрос может быть урегулирован в рамках этой организации. Думается, однако, что геополитические амбиции и Китая, и Индии чрезвычайно высоки, а их взгляды на будущее Евразии не совместимы друг с другом. По этой причине утверждение заместителя посла КНР в Индии Лю Цзиньсуна о том, что «небеса и моря Азии достаточно велики для того, чтобы слон и дракон могли танцевать вместе»⁸⁹, является, скорее, красивым пожеланием, чем отсылкой к реальному положению дел на континенте.

Интересно при этом, что, в отличие от официальных представителей индийского правительства, которые, как правило, видят в Пекине опасного конкурента и даже открыто бойкотируют многие его начинания, граждане Индии относятся к Китаю намного лучше, чем, к примеру, жители Центральной Азии, Монголии, Японии или Южной Кореи. Нельзя сказать, что простые индусы испытывают к своему северному соседу какую-то особую симпатию, да и синофобские настроения здесь, на самом деле, также довольно распространены⁹⁰. Однако при этом две эти непохожие страны разделяет столь глубокая историческая и мировоззренческая пропасть, что в реальности Индия и Китай являются соседями только с точки зрения картографа. Во всем остальном они настолько далеки друг от друга, что жителям Индии практически не ведомы тревоги по поводу возможного культурного порабощения, которые занимают столь важное место в рефлексиях остальных соседей КНР. Демографическая же и экономическая ситуация на полуострове Индостан такова, что, скорее, Китаю следует опасаться притока дешевой рабочей силы из Индии и Пакистана, чем наоборот. Подобное положение резко контрастирует с ситуацией, свойственной другим регионам, граничащим с КНР.

В заключение следует отметить, что, в отличие от Индии, в большинстве стран АСЕАН, расположенных у южных и юго-восточных границ Китая, наблюдается ситуация, схожая с той, что была отмечена в Центральной Азии и в Монголии. Прельщенные экономическими возможностями, которые несет с собой реализация инициативы

⁸⁸ Именно разногласия по этому вопросу и явились формальным поводом для Нью-Дели бойкотировать форум высокого уровня в Пекине, посвященный международному сотрудничеству в рамках инициативы «Пояс и Путь».

⁸⁹ India should shed 'strategic anxiety', join Belt and Road Initiative: Chinese media. // The Times of India. 02.07.2017.

⁹⁰ В соответствии с данными Индийского Опроса 2013 года, 83% жителей Индии считают Китай угрозой национальной безопасности своей страны. What Indians think about China. // The Diplomat. 27.05.2013.

«Пояс и Путь», официальные власти и бизнес-элиты стран региона, весомую долю в которых составляют этнические китайцы, как правило, приветствуют новую инициативу КНР. В то же самое время, простые граждане стран-членов АСЕАН исторически относятся к любым попыткам усиления влияния КНР крайне настороженно. Учитывая то, что конфликт вокруг спорных территорий в Южно-Китайском море, который затрагивает интересы многих государств региона, не показывает признаков скорого разрешения, надеяться на то, что планы Китая по развитию Морского Шелкового пути XXI века будут восприняты во всех странах АСЕАН с безусловным оптимизмом, не представляется возможным.

В условиях, когда большинство соседей Китая рассматривают «Пояс и Путь» как некий завуалированный план его внешнеполитической и внешнеэкономической экспансии и подходят к нему с известной долей осторожности, а иногда даже и геополитической ревности, единственным надежным партнером среди соседей для КНР оказывается Российская Федерация. Несмотря на первоначальные опасения китайских экспертов и надежды противников Китая, Россия с настороженностью, но в целом благосклонно восприняла новую геополитическую инициативу КНР. Одной из самых острых проблем в контексте «Пояса и Пути» с самого начала считалось возможное столкновение интересов Пекина и Москвы в Центральной Азии. Предполагалось, что перспектива масштабной экспансии Китая на территориях, которые Россия, в силу исторических и социо-политических причин, продолжает считать находящимися в зоне своей ответственности, будет воспринята ей с озабоченностью. Однако в мае 2015 года, в ходе визита в Россию председателя КНР Си Цзиньпина состоялось торжественное подписание совместного заявления РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского Экономического Союза и Экономического пояса Шелкового пути, и эта озабоченность в целом была снята⁹¹.

Часто можно услышать, что подобная благосклонность официальной Москвы вызвана ее текущим противостоянием с западным миром, а стало быть, является, в своем роде, геополитическим оппортунизмом и не может рассматриваться как долгосрочная стратегия страны⁹². Действительно, позиции отдельных российских

⁹¹ Полный текст совместного заявления опубликован на официальном сайте Президента России: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>.

⁹² Бытует такое мнение и в среде китайских экспертов, которые в кулуарных беседах выражают озабоченность по поводу того, что поддержка России политики КНР может резко ослабнуть в случае нормализации российско-американских отношений или при условии снятия санкций с РФ.

экспертов по вопросу взаимодействия с КНР как будто бы подтверждают небезосновательность подобных опасений. Их отношение к китайской инициативе и вправду больше отражает их позицию по поводу ценностного, политического и экономического конфликта России и Запада, чем представляет объективный анализ замыслов КНР и анализ возможностей, которые предоставляет в распоряжении России присоединение к инициативе «Пояс и Путь». Экспертов, по большому счету, гораздо больше интересует то, как действия нашего восточного соседа отразятся на западном фронте российской геополитики, и их отношение к китайскому проекту оказывается продиктованным противостоянием Восток-Запад⁹³. Кроме того, как со стороны отдельных экспертов, так и со стороны значительного количества чиновников, отвечающих за взаимодействие с КНР, существует тенденция рассматривать «Пояс и Путь» как потенциальную угрозу национальным интересам России, несмотря на то, что Москва официально безоговорочно поддерживает инициативу Пекина⁹⁴. Некоторые в этой связи говорят даже о полномасштабном кризисе доверия между элитами двух стран, который не в состоянии деэскалировать даже отличные отношения, сложившиеся между национальными лидерами, и довольно ровное отношение простых россиян к Китаю⁹⁵.

Важно отметить в этой связи, что до той поры, пока дискуссия ограничивается экономической и транспортной составляющими, все без исключения российские эксперты и политики ратуют за всемерный рост сотрудничества с КНР. Лишь когда в том или ином виде начинают подниматься вопросы цивилизационного взаимодействия между двумя странами, верх берет алармистский подход, и экономические выгоды от двустороннего сотрудничества забываются. Парадоксальность позиции российского экспертного сообщества при этом заключается в том, что опасения вызывают од-

⁹³ Хороший обзор мнений, высказываемых по проблеме «Пояса и Пути» российскими экспертами, представлен в аналитическом докладе «Китайский глобальный проект для Евразии». Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. Аналитический доклад. Научн. ред. *В.И. Якунин*, рук. *А.В. Лукин*. Москва: Научный эксперт, 2016. С. 50–52.

⁹⁴ *Лузянин С.Г.* Связанные одним поясом. // *Контуры глобальных трансформаций*, 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 51.

⁹⁵ Как показало упомянутое выше исследование, проведенное международной социологической компанией Gallup International в сотрудничестве с российской компанией РОМИР, 69% россиян уверены в благотворности торговли с КНР. Китай любят в России и не любят в Иране // *Коммерсант*. 31.05.2017. При этом лишь 9% россиян полагают, что Китай может стать соперником России. РИА Новости. Интернет-ресурс. URL: <https://ria.ru/east/20141106/1031959047.html#ixzz3I17ImTfe>

новременно и само желание Китая направлять свои инвестиции в Россию, и их недостаточный, с точки зрения россиян, объем. Основным же препятствием на пути установления истинно доверительных отношений между двумя крупнейшими странами континента является то, что у многих российских экспертов существуют определенные опасения по поводу того, что в результате успешной реализации китайской инициативы «Пояс и Путь» России будет уготована второстепенная роль в Евразии.

На самом деле, как представляется, Китай признает важную роль России в том миропорядке, который должен быть построен в результате реализации «Пояса и Пути». Проявление подобного отношения можно было, в частности, наблюдать в ходе первого международного форума, посвященного реализации инициативы «Пояс и Путь», прошедшего в 2017 году в Китае. Тот факт, что Президент России, наравне с Генеральным секретарем ООН и хозяином саммита, произнес приветственную речь на его открытии, призван был подчеркнуть, что Москве в этом проекте отводится основополагающая роль. И как политическому союзнику, и как важнейшей транзитной державе, и как глобальному геополитическому игроку. Только в согласии с Россией, понимает Пекин, его амбициозным планам в Евразии суждено осуществиться.

Важно отметить в этой связи, что Россия также понимает. Об этом недвусмысленно заявил президент страны Владимир Путин, в своей речи напомнивший собравшимся о важном значении ШОС и Евразийского экономического союза. Немаловажно и то, что он предпочел выдвигать встречные предложения, а не просто петь дифирамбы хозяевам форума. Именно в этом ключе можно интерпретировать и его высказывания по поводу перспективности Северного морского пути, и упоминание идеи Большой Евразии. *«Если смотреть шире, инфраструктурные проекты, заявленные в рамках ЕАЭС и инициативы “Один Пояс, Один Путь”, в связке с Северным морским путём способны создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента, а это ключ к освоению территории, оживлению экономической и инвестиционной активности. Давайте вместе прокладывать такие дороги развития и процветания»,* – заявил в Пекине президент России. *«И в этом отношении большая Евразия – это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремлённый в будущее»,* – добавил он чуть позднее⁹⁶.

Думается, что подобная позиция России должна импонировать руководителям КНР, которые старательно подчеркивают, что

⁹⁶ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491>

«Пояс и Путь» это не соло Китая, а симфония всех заинтересованных в создании на просторах Евразии пространства общей судьбы. Важно в этой связи то, что инициатива председателя Си, предлагающего сплотить мир на основе новых принципов солидарного, взаимовыгодного развития, нацеленного на создание возможностей для реализации человеческого потенциала, находит отклик у другой крупнейшей евразийской державы, России, которая выражает готовность на равноправной основе участвовать в построении более справедливого и человеческого миропорядка. При этом участие это предполагается сделать по-настоящему активным, в результате чего становится возможным нахождение той единственно верной формулы равноправного взаимодействия между странами, которой до настоящего времени действительно не хватает протекающим в мире процессам глобализации.

Аналізу того, способны ли те альтернативные интеграционные предложения, которые выдвигает Россия и другие страны Евразии, послужить основой той величественной симфонии новой глобализации, о которой говорит Китай, и будет посвящена следующая глава этой книги.

Глава третья

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НА СЦЕНЕ: ПЕСТРАЯ КАРТИНА ЕВРАЗИЙСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Ошибочно полагать, что до того момента, когда Китай предложил миру в целом и Азии в частности сплотиться на новых принципах и переписать правила глобализации, никаких интеграционных инициатив в этой части света не появлялось. Безусловно, активная работа в данном направлении велась довольно давно. В этой связи достаточно упомянуть внешнеполитическую активность Японии, которая, не имея легальной возможности наращивать собственные вооруженные силы и подобным образом обеспечивать свое влияние, во многом вынужденно обратилась в свое время к культурным и экономическим формам экспансии¹. Воспользовавшись благоприятной для себя конъюнктурой, японцы уже с 60-годов прошлого столетия приступили к формированию круга связанных с ними общими ценностями и инфраструктурными нитями союзников, камуфлируя свои внешнеполитические планы под разнообразные программы помощи и культурные обмены. Не лишним будет в этой связи напомнить, что именно в Японии получила развитие идея трансграничных свободных экономических зон² и именно здесь формировалась та специфическая азиатская «мягкая сила»,

¹ «Япония, проигравшая во Второй мировой войне и долгое время лишенная прав содержать полноценные вооруженные силы и проводить в жизнь любые национальные военные доктрины, но при этом накопившая колоссальный положительный экономический опыт и капитал, не отказалась от устремлений быть равноправным участником всех войн и военно-политических процессов мира, одновременно распространяя свое влияние на развивающиеся страны. После окончания Второй мировой войны основными методами достижения целей и международного признания для Японии были дипломатия, продвижение своих ценностей, культуры и модели развития, финансовая поддержка» *Грибкова Д.* Очарование Японии: как работает «мягкая сила» Страны восходящего солнца // Креативная дипломатия. Интернет-ресурс. URL: <http://www.picreadi.ru/kak-rabotaet-soft-power-japan/>

² Японский экономист К. Кодзима сформулировал идею создания зоны свободной торговли в Восточной Азии уже в 1965 году.

к удовлетворению спроса на которую затем подключились сначала в Корее, а, в конце концов, и в Китае.

Другим характерным примером успешной интеграционной политики в азиатском регионе является АСЕАН³. Этому основанному в 1967 году политико-экономическому объединению стран Юго-восточной Азии удалось успешно нивелировать казавшиеся многим непреодолимыми экономические, политические, культурные и религиозные различия между странами-участницами и создать на этой основе довольно прочный региональный союз. С течением времени страны АСЕАН все отчетливее осознают свое сконструированное политическими методами единство, научившись вырабатывать в ходе дискуссий общее мнение по актуальным вопросам повестки дня. При этом они довольно согласованно выступают на международной арене. Интересно, что среди стран Юго-восточной Азии, входящих в АСЕАН, невозможно выделить какого-либо одного, явного лидера. Это лишний раз подтверждает возможность формирования прочных интеграционных объединений на основе принципов равенства всех участников, без необходимости доминирования какой-либо одной державы и без сопутствующего этому разделения государств на интегрирующих и интегрируемых, на стран-доноров и стран-реципиентов. Не секрет, что именно этого качества до сих пор недостает многим существующим или находящимся в процессе создания интеграционным союзам в других частях света.

Не стоит забывать и о том, что до самого последнего времени важные геополитические игроки, такие как Европейский союз или США, также не оставляли попыток объединить всю Азию или отдельные ее регионы на какой-либо выгодной для себя экономической, идеологической или политической платформе. При этом американцы, как правило, исповедовали жесткий и прагматичный подход, предпочитая под предлогом интеграции решать свои собственные, ситуативные, внешнеэкономические и внешнеполитические проблемы вместо того, чтобы заботиться о продвижении какой-либо конкретной идеологии⁴. С другой стороны, европейские

³ В настоящее время в АСЕАН входят Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия, Сингапур, Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа.

⁴ Примером такой политики можно назвать активно продвигавшийся до недавнего времени проект создания «Нового Шелкового пути», в соответствии с которым центром притяжения в Центральной Азии должен быть стать полностью подконтрольный США Афганистан. Несложно заметить, что такой подход не учитывал ни интересы стран региона, ни культурно-исторического фона, ни реальной экономической ситуации в центре Евразии. Именно это, в конце концов, привело к тому, что проект оказался мертворожденным.

геополитические и геоэкономические инициативы, как правило, оказывались в плену умозрительных ценностных и нормативных конструкций. Отличный пример такого крайне политизированного подхода к вопросам интеграции в Азии – программа создания трансевразийской транспортной системы⁵. Поначалу активное участие в процессах интеграции принимала и Турция. В середине 90-х годов прошлого века, на волне собственного экономического роста и в условиях одновременного снижения влияния России на постсоветском пространстве, Анкара предпринимала попытки продвинуть в регионе собственную модель политико-экономического развития для того, чтобы на этой основе в дальнейшем сплотить вокруг себя страны Центральной Азии.

К сожалению, в ходе проработки тех или иных интеграционных инициатив их авторы до недавнего времени предпочитали не принимать во внимание невероятную пестроту политико-экономической мозаики континента и существующие до настоящего времени противоречия между отдельными странами Европы и Азии. В конце концов, ограниченные экономические и дипломатические возможности и/или появление иных внутренних приоритетов не позволили ни одной из вышеупомянутых стран по-настоящему взять на себя бремя лидерства и вывести проект региональной интеграции из зачаточной, концептуальной стадии на уровень реализации конкретных проектов.

⁵ «С начала 1990-х активно обсуждается и реализуется программа создания второй трансевразийской транспортной системы под названием ТРАСЕКА (TRASECA – Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia). Ее маршрут примерно повторяет одну из трасс исторического Шелкового пути, проходя из Китая через Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Афганистан, Иран, Ирак и далее под Босфором через Турцию в Европу. В мае 1993 на конференции министров торговли и транспорта 8-ми стран Азии принимается официальная декларация этих стран и ЕС о формировании нового евроазиатского транспортного коридора. [...] Проект TRASECA пользуется активной финансовой поддержкой ЕБРР и МВФ. В его рамках осуществляется строительство не только железных дорог, но и портов на Черном и Каспийском морях, оптоволоконных сетей связи, автомобильных трасс. Планы развития новой магистрали включают строительство новых нефте- и газопроводов, создание в странах Средней и Центральной Азии современной индустрии туризма, которые должны будут способствовать вовлеченности этих стран в мировое хозяйство. [...] Хотя TRASECA короче Транссиба на 2 тыс. км, ее сравнительные преимущества далеко не очевидны. Впрочем, чисто экономические соображения могут перевешиваться политическими, поскольку одно из главных предназначений TRASECA является ослабление экономической зависимости от России бывших советских республик Закавказья и Средней Азии». *Быстрова А.К.* Проблемы глобальной инфраструктуры в центральноазиатском регионе. Оптимизация роли России. Москва: ИМЭМО РАН, 2013. 78 с.

Однако самым существенным недостатком подавляющей массы инициатив, выдвигаемых до 2013 года, было отсутствие яркой идеи и впечатляющих образов, способных увлечь за собой всех без исключения жителей стран Азии, независимо от того, являются они непосредственными бенефициарами того или иного проекта или нет. Именно наличие подобной, «человеческой» составляющей, возвышающей будничные экономический план до уровня мечты, способной изменить к лучшему судьбу конкретного человека и повысить уровень его жизни, и стала отличительной чертой программы переустройства мира, выдвинутой китайским лидером. Красочные образы, обрисованные в его послании, были подкреплены многочисленными историческими и культурными аллюзиями, а затем многократно усилены средствами массовой информации, что обозначило наступление новой эпохи в международной интеграции. Принимая во внимание наличие у руководства КНР сильной политической воли и впечатляющих финансовых ресурсов, китайская инициатива оказалась в состоянии не просто коренным образом изменить социо-экономический ландшафт Евразии, но и установить новый стандарт качества для последующих интеграционных инициатив.

Вскоре после того как Китай сформулировал свое видение объединения континента, во многих странах Азии резко активизировались усилия по формулированию и продвижению собственных планов реформирования системы внешнеполитических и внешнеэкономических связей в регионе. Не прошло и двух лет, как об инициативах по инфраструктурному развитию объявили такие не похожие друг на друга страны, как Япония и Турция, Южная Корея и Индия, Монголия и Индонезия. Не осталась в стороне от модных поветрий и Россия, присоединившаяся к постоянно растущей группе государств, пожелавших объединить Евразию на новых принципах и в новой конфигурации. Как можно было предвидеть с самого начала, все эти планы, в той или иной степени инспирированные действиями КНР, оказались очень непохожими друг на друга, отражая при этом как культурные и политико-экономические особенности стран, их разработавших, так и характер их взаимоотношений с Китаем. В результате, оказалось возможным разделить интеграционные инициативы новой волны на две большие группы – инициативы, конкурирующие со стратегией «Пояс и Путь», и инициативы, ее дополняющие.

Первые, как несложно догадаться, были выдвинуты относительно сильными в экономическом или политическом плане странами Евразии, которые стремятся перехватить инициативу у Китая, позиционируя себя как альтернативу пугающему мно-

гих гипотетическому экономическому или политическому доминированию КНР. К таким странам, в частности, можно отнести Японию, Южную Корею и, частично, Индию. В то же самое время, инициативы второго рода были вынесены на обсуждение теми странами, которые в полной мере осознают потребность в тесном сотрудничестве с Китаем в целях развития национальной инфраструктуры. Они в спешном порядке стали предлагать инициативы, призванные обеспечить состыковку своих собственных приоритетов развития с теми задачами, что были обозначены в концепции «Пояса и Пути». К государствам Евразии, выступающим с подобными, «производными» от китайской инициативами, можно отнести Монголию, Индонезию, Вьетнам, с определенными оговорками Казахстан и, в последнее время, Турцию.

Позиция же России изначально отличается двойственностью. С одной стороны, она не чувствует геополитической необходимости и при этом не обладает достаточными экономическими и техническими ресурсами для того, чтобы полностью перехватить интеграционную инициативу у КНР. С другой, статус глобального игрока на международной арене не позволяет ей открыто подстраиваться под озвученные Китаем внешнеэкономические планы, ибо он предполагает проведение Москвой самостоятельной экономической политики.

Каковы бы ни были различия между предлагаемыми интеграционными инициативами, они обладают важными общими особенностями, позволяющими рассматривать их в едином контексте. Во-первых, практически все выдвинутые после 2013 года предложения характеризуются наличием сильной культурно-цивилизационной составляющей. Во-вторых, в них в той или иной форме акцентируется внимание на очевидном положительном социальном эффекте, который должно принести с собой развитие инфраструктуры. Основной же целью провозглашается благо каждого конкретного гражданина, а не достижение каких-либо чисто экономических показателей. Именно потребность в личностном росте и самореализации предстает теперь в качестве главного обоснования необходимости экономического развития. Немаловажно и то, что тем важным идеологическим подспорьем, к которому часто апеллируют авторы интеграционных инициатив, является некий, до конца не ясный набор ценностей, называемых восточными и при этом обычно противопоставляемых западным. Необходимо отметить в этой связи и то, что инфраструктурное развитие в подобном понимании видится уже не самоцелью, а, скорее, средством для формирования общей идентичности, формируемой на основе этих довольно эфемерных ценностей.

В реальности, в основе каждого из предлагаемых интеграционных проектов лежит хитросплетение экономических и политических интересов его инициаторов, тем более что в настоящее время Азия действительно испытывает огромную потребность в развитии инфраструктуры⁶. Несмотря на это, однако, не будет преувеличением утверждать, что потребности экономического развития более не являются единственно значимыми для тех государств на Востоке, что выдвигают все новые и новые инициативы, призванные способствовать усилению взаимосвязанности стран континента. Взаимосвязанности людей, проживающих в этих странах, а не взаимосвязанности их экономик — и это, пожалуй, самое главное из того, что отличает интеграционные инициативы 2013—2017 годов от предшествующих им усилий по построению единого социально-экономического пространства в Евразии.

«Евразийская инициатива» Республики Корея

Одной из первых стран, откликнувшихся на геополитический вызов Китая, стала Южная Корея. Спустя всего лишь месяц после выступления Си Цзиньпина в Астане президент РК Пак Кын Хе также призвала страны региона сплотиться на основе взаимовыгодного, солидарного развития. В своей вступительной речи, прозвучавшей на проходившей 18 октября 2013 года в Сеуле международной конференции «Глобальное сотрудничество в эпоху Евразии» она впервые представила миру свою концепцию «Евразийской инициативы», которая, по замыслу южнокорейского лидера, была призвана стать надежной основой для строительства общего пространства на всей территории континента. С одной стороны, идеи, подобные той, что с высокой трибуны озвучила Пак Кын Хе, уже не раз высказывались предыдущими руководителями страны. К примеру, о юге Корейского полуострова как о логистическом и финансовом хабе всей Северо-восточной Азии говорили и президент Но Му Хён, и президент Ли Мён Бак. Проекты подключения к трансконтинентальным газопроводам также уже в течение нескольких десятилетий стабильно популярны среди политиков и экспертов в Южной Корее, при этом

⁶ К примеру, KPMG оценивает потребность региона в инфраструктуре в 60 миллиардов долларов в год на период до 2022 года. В то же самое время, в совместном докладе Азиатского банка развития и Института Азиатского банка развития говорится о 8 триллионах долларов инвестиций до 2020 года, из которых 68% процентов будет потрачено на реализацию новых проектов, а 32% пойдут на ремонт и поддержание уже имеющейся инфраструктуры. *Szczudlik J. Many Belts and Many Roads: The Proliferation of Infrastructure Initiatives in Asia // PISM Policy Paper, 2016. № 7 (148). P. 2.*

популярность эта не сильно зависит от идеологической ориентации или партийной принадлежности того или иного участника дискуссии. Кроме того, как отмечает ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН К.В. Асмолов, «каждому президенту в Корее “положено” иметь проект с громким названием (наподобие “низкоуглеродной экономики зеленого роста” при Ли Мён Баке) вне зависимости от того, насколько активным и реалистичным будет его практическое воплощение»⁷.

С другой, то обстоятельство, что в программе, озвученной корейским лидером, первоначально содержалось на удивление мало конкретных деталей, выдает ту поспешность, с которой готовилось выдвижение «Евразийской инициативы»⁸. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что основным мотивом Сеула в данном случае было как можно быстрее обозначить свою позицию по поводу перспектив евразийской интеграции в той непростой ситуации, когда КНР столь громогласно заявила о своих претензиях на лидерство в этом вопросе. Не случайно и то, что президент Южной Кореи, выдвигая свою инициативу, также предпочла говорить о Шелковом Пути, и это притом, что исторически его маршрут никогда не проходил по территории Корейского полуострова. Еще одним подтверждением появления на свет «Евразийской инициативы» лишь в качестве скороспелого ответа на выдвижение «Пояса и Пути» может служить то, что сам Китай ее, по сути, проигнорировал, до самого последнего времени предпочитая лишний раз не упоминать о корейском проекте в контексте обсуждения усилий по сопряжению интеграционных планов разных стран. С другой стороны, и в призыве Пак Кын Хе также почти не упоминался Китай, хотя сложно представить действительное объединение Евразии в случае, если к этому процессу не подключена самая густонаселенная страна континента.

С другой стороны, и в России, и в постсоветских республиках Центральной Азии отнеслись к инициативе южнокорейского лидера с выражено доброжелательным интересом, причем как на уровне экспертов, так и на уровне политиков⁹. Связано это было

⁷ Асмолов К.В. Евразийская инициатива президента РК // Новое Восточное Обозрение. № 28.08.2014. С. 1.

⁸ Как отмечает в этой связи К.В. Асмолов: «...проект не имеет высокого уровня проработки. Налицо некие лозунги, наброски и идеи. А четкой программы и постановки задач нет, что заметно по комментариям и трактовкам экспертов». Асмолов К.В. Евразийская инициатива президента РК // Новое Восточное Обозрение. 28.08.2014. С. 1–2.

⁹ Воронцов А.В. Евразия справа налево // Россия в глобальной политике, 2015. № 1. С. 127–134.

не только с тем, что в условиях, когда намерения Китая были не до конца ясны его соседям, и в Москве, и в столицах центрально-азиатских государств чувствовалась потребность в наличии противовеса росту геополитических амбиций КНР. Возможно, более важным оказалось то, что именно странам постсоветского пространства Южная Корея отводила в своих интеграционных планах особую роль. Как подчеркивает в этой связи В.Л. Сведенцов: «В географическом плане данная инициатива направлена на объединение Дальнего Востока, начиная от РК, через российский Дальний Восток, Сибирь, Центральную Азию, Урал, Кавказ, Восточную и Западную Европу, и заканчивая Великобританией»¹⁰. Нетрудно заметить, что, за исключением гипотетического участия Великобритании, инициатива Сеула направлена как раз на укрепление взаимосвязанности на постсоветском пространстве. При этом очевидно, что ни о каком геополитическом давлении со стороны Южной Кореи речь в этом случае идти не может. К тому же, в отличие от экспертов из КНР, которые в течение довольно продолжительного времени не могли определиться с конкретным наполнением «Пояса и Пути», их корейские коллеги быстро и при этом лаконично сформулировали то, чего же, собственно, хочет добиться в Евразии Сеул, и то, чего следует ожидать от него его соседям. Не откладывая дела в долгий ящик, они сразу же приступили к достижению конкретных договоренностей со всеми заинтересованными партнерами¹¹.

¹⁰ Сведенцов В.Л. «Евразийская инициатива» как план мирного процветания Евразии. Аналитическая записка РИСИ. URL: <https://riss.ru/wp-content/uploads/2015/10/Svedentsov-speech-Eurasian-iniative-as-a-plan-for-peaceful-prosperity-of-Eurasia.pdf>

¹¹ Активность Сеула в республиках Средней Азии в этом плане особенно заметна. «В Узбекистане, ведущем деловом партнере Южной Кореи в Центральной Азии, стороны подписали пакет соглашений, в том числе по реализации совместных проектов в области освоения Сургильского газового месторождения вблизи Аральского моря и строительству завода по переработке газа (общая стоимость составляет \$8 млрд). В Казахстане стороны договорились о создании инвестиционного фонда для реализации совместных проектов и подписали семь документов. Один из них – соглашение между казахским АО «Казгеология» и южнокорейской Korea Resources Corporation о реализации проекта по разведке полиметаллов на участке Дюсембай Карагандинской области. [...] Наконец, в Ашхабаде “Туркменгаз” и южнокорейские LG и Hyundai подписали соглашение о строительстве в Туркмении двух газоперерабатывающих предприятий (стоимость проектов – \$4 млрд). Поездка президента Пак Кын Хе в Ашхабад стала первым в истории визитом южнокорейского лидера в Туркмению, обладающую четвертыми по величине запасами газа в мире». *Строкань С.* Евразийская интеграция по-корейски. Коммерсант. № 105/П (5378). 23.06.2014.

Как можно заключить на основании представленных публике сжатых официальных документов и последовавших за ними чуть более пространных комментариев со стороны ряда южнокорейских экспертов, план президента Пак Кын Хе заключается в формировании на просторах Евразии «единого, креативного и мирного континента». Это, по мысли авторов инициативы, подразумевает, что при непосредственной поддержке Республики Корея и при заинтересованном участии остальных стран региона здесь с течением времени будет создана единая, трансграничная транспортная, энергетическая и логистическая система. Благодаря ей, в свою очередь, станет возможной всемерная активизация международного экономического сотрудничества, а также произойдет резкая интенсификация научных, технологических и образовательных контактов между странами и народами континента. Примечательно, что в процессе дискуссии, развернувшейся по этому вопросу в Южной Корее, внимание довольно часто заострялось на том, что подобное многогранное сотрудничество возможно лишь в том случае, если оно будет реализовано, в том числе, и на уровне межличностных контактов, которые, в свою очередь, должны строиться на основе взаимного доверия.

Рассуждая о конкретных шагах, необходимых для реализации этой задачи, Сеул упоминает о необходимости увеличения степени взаимосвязанности транспортных, логистических, информационных и энергетических сетей стран континента. Это, в свою очередь, подразумевает строительство, реконструкцию и эффективное совместное использование уже существующей сети автомобильных и железнодорожных дорог, создание единой евразийской энергетической сети, работы по формированию Трансевразийской информационной сети (TEIN)¹², а также усилия по постепенному преодолению физических и политических барьеров на пути укрепления сотрудничества между странами региона. Все эти шаги, по мысли авторов инициативы, должны в дальнейшем послужить прочной основой для построения странами региона истинно инновационной экономики.

Другим неременным условием роста взаимосвязанности корейцы считают либерализацию торговли и инвестиций в регионе,

¹² Данный проект, в частности, подразумевает, совместную работу с правительствами Казахстана, Киргизстана, Монголии и Узбекистана по проекту «Евразийская геолокационная информация», а также поддержку усилий стран региона по развитию дистанционного образования и медицины, исследованию в области чрезвычайных ситуаций и сельского хозяйства, а также организацию обучающих программ для инженеров. *Eurasia Initiative. MOFA promotional brochure*. P. 26–27.

включая создание зоны свободной торговли в Северо-восточной Азии, в которую, наряду с самой Южной Кореей, вошли бы Япония и Китай. Предлагается также как можно скорее проработать возможность начала движения составов по транскорейской железной дороге с выходом на Транссиб и уделить особое внимание строительству транспортного коридора Раджин-Хасан. Другим важным глобальным инфраструктурным проектом, к которому проявляет повышенный интерес Сеул, является развитие Северного морского пути как кратчайшей транспортной магистрали, способной связать порты Южной Кореи с портами Европы.

Россия вообще занимает важное место в планах Южной Кореи по развитию инфраструктуры Евразии. Так, в программных документах, описывающих перспективы реализации «Евразийской инициативы», говорится о планах по совместной эксплуатации нефтяных и газовых месторождений в Восточной Сибири, а также упоминается проект по созданию свободной экономической зоны «Туманган» на границе России, КНДР и КНР. Южная Корея понимает при этом, что подобная амбициозная программа потребует существенных финансовых вложений, потому в планах, которые озвучивают корейские эксперты, говорится о создании Банка развития Северо-восточной Азии, в задачи которого входило бы финансирование инфраструктуры в регионе, что, как нетрудно догадаться, в конечном итоге будет способствовать общему успеху реализации «Евразийской инициативы».

Интересно, что под инфраструктурой в этом случае понимают не просто комплекс производств, завязанный на единую сеть транспортных артерий, линий электропередач, газо- и нефтепроводов. По замыслу авторов проекта, в конечном итоге совокупность таких комплексов должна превратиться в становой хребет для развития новой или, как ее предпочитают называть корейцы, «креативной» экономики, что подразумевает повсеместное использование инновационных технологий в сочетании с обеспечением гарантий доступности знаний для всех.

Вообще, именно креативность, как несложно заметить даже при беглом взгляде на план корейского мега-проекта, и должна отличать его от китайского «Пояса и Пути». Можно долго спорить по поводу того, что именно подразумевать под «креативностью» в каждом конкретном случае. Однако думается, что истинный смысл включения этого пункта в программу «Евразийской инициативы» состоит в том, чтобы повысить привлекательность ее целей в глазах простых граждан, которые с недавних пор привыкли воспринимать те или иные идеи в форме красивых маркетинговых лозунгов. Неслучайно в этой связи и то, что, делая предположения по поводу

того, как именно может быть реализована «креативность», эксперты упоминают о расширении культурных и человеческих обменов, организации молодежных программ и усилении интеллектуальной составляющей процесса сближения народов Евразии. Плохо это или хорошо, вопрос дискуссионный, однако сам факт апеллирования авторов глобальной инфраструктурной инициативы к чувствам и чаяниям простых людей лишней раз подчеркивает гуманистический характер новой корейской инициативы и действительно выделяет ее из череды однообразных планов предшественников Пак Кын Хе.

Еще одной важной чертой данного мега-проекта является призыв к совместному строительству «мирного континента». Во всех выступлениях корейского лидера в этой связи подчеркивается, что без достижения крепкого мира на всем пространстве Евразии невозможно ни поступательное развитие экономики, ни ускоренное строительство инфраструктуры, ни укрепление связей между народами. В этом «Евразийская инициатива» разительно отличается от китайского «Пояса и Пути», разработчики которого старательно избегают рассмотрения вопросов безопасности, предполагая, очевидно, что те могут разрешиться сами собой, стоит лишь экономическому развитию достичь определенного уровня. В расположенном же неподалеку от тридцать восьмой параллели Сеуле понимание того, что без разрешения всех без исключения конфликтов, в том числе и внутреннего корейского, полноценное экономическое развитие на континенте не представляется возможным. Именно поэтому важнейшими условиями для успешного строительства новой Евразии в Южной Корее считают денуклеаризацию и последующее объединение Корейского полуострова, а также сотрудничество всех стран мира в борьбе с изменением климата, в деле охраны окружающей среды и в вопросах управления знаниями¹³.

Включение всех этих пунктов в план по реализации инфраструктурной инициативы призвано подчеркнуть ее гуманистический, миролюбивый, в каком-то смысле общечеловеческий характер. При этом было бы непростительным упрощением полагать, что, выдвигая «Евразийскую инициативу» и планируя выделить на ее реализацию значительные финансовые, политические и управ-

¹³ В соответствии с планами, озвученными правительством Южной Кореи, в рамках реализации «Евразийской инициативы» предполагается запуск «Программы по обмену знаниями» в различных секторах экономики, включая транспортную отрасль, промышленное производство, торговлю, сельское и лесное хозяйство. Планируется, что подобные крупномасштабные программы будут запущены как в сотрудничестве с Россией и республиками Центральной Азии, так и со странами Европы.

ленческие ресурсы, Южная Корея не преследует каких-то своекорыстных интересов и заботится исключительно о благе всего человечества. Скорее, здесь мы имеем дело с целой совокупностью геополитических и экономических вызовов, а также проблем в сфере безопасности, которые Сеул надеется разрешить в случае успешной реализации своих инфраструктурных предложений. Так, с геополитической точки зрения, Южная Корея, находящаяся в данный момент на своеобразном острове на самой окраине континента, преследует цель превратиться в какой-то мере в его центр. Этому должно способствовать как преодоление вынужденной географической изоляции через подключение к транспортной и энергетической сети России, в свою очередь простирающейся от берегов Тихого океана на востоке до границ Европейского Союза на западе, так и придание политэкономической субъектности всему региону Восточной Азии через создание зоны свободной торговли с Китаем и Японией. В то время как границы подобной зоны будут простирались от Пакистана до Сахалина и от Сибири до Вьетнама, Южная Корея действительно, в какой-то мере, окажется в ее центре, являясь естественным мостом между основными ее составными частями, Китаем и Японией. В случае же активного вовлечения южнокорейских компаний в развитие Северного морского пути, а также успеха инициатив Сеула в Центральной Азии, Южная Корея действительно займет соответствующее объему и темпам роста ее экономики геополитическое положение.

Другим потенциальным итогом успешного претворения в жизнь «Евразийской инициативы» могло бы стать снижение зависимости Южной Кореи от Китая и от Соединенных Штатов Америки, которые в настоящее время успешно блокируют любые инициативы Сеула, направленные на диверсификацию маршрутов международной торговли. В то время как для США наилучшим вариантом сохранения влияния в регионе является положение, при котором Южная Корея фактически является островом, Китай также целенаправленно блокирует продвижение корейцев вглубь континента, не позволяя им обрасти сухопутными торговыми коридорами. В случае же удачного разрешения северокорейской проблемы и последующего за этим выхода на рынки постсоветского пространства Сеул будет в состоянии вырваться из этой стратегической западни, получив возможность направить излишки своей геополитической энергии по континентальному пути развития.

Стремление Южной Кореи выйти из географической изоляции объяснимо и с учетом той непростой ситуации, что сложилась в самой корейской экономике, проблемы которой также позволит частично решить успешная реализация «Евразийской инициати-

вы». Удивительно, но при рассмотрении китайского проекта «Пояс и Путь» все эксперты практически в один голос утверждают, что его появление на свет вызвано желанием КНР найти применение своим избыточным производственным мощностям, для удовлетворения спроса на продукцию которых уже не хватает емкости насыщенного внутреннего рынка. При этом те же эксперты почему-то забывают, что и для Южной Кореи, чья экономика находится на более высоком уровне развития, эта проблема не менее актуальна. С точки зрения корейских компаний, успешная реализация крупных инфраструктурных проектов, к примеру, на территории Дальнего Востока России или в Центральной Азии способна обеспечить загрузку их избыточными мощностями. Выгоды же, которые может принести экономике страны присоединение к энергетической инфраструктуре России, а также к трансконтинентальной системе газо- и нефтепроводов, в дополнительном разъяснении не нуждаются, ибо они и так достаточно очевидны.

Настолько же очевидными являются дивиденды, которые сулит Сеулу успешное привлечение к разрешению противостояния с КНДР внешних игроков. Заинтересованность в успешной реализации «Евразийской инициативы» должна, по мнению ее авторов, автоматически означать их активное вовлечение в процесс денуклеаризации Корейского полуострова и последующего объединения Северной и Южной Кореи на условиях последней. Сеул, другими словами, рассчитывает на мобилизацию мирового сообщества в целях активизации своего давления на Пхеньян¹⁴.

Впрочем, во многом именно подобное, преувеличенное внимание южнокорейских политиков и экспертов к решению северо-корейской проблемы приводит к тому, что, несмотря на верно поставленные цели и наличие реалистичной программы по их достижению, «Евразийская инициатива» Сеула в последнее время откровенно буксует. Проблема, похоже, в том, что Южная Корея, объявив о своих континентальных амбициях, что подчеркивалось

¹⁴ Исполнительный вице-президент Консультативного совета по демократическому и мирному национальному объединению господин Хюн Кюн-тэ (Hyun Kyung-dae) выразил чаяния Сеула предельно откровенно: «Мы можем использовать Евразийские страны в качестве рычага для убеждения Северной Кореи. Однако если Пхеньян откажется, мы увеличим давление на Северную Корею — где прерывается линия евразийского процветания — чтобы соединить евразийскую линию с Северной Кореей силой. Может ли Пхеньян остановить локомотив Евразийского общества, который является кардинальной революцией мировой истории?». *Евразийская инициатива президента Пак Кын Хе*. Спикер. 01.11.2013. URL: <http://nuac.go.kr/russian/sub04/view01.jsp?numm=36>

даже самым названием ее мега-проекта, по сути, так и осталась державой сугубо региональной, интересы и возможности которой детерминируются и в то же время ограничиваются ее непосредственным географическим окружением. Другими словами, свойственная политикам и экспертам из Южной Кореи определенная заикленность на проблеме КНДР в этом случае сыграла с ними злую шутку. Иностранные наблюдатели стали понимать, что за красивыми лозунгами о креативном континенте и обмене знаниями стоит лишь вечное, как мир, желание Сеула принудить Северную Корею к окончательной капитуляции, облаченное в этот раз в приемлемые в новых исторических реалиях формулировки, и потому постепенно утратили интерес к «Евразийской инициативе» в целом.

Другой причиной пробуксовки корейского проекта стало то, что, постоянно используя все модное нынче слово «Евразия», в Сеуле не позаботились о том, чтобы как следует разобраться в том, что же именно означает это понятие. Весь ли это континент от Лиссабона до Джакарты, включая и часть Тихого Океана, или под Евразией следует понимать лишь его центральную часть, а быть может, стоит ограничить рамки дискурса постсоветским пространством – ответа на этот вопрос так и не было найдено¹⁵. Неточность формулировок породила неточность планов, за которым с неизбежностью последовала необязательность их исполнения.

Наконец, и это также существенно, провозгласив необходимость развития межличностных контактов, межнационального общения и приоритет интересов личности над чисто экономическими интересами, Южная Корея не смогла предоставить каких-либо эффективных инструментов реализации этих благих пожеланий. Не считать же такими эпизодические концерты звезд корейской эстрады? Более того, «Евразийская инициатива» не смогла в полной мере заинтересовать неправительственные организации и других негосударственных акторов. А ведь невозможно говорить об объединении стран Евразии на гуманистических началах, когда провозглашенное новое политическое и идеологическое видение для целого континента оказывается всего лишь удобной ширмой для прикрытия сиюминутных интересов одного государства!

¹⁵ «Как отмечает профессор Со Гён Чжун, корейский взгляд на границы Евразии отличается от российского, поскольку охватывает Тихий океан. Но даже если ограничиться континентальной частью, одни комментаторы имеют в виду Евразию вообще, другие – страны СВА/АТР, третьи – сугубо постсоветское пространство, которое стало приобретать большее значение на фоне визита Пак Кын Хе в Среднюю Азию». *Асмолов К.В.* Евразийская инициатива президента РК // Новое Восточное Обозрение. 28.08.2014. С. 2.

Печально, но на этом проблемы, с которыми столкнулась реализация проекта «Евразийской инициативы», не закончились. Дело в том, что, в отличие, скажем, от КНР, где особенности политической системы позволяют мыслить, по крайней мере, декадами, в Южной Корее, как уже отмечалось выше, срок той или иной крупной инициативы, как правило, ограничивается сроком пребывания у власти выдвинувшего ее президента. В случае же с Пак Кын Хе судьба ее фирменного «проекта с громким названием» оказалась еще печальнее – впрочем, как и ее собственная¹⁶. Несмотря на то что новый президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин пообещал продолжить курс на усиление евразийской интеграции, и в 2017 году в Сеуле был, в соответствии с первоначальным планом, открыт Секретариат форума сотрудничества Республики Корея и стран Центральной Азии¹⁷, не существует никакой гарантии того, что в лозунгах нового руководителя страны в течение долгого времени сохранится упоминание о необходимости евразийской интеграции. Однако, есть надежда, что, каковыми бы серьезными ни были политические разногласия между Пак Кын Хе и Мун Чжэ Ином, провозглашенный курс на усиление сопряженности континента будет продолжен. При этом лучшим исходом было бы, если бы новый лидер Южной Кореи смог наполнить его тем истинно гуманистическим содержанием, которого «Евразийской инициативе» в настоящем виде пока все-таки не достает.

«Партнерство для качественной инфраструктуры» Японии

Необходимо понимать, что механизм выработки стратегических решений в Токио построен таким образом, что Япония, как правило, долгое время выжидает и при этом придает особое значение нюансам поведения предполагаемых партнеров или соперников. Подобный подход определил, в том числе, и реакцию Страны восходящего солнца на геополитический вызов Китая. Несмотря на то, что появление на свет инициативы «Пояс и Путь» в определенной степени застало Токио врасплох, премьер-министр страны Синдзо Абэ взял долгую паузу и не стал спешить с выдвижением альтернативного плана для Евразии, как это сделала та же Пак Кын Хе. Япония заняла выжидательную позицию, с одной стороны, не

¹⁶ В 2016 году Пак Кын Хе была вынуждена досрочно покинуть свой пост в результате объявленного ей импичмента. Он стал следствием обнародования ее связей с некоей Чхве Сунн Силь, а также последовавшими за этим обвинениями в коррупции и разглашении государственной тайны.

¹⁷ *Office launched for Korea – Central Asia cooperation* // The Korea Herald. 10.07.2017. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20170710000880>

выражая Пекину никакой поддержки, с другой, не выдвигая, до поры до времени, каких-либо интеграционных инициатив, конкурирующих с его грандиозным мега-проектом.

Сдержанность Токио в этом вопросе можно объяснить еще и тем, что Япония далеко не новичок в процессах международной интеграции. К примеру, уже в 1992 году Япония приняла национальную хартию Официальной помощи развитию (ОПР) и уже в течение многих лет является крупнейшим спонсором инфраструктурных программ для развивающихся экономик региона, в том числе и для Китая. Впрочем, как отмечают многие эксперты, вплоть до 2003 года, когда в уставе ОПР была четко прописана связь экономической помощи Японии с решением проблем безопасности на континенте, ей все-таки не доставало цельного, стратегического видения¹⁸. Можно вспомнить и о том, что еще в апреле 2006 года Япония выступала с так называемой инициативой Никаи, призывая страны региона к созданию Общего экономического партнерства стран Восточной Азии (СЕРЕА). Предполагалось, в частности, создать Восточноазиатский институт экономических исследований, который занимался бы разработкой направлений, а также анализом возможных последствий создания Восточноазиатской зоны свободной торговли (ЕАФТА).

Впрочем, стремительно меняющаяся повестка дня и растущая поддержка китайской инициативы «Пояс и Путь» со стороны многих стран региона вынудили Японию прервать, наконец, затянувшееся молчание и выступить со свежей интеграционной инициативой, которая была бы выдержана в духе новой эпохи. В результате, 21 мая 2015 года, в ходе проводившейся в Токио 21-й международной конференции «Будущее Азии», премьер-министр Страны восходящего солнца заявил, наконец, о выдвижении своей собственной интеграционной инициативы, которая получила название «Партнерство для качественной инфраструктуры» (ПКИ). Таким образом, спустя полтора года со ставших историческими выступлений китайского лидера в Астане и Джакарте, Япония присоединилась к поискам решения проблемы взаимосвязанности стран Азии, предложив свой собственный, оригинальный рецепт¹⁹.

Притом что в заявленных кабинетом Абэ целях и в выдвигаемых им лозунгах содержалось много общего с идеями Си Цзинь-

¹⁸ *Darshana Baruah*. Toward Strategic Economic Cooperation Between India and Japan. Carnegie India. Report. 01.12.2016. URL: http://carnegieendowment.org/files/Darshana_Baruah_India_and_Japan.pdf

¹⁹ С официальной презентацией ПКИ можно ознакомиться на сайте Министерства иностранных дел Японии. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html

пина, ключевым словом в лексиконе японских политиков оказалось прилагательное «качественная». Акцентирование внимания на более высоком уровне предлагаемых Японией проектов должно было, по-видимому, подчеркнуть их преимущества перед проектами конкурентов. Другими словами, Токио решил воспользоваться распространенным негативным представлением о китайских товарах как о товарах низкого качества, предприняв попытку использовать заслуженную славу бренда «сделано в Японии».

Ход, безусловно, грамотный, ибо, с одной стороны, он позволил Токио вновь включиться в гонку за влияние в регионе с Пекином, с другой, помог избежать прямой с ним конкуренции, ведь в подобной интерпретации Япония и Китай оказывались в какой-то мере в разных весовых категориях. В любом выступлении, посвященном ПКИ, представители Японии теперь неизменно подчеркивают, что современному миру требуется не низкопробная (shoddy) инфраструктура, под которой, по-видимому, понимается предложение Китая, а решения экологичные, современные и инновационные (под таковыми, как несложно догадаться, подразумеваются те ноу-хау, что имеются в распоряжении японских компаний). При этом особый акцент делается на безопасности предлагаемых ими проектов, способности инфраструктуры, созданной при участии Японии, выдерживать удары стихии, а также ее положительный вклад в развитие местных сообществ, включая создание рабочих мест, повышение квалификации местных кадров, а также улучшение стандартов жизни простых людей²⁰.

Японский премьер, не желая выглядеть голословным, объявил, что правительство готово увеличить на 30% объем экономической помощи, который Токио на тот момент уже предоставлял развивающимся странам региона. Речь, таким образом, пошла о выделении на реализацию ПКИ суммы в размере 110 миллиардов долларов. Половина ее при этом должна была быть предоставлена по правительственным каналам. На языке официальных документов, подробно разъясняющих содержание японской инициативы, по-

²⁰ Об этом гуманистическом аспекте ПКИ подробно написано в разделе «Белой книги по сотрудничеству в области развития 2015» (White Paper on Development Cooperation 2015), посвященном вопросам инвестирования в создание «качественной инфраструктуры»: «Важно понимать, что само по себе развитие инфраструктуры не может являться целью. Скорее, мы должны развивать инфраструктуру для того, чтобы придать силы Азии, которая в этом случае сможет оставаться мировым центром экономического роста и локомотивом международной экономики. Более того, этот рост, в свою очередь, должен приносить пользу всем частям региона и всем членам общества, в том числе и социально незащищенным». *White Paper on Development Cooperation 2015*. ODA, 2016. P.42. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page23e_000436.html

добное увеличение финансирования международных инфраструктурных проектов со стороны японского правительства стало называться «первый столпом» ПКИ.

«Вторым столпом» при этом должен был стать Азиатский банк развития (АБР), который, что немаловажно, также находится под сильным влиянием Токио. Было заявлено, что общий объем займов, предоставляемых АБР, возрастет как вследствие увеличения потенциала кредитования самого банка, так и благодаря привлечению к финансированию инфраструктурных проектов частного капитала. Утверждалось, что одновременно с этим банк значительно повысит стандарты своей работы, что будет включать в себя существенное упрощение процедур при предоставлении займов, а также сокращение сроков рассмотрения заявок на финансирование инфраструктурных проектов.

«Третьим столпом» ПКИ, должен, по замыслу авторов инициативы, стать Японский банк для международного сотрудничества (JBIC), который уделит особое внимание проектам с высокой степенью риска, выплаты займов по которым не могут быть гарантированы правительствами развивающихся стран. В этой же связи упоминается и созданная незадолго до выдвигения ПКИ Японская зарубежная корпорация инфраструктурных инвестиций в городское развитие и развитие транспорта (JOIN).

Наконец, под «четвертым столпом» нового японского мега-проекта подразумевается активное продвижение самого ПКИ в качестве международного стандарта. Достигнуть этой цели планируется при помощи распространения соответствующих рекламных материалов, разъясняющих его преимущества, через проведение семинаров и ознакомительных поездок в сотрудничестве с такими международными организациями, как Всемирный банк, а также благодаря включению японской инфраструктурной инициативы в повестку дня на крупных международных форумах, подобных саммиту G20.

Несмотря на то что многие партнеры в регионе, традиционно тяготеющие к Японии, с энтузиазмом восприняли новые инициативы Токио²¹, намерения Абэ составить конкуренцию планам

²¹ В этой связи следует особо отметить Индию, которую связывают с Японией долгосрочные партнерские отношения, строящиеся как на основе свойственного обеим странам резкого неприятия Китая и любых его усилий по укреплению своих позиций на континенте, так и довольно зыбкой концепции «альянса азиатских демократий», продвигаемой Соединенными Штатами Америки. Именно Индия в течение довольно продолжительного времени выступает одним из главных реципиентов японской помощи в Азии, а стало быть, в наибольшей степени заинтересована в увеличении финансирования инфраструктурных программ и потому, как правило, выражает планам Токио горячую поддержку.

Китай первоначально сложно было назвать успешными. Самым ярким примером неподготовленности к прямой конфронтации с растущими амбициями Пекина в регионе стал тендер на строительство железной дороги Джакарта – Бандунг, который, в конце концов, достался китайской стороне. Стало очевидным, что незамысловатая ставка на противопоставление «качественный» и «некачественный» является в данном случае недостаточно эффективной, и Японии требуется нечто большее, чем просто добротный маркетинговый лозунг, для того, чтобы не позволить Китаю обойти ее в развернувшейся конкурентной борьбе интеграционных проектов. Тем более что по части броскости лозунгов и поэтичности формулировок технократ Абэ никак не мог тягаться с настоящим мастером восточной метафоры, китайским лидером Си Цзиньпином.

В этих условиях у Токио не оставалось иного выбора, как объявить о расширении масштабов программы и о некотором смещении приоритетов, что и было сделано премьер-министром страны спустя всего лишь год после выдвижения ПКИ. Это случилось в ходе совещания Совета по инфраструктурной стратегии, состоявшегося в преддверии саммита Большой семерки, проходившего с 26 по 27 июня 2016 года в городе Сима в Японии. Так как принципиальной новизной предложение Абэ не отличалось, его назвали просто «Расширенным партнерством для качественной инфраструктуры». Было заявлено буквально следующее: 1) объемом финансирования ПКИ увеличивается до 200 миллиардов долларов; 2) конечной целью теперь является полноценное развитие стран-получателей экономической помощи и одновременно рост японской экономики; 3) инфраструктура будет пониматься более широко и включать в себя добывающие отрасли и энергетику; 4) число организаций, непосредственно задействованных в реализации программы, увеличивается.

Возможно, самым неожиданным в измененной стратегии японского руководства явилось то, что амбиции Токио теперь не ограничивались повышением уровня взаимосвязанности стран Азии. Сферой приложения усилий японского правительства объявлялся с этого момента весь мир²². Одновременно с этим провозглашался принцип, в соответствии с которым в ходе принятия решений по открытию того или иного проекта особое внимание будет уделяться их политической важности. Другими словами, без труда

²² Интересно, что Россия и Африка в этом контексте упоминались отдельной строкой, по-видимому, как приоритетные направления возможной экспансии.

напрашивалась аналогия со схожей траекторией эволюции китайского проекта «Пояс и Путь», когда первоначальный, территориально ограниченный план возрождения древнего Шелкового пути довольно быстро перерос в обширный план глобального переустройства всего развивающегося мира.

Стоит упомянуть и об еще одном важном сходстве двух этих, в настоящее время противостоящих друг другу, планов интеграции Евразии. Дело в том, что появление ПКИ было продиктовано не только и не столько внешними вызовами, с которыми столкнулось правительство Японии, сколько внутренними запросами национальной экономики. В этом смысле, ситуация действительно напоминает ту, что складывается и в Китае, и в Южной Корее, где избыточные производственные мощности становятся обузой в том случае, если они не находят возможностей для реализации себя на внешних рынках.

В случае с Японией, впрочем, к этому примешивается еще и острая необходимость обновления всей парадигмы экономического и социального развития, и в этом смысле «Партнерство для качественной инфраструктуры» является логическим продолжением стратегии ревитализации национальной экономики, которая была оглашена премьер-министром страны Синдзо Абэ в первой половине 2013 года²³. Задачи, которые были тогда поставлены перед кабинетом министров, включали в себя как ускоренную реструктуризацию национальной промышленности, так и создание условий для более активного участия в экономических процессах женщин и молодежи. Особое внимание уделялось при этом необходимости возвращения Японии статуса высокотехнологичной державы, чей экономический рост базируется на первоклассной интеллектуальной собственности. Однако, возможно, самым важным пунктом в опубликованной программе кабинета Абэ была декларация о намерениях Страны восходящего солнца как можно активнее выходить на новые внешние рынки и превращать, таким образом, стоящие перед ней внешнеполитические вызовы во внутриэкономические возможности. В этом контексте появление в 2015 году ПКИ уже не выглядит лишь как проявление оппортунизма, вызванное активными действиями Китая на международной арене. Скорее, «Партнерство для качественной инфраструктуры» предстает как логичный и давно ожидаемый шаг со стороны Токио по формированию полноценной концепции внешнеэкономической деятельности, соответствующей требованиям национального развития.

²³ Текст выступления Абэ и краткое содержание программы доступны на сайте кабинета министров Японии. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/1200485_7321.html

Японские инициативы, которые, как правило, не слишком привлекательны на вид, но при этом тщательно продуманны и взвешенно сформулированы, реализуются в полном соответствии с прописанными в них приоритетами и в четком согласии с оговоренными в них процедурами. Это связано как с наличием в их тексте конкретных целей и детальных шагов по их реализации, так и традиционно высокой исполнительской дисциплиной правительственных чиновников, ответственных за их исполнение. В полном соответствии с этим правилом, несмотря на чувствительное поражение от Китая, которое тот нанес Японии в Индонезии, кабинет министров страны приступил к активной реализации обозначенных в «Партнерстве для качественной инфраструктуры» задач. Сам премьер-министр при этом выступил локомотивом объявленных перемен, без устали разъезжая по азиатским столицам в попытке добиться заключения необходимых контрактов. Деятельность его, надо признать, принесла определенные плоды²⁴. Не остался в стороне и крупный японский бизнес, поддерживав инициативу правительства страны²⁵. Несмотря, однако, на грамотно сформулированные цели, щедрое финансирование, активность японского лидера и поддержку со стороны крупного бизнеса, говорить об ошеломительном успехе ПКИ было бы несколько преждевременно. В чем же причина не таких, как ожидалось, высоких темпов реализации поставленных целей?

²⁴ В частности, в Центральной Азии были достигнуты договоренности о строительстве крупного химического завода и предприятия по переработке природного газа в Туркменистане, а также завода по производству аммиака и карбамида в Узбекистане. С Бангладеш был подписан контракт на строительство глубоководного порта на острове Матарбари; достигнуты предварительные договоренности о строительстве еще одного порта и промышленной зоны и на Шри-Ланке. В свою очередь, в ходе визита в Японию индийского лидера Н. Мори было заключено соглашение о строительстве высокоскоростной железной дороги в рамках коридора развития Бомбей – Ахмадабад, на реализацию которого Токио пообещал выделение Нью-Дели займа в размере 12 миллиардов долларов. Кроме того, были достигнуты важные договоренности о строительстве, также при участии Японии, нескольких автодорог в шести штатах северо-восточной Индии, а также оговорена помощь в развитии инфраструктуры на Никобарских и Андаманских островах.

²⁵ Так, в декабре 2016 года было объявлено о том, что японские компании Mitsubishi UFJ Lease and Finance и Hitachi Capital создают при участии Bank of Tokyo – Mitsubishi совместное предприятие, задачей которого будет финансирование инфраструктурного экспорта частных компаний. Планируемый объем инвестиций заявлен на уровне 100 миллиардов иен (около 900 миллионов долларов). Среди потенциальных направлений для инвестиций названы электростанции и железные дороги. *Japanese Companies Team up to Fund Infrastructure Exports*. Nikkei Asian Review. 01.12.2016. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Companies/Japanese-companies-team-up-to-fund-infrastructure-exports>

Думается, что частично весьма скромные промежуточные итоги ПКИ могут быть объяснены тем, что и Япония, и Китай сталкиваются в Азии с проблемами, связанными с неразрешенными историческими спорами и уходящими вглубь веков предубеждениями, которые не так-то просто разрешить простым снижением процентов по инфраструктурным кредитам или удачным рекламным лозунгом. Это тем более касается близких соседей, с которыми, в силу совокупности исторических и географических факторов, неразрешенных конфликтов всегда больше, а досадные недоразумения в гораздо большей степени омрачают климат доверия, необходимый для реализации столь масштабных проектов. Не случайно в этой связи, что Япония успешнее всего продвигает свои интересы в далекой Индии, а Китай год за годом наращивает присутствие в Африке. В то же самое время близкие соседи, как правило, воспринимают любые их внешнеполитические инициативы в лучшем случае с подозрением, в худшем же и вовсе стараются им всеми силами противодействовать. В случае с Японией это усугубляется еще и тем фактом, что позиция Токио, который, в отличие от Пекина, призывающего соседей позабыть прошлые обиды и при этом не отрицающего сам факт их наличия, характеризуется острым нежеланием признаваться в своих ошибках. Такой недостаточно гибкой по отношению к темным страницам своего прошлого риторикой Япония только подтверждает худшие опасения испытавших в прошлом агрессию с ее стороны стран о том, что за красивыми планами инфраструктурной помощи кроется желание, в этот раз экономическими методами, вернуть себе положение азиатского гегемона.

Бросается в глаза и то, что, на самом деле, кабинет Абэ своими последними инициативами не вносит ничего принципиально нового в ту ставшую уже привычной стратегию навязывания своим соседям по континенту технократического, западного образа жизни, стремление соответствовать стандартам которого всегда отличало Японию от других государств Азии²⁶. В это же самое время

²⁶ «Если Запад для Японии выступал в качестве “другого”, от которого она отличалась, но стремилась подражать, то Азия большей частью была для нее олицетворением собственного прошлого, от которого она пыталась отдалиться. До войны и во время войны существовала двухслойная структура самовосприятия: японцы считали себя не столько частью Азии, сколько нацией, призванной цивилизовать ее. Япония психологически ощущала себя между Америкой и Азией. Миссия “освобождения Азии” содержала элемент противопоставления японской и азиатской идентичности. В послевоенные годы маятник снова качнулся в сторону Запада». *Карелова Л.Б., Чугуров С.В.* Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов // Вопросы Философии, 2009. № 7. С. 44–54.

в большинстве стран Востока до настоящего времени в ходу другие ценности, которые определяют, в том числе и избираемые ими пути достижения экономического развития, на чем, собственно, и играет Китай. В этих условиях успешно привитый на островах и при этом обильно сдобренный конфуцианской этикой технократизм Японии отпугивает склонных к более человечным отношениям жителей континентальной Азии. В результате, в то время как они с искренней благодарностью принимают японские инвестиции, принять японский стиль ведения бизнеса, японскую трудовую этику и японские ценности они не хотят и не могут, всегда воспринимая их с легким недоумением, а иногда и с полным непониманием.

Правда же в том, что без принятия ценностей и убеждений партнера никакая подлинная интеграция невозможна. Возможен лишь ситуативный союз стремящегося расширить рынки сбыта промышленного гиганта и принимающего его помощь более слабого с точки зрения экономического потенциала партнера. Ни о каком равноправном сотрудничестве, и уж тем более о строительстве пространства общей судьбы в этом случае речь идти не может. В свою очередь, это с неизбежностью означает, что формируемому под эгидой Токио «партнерству для качественной инфраструктуры» не удастся в ближайшее время составить настоящей конкуренции Китаю в том, что касается влияния на умы и сердца простых жителей Евразии. С этой точки зрения, не имеет значения, будет ли в это партнерство вложено сто или двести миллиардов долларов и будут ли сокращены сроки рассмотрения заявок в той или иной финансовой организации. До тех пор пока инициатива, с которой выступил премьер-министр страны Синдзо Абэ, будет оставаться всего лишь крупным коммерческим проектом, преимущества которого ясны участникам и гостям саммита Большой двадцатки, но не понятны простым людям, сфера его влияния будет ограничена этими самыми саммитами. Другими словами, ему так и не удастся объединить широкие слои общества, а стало быть, ни о какой революции смыслов в этом случае говорить не приходится.

Интеграционное многоголосие Индии: хлопок, специи и муссон

Несмотря на то, что Индию и Японию уже в течение довольно продолжительного времени связывают тесные партнерские отношения, не так легко отыскать на карте Евразии две другие столь же непохожие друг на друга страны. Те качества, что являются знаковыми для менталитета жителей островов Японского архипелага, полностью отсутствуют у населения полуострова Индостан. Наоборот, то, чего так не хватает сдержанным и терпеливым японцам,

с лихвой компенсируется жизнелюбивыми представителями самого большого государства Южной Азии. Существует, впрочем, одна важная черта национального характера, которая роднит два столь непохожих друг на друга народа, и, в конечном счете, пересиливает все бросающиеся в глаза различия. Дело в том, что и политические лидеры, и простые граждане как в Японии, так и в Индии относятся к своему могущественному соседу, под которым в данном случае имеется в виду Китай, с плохо скрываемым недоверием и тем опасным сочетанием страха и высокомерного презрения, что делает невозможным развитие по-настоящему дружественных связей.

Это, в свою очередь, с неизбежностью приводит к тому, что Индия и Япония являются естественными геополитическими союзниками в Азии в том, что касается противодействия внешнеполитическим устремлениям Китая. Интересно, что упомянутые выше культурные, психологические и поведенческие различия при этом не просто не мешают их сотрудничеству, но, скорее, укрепляют его, компенсируя и дополняя те качества, которых по какой-то причине недостает партнеру. Интеграционные инициативы Индии и Японии, выдвигаемые ими в последнее время в качестве ответа на появление «Пояса и Пути», служат отличным подтверждением этого тезиса. Действительно, любые попытки Нью-Дели представить полноценную альтернативу желаниям Пекина объединить под своей эгидой Евразию неизменно оказываются полной противоположностью японским. При этом именно эта бросающаяся в глаза непохожесть позволяет говорить о том, что в случае успешного сопряжения усилий двух стран на континенте действительно может появиться достойный конкурент китайскому мега-проекту.

Взять хотя бы тот бескомпромиссный технократизм, который так отталкивает от продуманных и строгих инициатив Токио простых жителей остальных стран континента. Диктат цифр и графиков, присущий японским планам, с лихвой компенсируется гуманистическим пафосом красочных, но при этом не до конца продуманных инициатив, которые выдвигает в последнее время Индия. Иногда создается ощущение, что авторы тех интеграционных проектов, что появляются на просторах Южной Азии, являются, скорее, поэтами или художниками, чем политиками или экономистами. Ярким, запоминающимся образам и красивым, даже вычурным формулировкам здесь действительно придается гораздо больше внимания, чем, скажем, экономическому расчету или обоснованию показателей эффективности. Последние, впрочем, практически отсутствуют в современных индийских проектах, которые, в итоге, оказываются больше похожими на пространственные декларации о намерениях, чем на пригодные к исполнению планы экономического и социального развития.

Впечатление это усиливается еще и потому, что в тех разнообразных проектах интеграции, что появляются в Индии, сложно отыскать перечисление конкретных шагов по их фактической реализации, и лишь общими мазками обозначены те сроки, в которые их планируется осуществить. В отличие от того же ПКИ, в большинстве индийских программ, как правило, не оговариваются даже цели, которых предполагается достичь в результате их исполнения. В свою очередь, подобная неочевидность поставленных задач предполагает множественность интерпретаций успешности реализации, а потому практически исключает ответственность за ее неисполнение. Если же принять во внимание тот факт, что, в отличие от Японии, уровень исполнительской дисциплины в Индии является достаточно низким, то вероятность достижения столь неявно обозначенных целей стремится к нулю.

Успешной реализации интеграционных планов, основой которых, как правило, выступает развитие транспортных и логистических сетей, мешает еще и то, что, в отличие от тех же Японии или Южной Кореи, действительно обладающих внутренними ресурсами для проведения активной экспансии на внешние рынки, Индия сама испытывает дефицит качественной инфраструктуры. Не может похвастать она ни избыточными производственными мощностями, ни наличием свободных финансовых ресурсов, которыми можно было бы с легкостью пожертвовать для успешного продвижения своих геополитических интересов. Другими словами, ситуация в экономике и уровень технического развития страны таковы, что в Нью-Дели, на самом деле, должны, скорее, стремиться к получению экономической помощи со стороны Китая, чем вступать с ним в прямую или опосредованную конфронтацию по поводу раздела сфер влияния. Однако геополитическая логика и растущие претензии на региональное лидерство, подпитываемые сильными националистическими настроениями в самой Индии, толкают ее в стан непримиримых оппонентов «Пояса и Пути». При этом упомянутая выше аморфность и излишняя образность собственных планов, а также традиционная терпимость к необязательности их исполнения оказываются, в какой-то степени, даже спасительными для сторонников тактики противостояния. Они, как несложно догадаться, всегда обладают алиби на случай фиаско, неминуемость которого не составляет труда предсказать уже в момент появления на свет очередной инициативы.

В ситуации, когда любой интеграционный план превращается в красивый геополитический мираж практически на следующий же день после своего опубликования, требуется своего рода «конвейер грез», непрерывно продуцирующий очередную инициативу еще до

того, как станет очевидным полный провал предыдущей. В наличии подобного «конвейера грез» заключается еще одна специфическая особенность Индии, которая лишь за несколько последних лет смогла представить публике сразу несколько пересекающихся, дублирующих друг друга и при этом никак не подкрепленных финансово или технически планов международной интеграции. Каждому из этих документов удавалось на короткое время привлечь внимание аудитории и стать причиной очередной сенсации в прессе лишь для того, чтобы вскоре быть благополучно забытым. Забытым после того, как еще одна свежая, яркая идея, усиленная удачными аллегориями и одобренная благими пожелания, завоевывала внимание и расположение публики.

Несмотря на все эти хорошо известные недостатки, присущие попыткам Индии контратаковать Китай на поле интеграции, они, тем не менее, заслуживают самого пристального анализа. Связано это не только с тем, что в случае гипотетического объединения усилий Индии и Японии эффект от совместной инициативы двух стран может быть значительным и их уже по этой причине не стоит не принимать в расчет. Гораздо важнее, что во всех этих беспорядочных и до конца не продуманных проектах, с помощью которых Нью-Дели пытается обозначить свою позицию, действительно присутствует множество оригинальных и интересных идей. Даже если предположить, что им не суждено сбыться в том случае, если механизм их реализации не претерпит в ближайшее время существенных изменений, они, тем не менее, могут послужить удобной отправной точкой для формулировки других, более реалистичных планов в будущем. При этом тот по-настоящему сильный историко-культурный фундамент, который является отличительной характеристикой именно индийских предложений, может сослужить хорошую службу тем, кто рискнет создать проект евразийской интеграции одновременно пригодный к исполнению и привлекательный. Другими словами, проект, сочетающий в себе все то лучшее, что могут предложить миру Индия и Япония.

Приступая к детальному анализу тех инициатив, с которыми в последнее время выступает Нью-Дели, необходимо упомянуть о том, что все их следует рассматривать в контексте присущего индийской геополитической мысли противопоставления моря и суши²⁷. Именно оно во многом до сих пор определяет направленность современных интегра-

²⁷ Подробно эту геостратегическую дихотомию рассматривает в своей аналитической статье глава индийского отделения Фонда Карнеги за международный мир Си Раджа Мохан, который почему-то обрушивается с резкой критикой на наследие «континентализма», который, как ему кажется, продолжает подспудно определять внешнюю политику Индии. *Raja Mohan C. Modi's Sagar Mala // The Indian Express. 11.03.2015.*

ционных усилий. Дело в том, что Север на протяжении большей части истории страны являлся для нее источником внешней угрозы, ведь с этого направления вторгались на Индостан сменявшие друг друга армии захватчиков. Сам же этот негостеприимный регион всегда виделся жителям субконтинента местом диким и в целом неблагоприятным для жизни. В этой ситуации океан оказывался для них одновременно и спасительным, и желанным, предоставляя как маршруты возможной экспансии, так и отличные коммерческие перспективы.

В этом смысле немного изменилось и в наше время, когда Китай, расположенный на севере, видится Индии источником экономической и военно-политической угрозы, а Пакистан является ее главным соперником и досадным раздражителем. В то же самое время, приморские соседи Индии, причем не только и не сколько непосредственные, сколько расположенные по всему периметру Индийского океана, видятся политикам этой страны и простым ее гражданам составными частями сконструированного в их воображении некогда единого ареала, который должен, как им кажется, находиться в сфере непосредственного влияния Индии. С некоторой натяжкой можно назвать эту территорию «индийским миром», или, чтобы быть точнее, «миром Индийского океана». Именно вдоль побережья этого океана можно встретить колонии индийских гастарбайтеров, именно на рынки стран, расположенных по его периметру, возлагают свои надежды многие индийские компании, именно здесь хорошо себя чувствуют индийские политики. Не удивительно, что как раз те страны, что так или иначе связаны с Индийским океаном, и пытаются вовлечь в свою орбиту с помощью интеграционных инициатив их авторы в Индии²⁸. С одной стороны, они прекрасно понимают, что на севере им будет гораздо сложнее добиться успеха; с другой, он их вообще, если честно, не интересует²⁹.

²⁸ Список стран, которые можно условно причислить к «государствам индийского мира», варьируется в зависимости от точки зрения и политической позиции того или иного автора, однако к нему, как правило, относятся Шри-Ланка, Мальдивские и Сейшельские острова, а также Маврикий. В расширенном варианте он может включать в себя также некоторые государства Восточной Африки, отдельные страны Персидского залива, а также часть Юго-восточной Азии.

²⁹ В этом смысле показательным является история участия Индии в строительстве международного транспортного коридора Север—Юг, мультимодального маршрута транспортировки пассажиров и грузов общей протяженностью 7200 километров, который предполагалось протянуть от Санкт-Петербурга до Бомбея. На официальном сайте МИД России по поводу этого проекта сообщается следующее: «Правовой основой этого проекта является межправительственное Соглашение о международном транспортном коридоре «Север — Юг», подписанное Россией, Индией и Ираном в Санкт-Петербур-

Что же предлагает своим соседям Индия, в чем именно видит она основу единства столь обширного региона и на базе каких общих ценностей предлагает развиваться воображаемому «индийскому миру» в будущем? Краткий анализ имеющихся на настоящий момент интеграционных инициатив дает однозначный ответ на эти вопросы: единство региона, по мнению индусов, должно базироваться на специфически трактуемой ими общей истории и на отдельных схожих для всех стран «индийского мира» культурных особенностях. При этом Индия, как несложно в этой связи заметить, не готова предложить своим потенциальным партнерам ничего, кроме ностальгически окрашенных сентенций о временах давно ушедших и звонких, но при этом ничем не подкрепленных призывов сплотиться вокруг историко-культурной похожести.

Взять, к примеру, самый проработанный из всех индийских ответов на китайскую инициативу, так называемый проект «Mausam». Его появление на свет инициировал в июне 2014 года министр культуры страны Р. Сингх, предложив странам Индийского океана интенсифицировать совместную работу по получению «Морскими культурными маршрутами» статуса объекта всемирного культурного наследия ЮНЕСКО³⁰. Несмотря на то что проект с самого начала позиционировался как исключительно культурная инициатива, призванная способствовать росту туристического потенциала стран региона и укреплению взаимопонимания между

ге 12 сентября 2000 года в ходе II-й Международной евроазиатской конференции по транспорту». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy/-/asset_publisher/VVbc10If1FVU/content/id/2510952 Проект, основным выгодоприобретателем от которого должна была стать Индия, получавшая дополнительный удобный маршрут для доставки своих товаров в Европу, в конце концов, оказался ей полностью ненужным. Фактически, Нью-Дели самоустранился от переговоров по его дальнейшей реализации, а поток грузов, перемещаемых по данному маршруту из Индии и в Индию, в настоящее время крайне незначителен. *Трофимов А.* О реализации проекта международного коридора № 9 «Север – Юг». Ин-т Ближнего Восток. 16.05.2003. URL: <http://www.iimes.ru/?p=381>

³⁰ Название проекта отсылает к тем временам, когда торговля, осуществляемая в портах Индийского океана, зависела от направления сезонных ветров. Города, расположенные вдоль побережья, являлись при этом удобными перевалочными пунктами для тех, кто двигался со своим товаром вслед за муссонами и вынужден был подолгу ждать попутного ветра. Как итог, порты превращались в незаменимый инструмент диалога и зону взаимного влияния для представителей самых разных народов, ибо именно на их территории происходили наиболее интенсивные контакты между гостями из дальних, «заморских» стран и жителями внутренних районов. Муссоны, таким образом, во многом способствовали созданию единой культуры на всем пространстве обширного региона Индийского океана.

людьми, их населяющими, некоторые комментаторы поспешили окрестить его ответом на китайский геополитический вызов³¹.

В обосновании данного проекта действительно прослеживается риторика, в чем-то схожая с той, что встречается в тексте «Пояса и Пути». Это дает основание некоторым экспертам предполагать, что возрожденная историко-культурная общность стран региона может в будущем стать фундаментом для их более тесного сотрудничества в экономической сфере также. На подобный же прагматический результат межкультурного взаимодействия, как известно, надеются и авторы китайской инициативы также. Представляется, однако, что, несмотря на подобное сходство, проведение прямых аналогий между китайским и индийским проектом интеграции все-таки является ошибочным. Во-первых, в официальных материалах по «Mausam» нет никаких указаний на то, что он претендует на нечто большее, чем просто укрепление культурных и человеческих связей между народами стран региона. Фантазии же на тему возможного экономического или военно-политического сотрудничества, которое может возникнуть в результате его успешной реализации, принадлежат исключительно перу журналистов или сторонних экспертов³². Во-вторых, ответственным за реализацию «Mausam» до настоящего времени является министерство культуры, а от него сложно ожидать каких-либо серьезных усилий по превращению проекта в инструмент экономического или технического сотрудничества. Другими словами, говорить о «Mausam» как о полноценной интеграционной инициативе, сравнимой с теми масштабными и при этом комплексными усилиями, которые предпринимает на этом направлении Китай, не просто преждевременно, как утверждают некоторые, но и некорректно в принципе.

В еще большей степени это относится к другим подобным инициативам Индии, каждая из которых падкая до сенсаций пресса с видимым удовольствием провозглашает очередным ниспровергателем «Пояса и Пути». Взять хотя бы два довольно широко разрекламированных проекта, в названии которых также содержатся отсылки к древним торговым путям Востока. Речь идет о «Маршруте

³¹ Особенно в этом преуспели иностранные эксперты, которые продолжают упорно настаивать на том, что «Mausam» перерос рамки чисто культурного проекта и, на самом деле, является значимой попыткой Индии составить конкуренцию китайскому «Морскому Шелковому пути 21-го века». См., к примеру: *Zhu Cuiping*. India's Ocean: Can China and India Co-exist? — Singapore: Springer, 2018; *Daniel T*. Project Mausam: India's Grand Maritime Strategy (Part I) // *ISIS Focus*, 2015. № 2. P. 1–5.

³² Для того чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на официальный сайт проекта. URL: <http://ignca.nic.in/mausam.htm>

пряностей» и «Хлопковых путях». Очевидно, что здесь можно говорить о настойчивом желании авторов инициатив создать иллюзию наличия реального вызова китайской инициативе посредством использования схожих по смыслу и по звучанию названий. Не удивительно, что в этих условиях не только журналисты, но даже и некоторые эксперты начинают с воодушевлением проводить аналогии между двумя проектами и инициативой «Пояс и Путь»³³.

При этом, как представляется, в случае с «Маршрутом пряностей» и «Хлопковыми путями» любые сравнения являются еще более некорректными, чем в случае с проектом «Mausam». Так, к примеру, инициатором первого из них выступает даже не кабинет министров страны в лице какого-либо из своих министерств, а всего лишь правительство штата Керала. При этом целью называется увеличение туристического потока в этот штат из-за рубежа, достичь чего предлагается благодаря осуществлению комплексных раскопок на территории древнего порта Музирис. Как говорится, почувствуйте разницу! При этом, несмотря на то, что проект в свое время был поддержан лично президентом Индии Пранабом Мукерджи, раскопки были вскоре на какое-то время приостановлены, а в дальнейшем их финансирование было сведено к минимуму³⁴.

Хотя отдельные эксперты настаивают на том, что подобные региональные инициативы правомочно сравнивать с попытками отдельных провинций Китая налаживать трансграничное взаимодействие со своими соседями, думается, что, на самом деле, ни о каком противопоставлении речь здесь идти не может. Не может хотя бы потому, что ни об инфраструктурном, ни об экономическом и уже тем более о политическом сотрудничестве в планах, опубликованных правительством штата Керала, речь не идет. Думается, масштаб «Маршрута пряностей» просто не позволяет упоминать о нем в контексте обсуждения действительно глобальной инициативы «Пояс и Путь», на реализацию которой, напомним, направлены огромные финансовые, управленческие и интеллектуальные ресурсы всего народного хозяйства КНР.

³³ В этом плане показательна статья ведущего научного сотрудника ИВ РАН, российского эксперта Н.Б. Лебедевой, где сравнение даже вынесено в заголовок. *Лебедева Н.Б.* Китайские инициативы Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути vs индийские проекты «Mausam», «Spice Road», «Sagar Mala» и «Cotton Routes» (проблемы, перспективы, реакция) // Юго-восточная Азия: Актуальные вопросы развития. 2015. № 26. С. 26–57.

³⁴ *Chaitanya Malapur.* Mapping India's Lost Roots: Project Mausam and Spice Route // China – India Dialogue. 28.04.2017. URL: <http://chinaindiadialogue.com/mapping-indias-lost-roots-project-mausam-and-the-spice-route-1>

Если в первом случае можно хотя бы говорить о наличии какой-то четко сформулированной идеи интеграции, то ситуация с «Хлопковым путем» вообще является анекдотической, ибо о сути проекта практически ничего не известно. Несмотря на это, он также рассматривается как реальная альтернатива китайскому «Поясу и Пути». На самом деле, единственной доступной официальной информацией является высказанное как-то директором департамента Евразии МИД Индии господином Г.В. Шринивасом пожелание укреплять сотрудничество со странами Центральной Азии, которое он подкрепил полемическим утверждением о том, что важным товаром для азиатской торговли в древности являлся не только шелк, но и хлопок³⁵. Все же остальное является не более чем домыслом и фантазиями журналистов, наперебой бросившихся сравнивать будущие перспективы шелка и хлопка, попутно спекулируя на теме противостояния Китая и Индии в Азии³⁶.

На самом деле, ближе всего к «Поясу и Пути» по заявленным целям, обозначенным приоритетам развития и степени детализации документов находится другой недавно утвержденный правительством Индии проект, «Sagar Mala». Несмотря на то, что заявленный географический охват здесь гораздо меньше, чем у «Пояса и Пути», да и вообще его лишь с определенной натяжкой можно назвать международным, авторы проекта все-таки постарались наполнить его конкретным содержанием. Именно это, на самом деле, и позволяет воспринимать «Sagar Mala» всерьез. Суть проекта, концепция которого была официально одобрена премьер-министром страны Н. Моди 25 апреля 2015 года, заключается во всестороннем поощрении усилий по модернизации стремительно хиреющей портовой инфраструктуры Индии и одновременном развитии прибрежных территорий через создание там свободных экономических зон. В соответствии с планами, предполагается строительство современных средств коммуникации, а также автомобильных и железных дорог, которые свяжут порты и прибрежные районы Индии с ее внутренними территориями³⁷. По замыслу авторов инициативы, это позволит

³⁵ <http://www.dnaindia.com/analysis/column-cotton-route-vs-silk-route-2296510>

³⁶ В качестве примера подобных геополитических спекуляций можно привести статью А. Корыбко «What could India's 'Cotton Route' look like?», опубликованную на сайте Sputniknews. В ней автор в произвольном порядке перечисляет возможные направления внешнеполитической экспансии Индии в контексте заявлений Г.В. Шриниваса, при этом никак не обосновывая свои предположения. URL: <https://sputniknews.com/columnists/201503291020170021/>

³⁷ Полный текст проекта «Sagar Mala» доступен для чтения на официальном сайте Министерства судоходства Индии. <http://shipmin.nic.in/showfile.php?lid=2217>

последним активнее включаться в процессы глобализации и, в конечном итоге, получить свою долю дивидендов от развития международной торговли Индии. Думается, что только подобный план может, да и то лишь с определенной натяжкой, считаться ответом Индии на евразийские устремления Китая, несмотря на то, что он в настоящее время сталкивается с серьезными финансовыми трудностями, и его будущее также находится под вопросом.

В ситуации, когда говорить о настоящей глобальной конкуренции инфраструктурных проектов, выдвигаемых Индией и Китаем, говорить пока не приходится, кабинету Н. Моди, как представляется, имеет смысл всерьез сосредоточиться на внутреннем экономическом и инфраструктурном развитии. В конце концов, Индия – это не просто страна, это целый субконтинент. По этой причине, если ее правительству удастся достигнуть на своей территории значительного прогресса благодаря умелому использованию богатого культурно-исторического багажа, который здесь действительно принимается в расчет при составлении и реализации экономических планов, это само по себе будет достойным вкладом в копилку интеграционной мысли человечества. Думать же о чем-то более глобальном Индии, как представляется, следует лишь при условии гарантированной поддержки со стороны другого крупного геополитического игрока. Например, Японии³⁸.

³⁸ В этом плане показателен пример Индонезии, президент которой Джоко Видодо в 2014 году обнародовал новую национальную доктрину, названную «Индонезия – Морская ось мира». Главный ее посыл заключается в том, что страна, в своем стремлении стать важным транспортным и логистическим центром мирового значения, отныне делает своим приоритетом развитие морской инфраструктуры и коммуникаций и планирует, в частности, создание системы из 35 глубоководных и обычных портов по всей стране, а также прокладку новых морских путей. Кроме того, особое внимание будет уделено развитию судостроения и туристической отрасли. С одной стороны, очевидны параллели с индийским планом «Sagar Mala», особенно в том, что касается приоритетов развития национальной экономики, особой важности, придаваемой государством морской торговле и созданию портовой инфраструктуры, а также обеспечению бесперебойной связи прибрежных районов с внутренними областями страны. С другой, Индонезия не скрывает того, что для осуществления этих задач ей требуются помощь внешних инвесторов, ибо самостоятельно осилить столь масштабный проект она попросту не в состоянии. Несмотря на то, что многие эксперты высказывают опасения по поводу возможного участия Китая в финансировании «Морской оси мира», индонезийское руководство полагает, что следование в фарватере инициативы «Пояс и Путь» является выгодным для страны. В результате, как сообщается: «Президент Джоко Видодо подтвердил, что Китай намерен сотрудничать с Индонезией в строительстве инфраструктурных объектов. В секретариате индонезийского правительства сообщили, что эта страна бу-

Центральный коридор Турции: срединный путь

То, что только предстоит в ближайшее время осознать Индии, для другого, более закаленного участника интеграционных противоборств на просторах континента, является свершившимся фактом. Турция, которая с середины 90-х годов прошлого века активно формировала собственную повестку в центральной части Евразии, стремительно пересматривает свою роль и переходит от заочного противостояния с Китаем к взаимовыгодному экономическому с ним сотрудничеству. Безусловно, истинной причиной подобной геополитической смиренности является не убедительность аргументов Пекина, а, скорее, резко изменившаяся конъюнктура рынка и те внешнеполитические и внутривнутриполитические сложности, с которыми сталкивается в последнее время Анкара. Несмотря на это, уникальный турецкий опыт последних лет, связанный с отходом от политики прямой конкуренции за сферы влияния в пользу сопряжения различных по своему характеру интеграционных инициатив, может быть полезным и востребованным другими государствами также.

Своеобразен опыт Турции еще и потому, что интеграция по сценарию Анкары всегда предполагала наличие сильного этнического компонента в качестве фундамента. В то время как Китай, Япония или Южная Корея основой единства видят, как правило, общность экономических или политических интересов, а Индия делает акцент на важности исторических или культурных связей, интеграционные инициативы Анкары с самого начала предполагали основополагающую роль родственных отношений между тюркоязычными народами. С одной стороны, это приводило к тому, что такие территориально близкие к Турции страны, как Иран, не рассматривались в качестве возможных участников интеграционных процессов. С другой, значительно удаленные географически и при этом крайне непохожие друг от друга с точки зрения политической организации Азербайджан и Киргизия, оказывались, по прихоти турецких планировщиков, в одной команде.

После 1991 года, когда сошел с исторической арены Советский Союз, Турция оказалась одним из главных претендентов на то, чтобы занять ставшее вакантным место самого влиятельного государства в центральной части континента. Экономика страны в то время

дет участвовать в сооружении 24 портов, 15 аэродромов, строительстве шоссейной дороги протяженностью 1000 км, прокладке железнодорожного пути протяженностью 8 700 км, а также сооружении электростанции мощностью 35.000 мегаватт». *Ефимова Л.М.* Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской Шелковый путь 21 века // Вестник МГИМО-Университета, 2015. Т. 6 (45). С. 200.

находилась на подъеме, отношения с Западом не были испорчены, и при молчаливой поддержке США и их союзников в Западной Европе, Турция могла предложить части бывших советских республик сплотиться под ее началом, пользуясь временной слабостью России. Анкара немедленно приступила к формулировке и реализации разнообразных многосторонних инициатив, с помощью которых постсоветские тюркоязычные государства могли бы развивать кооперационные процессы, основанные на региональных и субрегиональных механизмах³⁹. Предполагалось, что таким образом тюркский мир обретет крепкую организационную структуру, и это, в свою очередь, позволит причисленным к нему странам достигнуть более плотной координации усилий и вырабатывать согласованную позицию по ряду важнейших вопросов повестки дня⁴⁰.

Однако, как отмечается в докладе, подготовленном Центром стратегических и международных исследований (CSIS), расположенном в Вашингтоне, «со временем, появление исламистских тенденций во внутренней политике Турции стало противоречить устремлениям стран постсоветского пространства с их светскими политическими традициями. Россия также вернулась к более самоуверенной политике в этом регионе, оставляя Турции и другим региональным державам всё меньше возможностей»⁴¹. В результате, активное участие в работе созданных кооперационных механизмов стали принимать лишь сама Турция, Казахстан с Киргизией, всегда с энтузиазмом относящиеся к любым интеграционным процессам, а также естественный союзник Анкары в регионе Азербайджан. По-видимому, географическая удаленность и политическая разнородность стран региона, в конце концов, сыграли злую шутку

³⁹ Так, начиная с 1992 года, стали регулярно проводиться саммиты глав тюркоязычных стран. В 1993 году было подписано соглашение о создании Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ). В ноябре 2008 года было заключено Соглашение об учреждении Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТюркПА). Спустя год в Нахичевани было объявлено об образовании Совета сотрудничества тюркоязычных государств, который иногда также сокращенно именуют Тюркским Советом. Кроме того, до сих пор успешно функционируют такие организации, как Фонд писателей и деятелей искусства тюркского мира (ТЮРКСАВ), Тюркская академия, Международная ассоциация инженеров и архитекторов тюркского мира.

⁴⁰ Истоки и эволюцию турецких инициатив Центральной Азии анализирует Андрей Казанцев. *Казанцев А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. Москва: Наследие Евразии, 2008.

⁴¹ *Unal Cevikoz.* Turkey in a Reconnecting Eurasia. Foreign Economic and Security Interests. CSIS: Rowman and Littlefield, 2016. URL: <https://www.csis.org/analysis/turkey-reconnecting-eurasia>

с далеко идущими турецкими инициативами, базировавшимися, в основном, лишь на расширенно понимаемом кровном родстве.

Пантюркизм, который со временем стал играть все более важную роль в предлагаемых планах интеграции, руководителям большинства постсоветских республик не показался столь же привлекательной идеологией, как он виделся идеологам в самой Турции. Лишь недавно обретшие независимость и самостоятельность и при этом в большинстве своем возглавляемые светскими лидерами старой советской закалки, они не спешили обрести в лице Турции нового старшего брата. Когда же стал окончательно очевидным тот факт, что ни с финансовой, ни с политической точки зрения Анкара не в состоянии по-настоящему взвалить на себя непростое бремя регионального лидерства, их интерес к предлагаемой турецкой стороной модели интеграции и вовсе снизился. В этих условиях продолжать говорить о единстве всех тюрков мира стало проблематично.

Как ни странно, наиболее востребованным при этом оказалось культурно-гуманитарное сотрудничество. В результате, именно образование на сегодняшний день является основным инструментом реализации турецких геополитических интересов в регионе. Можно констатировать, что таким образом турецкая сторона последовательно стремится к расширению своей «мягкой силы» в государствах постсоветской Центральной Азии. Следует понимать, что интересы большинства образовательных и культурных организаций, действующих в регионе под патронажем Турции, включают не только декларируемые на официальном уровне вопросы культурных взаимоотношений, но и вполне конкретную идеологическую обработку населения региона. Кроме того, та особая идейная общность выпускников, которую они формируют в результате своей деятельности, служит надежным гарантом того, что в будущем на просторах тюркского мира будет возможна глубокая интеграция на этнической, языковой и цивилизационной основе⁴². Потенциаль-

⁴² Так, в Киргизии, к примеру, активно функционируют заведения турецкой образовательной ассоциации «Себат», лишь недавно переименованные в «Сапат». Там воспитывалась значительная часть нового поколения страны. В этой связи не стоит забывать, что в республике также осуществляют свою деятельность несколько сотен совместных киргизско-турецких предприятий. Сотрудников в такие компании набирают преимущественно из рядов выпускников турецких образовательных учреждений. В республике действует «Ассоциация молодых предпринимателей», ядро которой также составляют эти выпускники. Следует понимать, что они будут ориентированы на Анкару даже в том случае, если предпочтут по той или иной причине не говорить об этом открыто.

но, она может существенно помочь Турции усилить свое экономическое присутствие в тюркоязычных республиках через мобилизацию протурецкой элиты.

Осознавая нежелание большинства родственных стран жертвовать только что обретенным суверенитетом во имя химерических идей пантюркизма и не имея возможности подпитывать их энтузиазм постоянными финансовыми влияниями, Турция также обратила свой взор на важность инфраструктурной связанности для формирования будущего единства. Небезынтересно, что произошло это чуть раньше, чем с подобными же идеями стал выступать Китай. Ставка была сделана на такие масштабные проекты, как строительство транспортного коридора Баку – Тбилиси – Карс (БТК) и прокладка трансанатолийского газопровода TANAP⁴³. Общность экономических интересов, помноженная на уже во многом достигнутое единство элит, должна была, как полагали в Анкаре, оказаться более эффективной, чем та во многом декоративная политическая координация, основанная на родственных чувствах, которая определяла повестку интеграции до этого.

Важно отметить при этом, что вышеуказанные проекты призваны были направить транспортные и газовые потоки в обход России и закрепить железнодорожную изоляцию Армении как основного российского союзника в регионе, что вполне устраивало западные страны, с привлечением помощи от которых Турция и планировала реализовать свои глобальные интеграционные планы. Однако целая совокупность геополитических процессов, в конце концов, привела к тому, что за последнее время отношения Турции с Западом резко ухудшились, и осуществление столь сложных и дорогостоящих проектов оказалось под большим вопросом.

В этих условиях озвученные Си Цзиньпином идеи усиления взаимосвязанности стран континента на базе транснационального инфраструктурного развития оказались как нельзя своевременными. Очевидно, что амбициозные интеграционные планы Китая хорошо сочетаются с планами Анкары, при этом Пекин изъявляет согласие уважать суверенные интересы Турции и не принуждает ее к принятию своих стандартов в ходе совместной работы. Неудивительно, что в подобной ситуации Анкара в оперативном порядке переориентировалась на сотрудничество с КНР, которая, по сути, согласилась выступить финансовым гарантом реализации далеко идущих планов Турции по всестороннему сближению стран тюр-

⁴³ Соглашение о начале строительства БТК было подписано в Тбилиси 7 февраля 2007 г; соглашение о строительстве TANAP было достигнуто Турцией и Азербайджаном в Стамбуле 26 июня 2012 года.

коязычного мира. В то время как образовательные усилия Анкары последних десятилетий подготовили хорошую почву для формирования в этом регионе «союза сердец», Китай продемонстрировал готовность предоставить в распоряжение стран Центральной Азии, Азербайджана и Турции необходимые для создания экономической базы полноценного содружества финансовые и технические ресурсы.

Именно в результате подобных изменений в политике Турции и появилась на свет концепция «Центрального коридора», которая в течение последних нескольких лет довольно активно продвигается Анкарой и при этом находит полное понимание в Пекине. Базовое положение, лежащее в основе этой новой инфраструктурной инициативы, заключается в том, что среди всех многочисленных коридоров, которые стремится проложить с востока континента на запад Китай, приоритетным является центральный, проходящий по территории тюркоязычных республик Центральной Азии, Азербайджана, Грузии и Турции. В доказательство этого утверждения приводятся как исторические факты, так и геополитические выкладки⁴⁴. Еще одна важная тема, которая выходит на первый план в этой связи, связана с торговлей энергоресурсами. Как неоднократно подчеркивалось, реализация проекта трансанатолийского газопровода TANAP, участие Анкары в строительстве «Турецкого потока», а также ряде других инфраструктурных проектов, гарантирует то, что коридор, проходящий по территории Турции, окажется не просто центральным с точки зрения географии, но и вообще займет главное место в планах Пекина по перекройке транспортной карты континента.

При этом сотрудничество с Китаем оказывается выгодным для Анкары не только по причине того, что благодаря инвестициям из Поднебесной ей удастся продвинуть собственные, уже давно вынашиваемые планы интеграции тюркоязычных стран. Не менее важным оказывается и то, что экономика самой Турции дела-

⁴⁴ Утверждается, к примеру, что «Турция имеет критическое географическое положение для того, чтобы в рамках проекта Нового Шелкового пути привлечь крупные инвестиции в инфраструктуру, энергетику и транспортную сферу. Конкретным примером инвестиций и реализации инфраструктурных проектов в рамках проекта строительства железной дороги от Пекина до Лондона являются железнодорожный тоннель под Босфором, открытый в 2013 г., мост через пролив Босфор им. Султана Явуза Селина, открытый в 2016 г., и строительство железнодорожной ветки Баку–Тбилиси–Карс». *Карагёль Э.Т.* Центральный коридор нового Шелкового пути – Турция. // Официальный сайт телерадиокомпании Турции. 22.05.2017. URL: <http://www.trt.net.tr/russian/programmy/2017/05/22/tsientral-nyi-koridor-novogho-shielkovogho-puti-turtsiia-735227>

ется в этом случае менее уязвимой от набившего оскомину диктата Запада, ибо она приобретает удобные и экономичные выходы на другие рынки сбыта. Несложно понять, что это, в свою очередь, способно в недалекой перспективе существенно изменить весь геополитический баланс в регионе⁴⁵.

Подводя итог, можно констатировать, что пример взаимовыгодного сотрудничества Турции и Китая показывает, что вероятность успешного сопряжения усилий двух стран резко возрастает в том случае, если одна из сторон мобилизует культурные, исторические или этнические ресурсы, а другая обладает необходимым экономическим, технологическим или дипломатическим потенциалом для трансформации этих ресурсов в конкретные проекты.

Колеи в степи: многовекторная политика Казахстана и Монголии

Не секрет, что Анкара, с максимальной выгодой использующая для себя возможности, предоставляемые инициативой «Пояс и Путь», не оставляет надежд вернуть себе, при благоприятном стечении обстоятельств, роль ведущего в интеграционных процессах центральной части континента. Другими словами, предложенный ей «Центральный коридор» является, по сути, временным, компромиссным вариантом между прямой конфронтацией, по пути которой предпочитают идти Южная Корея, Япония и Индия, и тем покорным следованием в фарватере Китая, которым, на первый взгляд, отличается экономическая политика, которую в последнее время проводят две соседние с КНР страны, Казахстан и Монголия. Не будет преувеличением сказать, что появление на свет инфраструктурных инициатив этих двух государств (соответственно, «Пути в будущее» и «Степного пути»), было предопределено и обусловлено новой внешнеполитической инициативой Пекина, а потому рассматривать их как полностью независимые проекты будет не совсем корректно. При этом впечатление это, на самом деле, обманчивое, ведь каждая из вышеупомянутых программ обладает своими интересными особенностями, знать и понимать которые необходимо для того, чтобы иметь полное представление об «интеграционном климате» Евразии последних лет.

В принципе, «Путь в будущее», или, по-казахски, «Нурлы Жол», содержание которого было оглашено президентом Казах-

⁴⁵ *S. Koru, T. Kaymaz.* Turkey: Perspectives on Eurasian integration // European Council on Foreign Relations. 08.06.2016. URL: http://www.ecfr.eu/article/essay_turkey_perspectives_on_eurasian_integration#

стана Н. Назарбаевым 11 ноября 2014 года, вообще не является международной инфраструктурной инициативой. Это, скорее, хорошо продуманная стратегия национального развития Казахстана на период до 2019 года, важнейшей составной частью которой является строительство транспортной, энергетической, индустриальной и социальной инфраструктуры, на что государство планирует выделить за все это время около одного триллиона тенге⁴⁶. При этом по оценкам разработчиков программы, только за счет строительства новых дорог будут созданы 200 тысяч новых рабочих мест. Кроме того, как указал в своей речи глава республики Н. Назарбаев:

«Нурлы Жол» произведёт мультипликативный эффект и на другие отрасли экономики: производство цемента, металла, техники, битума, оборудования и сопутствующих услуг. [...] Ускорятся и увеличатся грузопотоки. Возрастут объёмы транзита через страну. [...] Улучшится социальная инфраструктура, новые и современные школы и больницы будут оказывать высококачественные услуги. В итоге это отразится на благосостоянии и качестве жизни каждого казахстанца»⁴⁷.

В результате реализации «Пути в будущее» будет сформирована оригинальная лучевая система организации социально-экономического пространства страны. Как отмечается в этой связи аналитиками:

«Программа “Нурлы Жол” направлена на создание единого экономического рынка Казахстана путем формирования макрорегионов страны с определением Алматы, Астаны, Актобе, Шымкента и Усть-Каменогорска как городов-хабов национального и международного уровня. Города-хабы будут центрами экономической активности макрорегионов, концентрации капитала, ресурсов, передовых технологий и услуг. Города-хабы станут точками при-

⁴⁶ Конкретные проекты, включенные в государственную программу, включают в себя развитие транспортной инфраструктуры Астаны, а также строительство автодорог, связывающих столицу страны с городами Алматы, Усть-Каменогорск и Атырау; возведение логистического хаба на востоке Казахстана и морской инфраструктуры на западе страны. Сюда же относят планы по строительству или аренде терминальных мощностей в «сухих» и морских портах Китая, Ирана, России и странах ЕС.

⁴⁷ Текст послания Президента Республики Казахстан «Нурлы жол – путь в будущее» доступен на сайте Национальной цифровой история Казахстана. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/2647>

тяжения миграционных потоков и будут способствовать естественной урбанизации. Другие крупные города макрорегионов или города второго уровня будут связаны с городом-хабом по “лучевому” принципу. Развитие городов-хабов и интеграция макрорегионов будут обеспечены на основе эффективного развития транспортной, индустриальной, жилищной, социальной и энергетической инфраструктур, вызовут значительный спрос на строительные материалы, промышленную продукцию и оборудование, будут способствовать развитию обрабатывающей промышленности»⁴⁸.

Если не обращать внимания на обязательную в таких случаях риторику, можно сделать вывод о том, что новая программа, по сути, призвана обозначить роль Казахстана в качестве важной транзитной державы, расположенной в самом центре континента⁴⁹. Важной задачей при этом является создание максимально быстрой и эффективной, но при этом не слишком дорогой в эксплуатации системы по добыче, переработке и последующей транспортировке природных богатств республики на внешние рынки. В этом смысле те цели, что ставит перед собой Китай, стремящийся заполучить в свои руки надежный маршрут для транспортировки грузов на запад континента, а также имеющий определенные виды на недра Центральной Азии, действительно совпадают с теми, которые ставит перед экономикой своей страны президент Назарбаев. Символично, кстати, что в свое время о выдвижении инициативы «Пояс и Путь» председатель Си заявил не где-нибудь, а в Астане, а сопряжение двух инфраструктурных инициатив оказалось практически безболезненным.

⁴⁸ Государственная программа развития «Нурлы-Жол» // Интернет-агентство Total Казахстан. 23.09.2015. URL: https://total.kz/ru/news/vnutrennyaya_politika/gosudarstvennaya_programma_razvitiya_nurly_jol

⁴⁹ Как признается в этой связи в обзорной статье международного информационного агентства «Казинформ», посвященной реализации программы «Нурлы Жол»: «Реализация международной стратегии построения экономического пояса Шелкового пути требует создания современной транспортно-логистической инфраструктуры на всем своем протяжении. Казахстан, как участник этого проекта, благодаря программе “Нурлы жол” повышает свои транспортные возможности и в том числе за счет международного сотрудничества имеет все шансы стать крупным транспортно-логистическим хабом, что положительно отразится на экономике страны. Стратегию построения экономического пояса Шелкового пути поддерживают все вовлеченные в этот проект страны, так как он может создать мощный толчок развития и тысячи новых рабочих мест». URL: http://www.inform.kz/ru/obzor-realizaciya-v-rk-gosudarstvennoy-programmy-nurly-zhol-put-v-budushechast-2_a2917668

Неудивительно, что среди китайских экспертов превалирует мнение о том, что именно Казахстан является самым надежным партнером Китая в ключевом для успеха всего проекта «Пояса и Пути» регионе Центральной Азии. Действительно, в сравнении с непредсказуемой Киргизией, отягощенным внутривосточными конфликтами и обделенным ресурсами Таджикистаном, а также закрытыми для любого внешнего влияния Узбекистаном и Туркменией, Казахстан, безусловно, выигрывает. Открытость китайским инвестициям, относительно прозрачные правила игры, стабильный политический климат, обширные природные богатства и постоянно растущий внутренний рынок действительно выгодно отличают эту страну от соседей по региону. На этом фоне выдвижение Н. Назарбаевым инициативы «Путь в будущее», в которой, по сути, перед правительством республики ставятся те же самые цели, что преследует в Центральной Азии КНР, представляется китайцам залогом того, что Казахстан будет в течение долгого времени идти в фарватере своего восточного соседа.

В самой этой уверенности, однако, кроется опасная ошибка, ибо на самом деле Астана никогда не шла и никогда не будет идти в чьем-либо фарватере, а бросающаяся в глаза схожесть программ развития двух стран является чисто ситуативной. И дело тут даже не в том, что в Казахстане сильны антикитайские настроения, и вирусом синофобии здесь поражены не только простые граждане, но и многие государственные чиновники и даже эксперты, которым по долгу службы положено налаживать взаимовыгодные связи с Китаем⁵⁰. Гораздо более существенным является то, что Казахстану в последнее время удается налаживать взаимовыгодные связи с большим количеством стран и при этом являться самым активным участником всех без исключения интеграционных объединений одновременно. В этом смысле его верность интересам Китая и инициативе «Пояс и Путь» может быть поставлена под сомнение. Именно Н. Назарбаев, как известно, считается одним из инициаторов создания ЕАЭС, при этом возглавляемый им Казахстан является также и самым активным участником всех американских или европейских проектов в Центральной Азии. Ровно такую же славу верного сторонника имеет президент Казахстана и в Турции. При этом, как ни трудно заметить, отношения партнеров Астаны между

⁵⁰ Чтобы прийти к такому выводу, достаточно ознакомиться с работами К.Л. Сыроежкина, одного из самых эрудированных экспертов по Китаю в Центральной Азии. *Сыроежкин К.Л.* Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // *Контуры глобальных трансформаций*, 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 104–122.

собой зачастую оставляют желать лучшего, а их проекты интеграции иногда довольно жестко конкурируют между собой.

Феномен такой многосторонней дружбы известен как «многовекторность», под которой, как правило, подразумевают, что та или иная страна настойчиво, целенаправленно и при этом не всегда корректно маневрирует между великими державами, пытаясь добиться от них каких-либо экономических или политических предпочтений. При этом внешние наблюдатели, как правило, относятся к подобной практике крайне негативно, а те исследователи, что представляют сами «многовекторные» страны, стараются оправдать эту довольно сомнительную практику. Думается, что и в обвинениях, и оправданиях многовекторной политики Казахстана есть рациональное зерно, однако не стоит все же забывать и о факторе национального характера, который, как думается, способен пролить свет на популярность столь специфичной внешнеполитической концепции у руководства республики. Другими словами, ситуативность политики здесь, как представляется, является всего лишь следствием особого образа мышления, свойственного коренным жителям этой страны.

Дело в том, что, в отличие от русских, немцев, индусов, корейцев, японцев, китайцев или турок, казахи в недалеком прошлом были кочевым народом, а это придает политике страны особый колорит. Кочевники гораздо меньше зависят от географического или политического окружения, чем земледельцы, и не так постоянны в своих пристрастиях. В прошлом, к примеру, они имели право откочевать от неудобного им властителя или даже сместить его по своему желанию, в то время как оседлые народы такой возможности не имели, да и не стремились к ней. Именно наличие ярко выраженного стремления к независимости и приводит к тому, что условно «кочевой» Казахстан с радостью присоединяется к любым союзам и инициативам, не испытывая при этом ни к одному из них настоящей привязанности. Открытость всем возможностям сразу и, как следствие, наличие выбора в любой момент времени позволяет ему до поры до времени следовать в фарватере какого-то одного претендента на лидерство, не страшась при этом попасть от него в долговременную зависимость. Любую программу любого соседа он готов использовать в своих собственных интересах, зная, что умелое балансирование между центрами силы, та самая пресловутая «многовекторность», в конце концов, обеспечит ему необходимую свободу маневра и при желании он всегда сможет с легкостью «откочевать» к другому лагерю.

Еще ярче эта неразборчивость в связях проявилась у другого кочевого народа, монголов, которые не так давно обогатили миро-

вую геополитическую мысль оригинальной концепцией «третьего соседа». Суть ее состоит в том, что, в той же степени, как для простого кочевника сосед не является раз и навсегда сделанным выбором, так и для кочевой державы «сосед» может находиться в любой точке глобуса в случае, если того требуют геополитические интересы страны. Иногда принятую на вооружение в Монголии концепцию, бросающую дерзкий вызов географическому детерминизму, неправильно трактуют как ее желание оправдать свои союзнические отношения с далеким от Улан-Батора Вашингтоном, в которые страна вступила лишь для того, чтобы избавиться от тотальной зависимости России и Китая, окружающих ее со всех сторон⁵¹. На самом деле, подобное утверждение могло быть справедливым в недалеком прошлом. В настоящее же время сфера применения этой оригинальной концепции гораздо шире, и «третьим соседом» Монголии не обязательно становятся Соединенные Штаты. Им попеременно оказываются то Япония, то Южная Корея, то страны Западной Европы. Смысл же при этом заключается в том, что соседом в Улан-Баторе объявляется не тот, с кем страна имеет общую границу, а тот, кто ей более интересен на данный момент. Если таковым окажется, к примеру, Бразилия или Израиль, они также станут добрыми соседями Монголии – но лишь на время и лишь в том объеме, который необходим для решения тех или иных внутренних проблем страны.

В этом смысле нет ничего удивительного в том, что вскоре после появления на свет китайской инициативы «Пояс и Путь», когда стало окончательно ясно, что Китай планирует осуществить значительные вложения в развитие инфраструктуры в Центральной Азии, в Монголии всерьез задумались о переориентации на КНР. Стало очевидным, что в случае успешной реализации китайского мега-проекта страна упустит важный источник валютных поступлений, который обеспечивает ей в настоящее время статус транзитной державы. Кроме того, те инвестиции, которые могли бы пойти на создание пояса развития вдоль трансмонгольского железнодорожного коридора, будут направлены в Казахстан или

⁵¹ «Монголия, “зажатая” между географически и геополитически более крупными и влиятельными соседями, нашла способ вырваться из “прокрустова ложа” пересекающихся орбит их стратегических интересов. «Страна вечного синего неба» добилась видимых успехов в проведении независимого политического и экономического курса именно посредством реализации концепции “третьего соседа”». Железняков А.С., Баасансүрэн Д., Недяк И.Л. Многопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики // Полис. Политические исследования, 2013. № 5. С. 122.

другие государства Центральной Азии. В ситуации, когда активное развитие горнодобывающей отрасли последних лет, ориентированное исключительно на внешние рынки, вынуждало правительство Монголии всерьез задумываться о совершенствовании транспортной инфраструктуры, находящейся в зачаточном состоянии, такое развитие событий представлялось недопустимым. При этом, как оказалось, ни один из имевшихся на тот момент «третьих» соседей не предлагал вложить столь же значительные ресурсы в инфраструктурное развитие страны, как это делал Китай. В Улан-Баторе с неизбежностью осознали, что «первый» и «второй» соседи все еще важны для роста благосостояния страны.

В этих условиях Монголия поспешила с выдвижением своей собственной инфраструктурной инициативы, которая получила название «Степной путь». Президент Ц. Элбэгдорж представил ее сначала председателю КНР Си Цзиньпину во время его визита в Монголию в августе 2014 года, а спустя месяц сообщил о ней и президенту России В.В. Путину. Проект сразу же заслужил одобрение обоих лидеров, ибо он полностью соответствовал как намерениям Китая, обрисованным в концепции «Пояс и Путь», так и плану России по усилению восточного вектора ее государственной политики. В июне 2016 года, во время встречи трех лидеров на полях саммита ШОС в Ташкенте, договоренности о строительстве «Степного пути» были оформлены уже документально, после чего была «начата реализация «дорожной карты» по развитию трехсторонних контактов в политической сфере, экономике, в международных делах, культуре и образовании»⁵².

В соответствии с оговоренными в подписанных руководителями трех государств документах намерениями, «Степной путь» предполагает финансирование развития инфраструктуры на территории Монголии в размере 50 млрд долларов США и подразумевает сотрудничество трех стран по пяти основным направлениям. Среди них строительство автомобильной магистрали протяженностью 997 км от границы с Китаем до границы с Россией, прокладка новых линий электропередач общей длиной 1100 км, а также расширение имеющихся железнодорожных путей и трубопроводов.

Кроме этого, предполагается возможность создания трехсторонней совместной транспортной и логистической компании и принятие мер по сбалансированному развитию и повышению транспортных возможностей на всех участках железной дороги Улан-Удэ – Наушки – Эрэн-Хото – Цзинин. Иными словами, планируется реконструиро-

⁵² Зеленева И.В. Интеграция России и Монголии: геополитический и геоэкономический аспекты // Управленческое консультирование, 2017. № 2. С. 12.

вать уже существующую трансмонгольскую железную дорогу с целью увеличения скорости движения и грузоподъемности составов. В частности, речь идет о том, что будет проложен второй путь и проведена электрификация. В результате, как ожидается, на треть снизятся накладные расходы на доставку товаров из Китая на участке от Пекина до Улан-Удэ. Как еще задолго до саммита ШОС в Ташкенте сообщали по этому поводу китайские СМИ, «железнодорожные ведомства Китая, России и Монголии путем консультаций уже договорились о будущем конкретном сотрудничестве»⁵³.

Не секрет, что правительство Монголии надеется на то, что проект «Степной путь» сможет предоставить множество возможностей для жителей районов, расположенных вдоль строящихся или реконструируемых транспортных магистралей, а также выведет на новый уровень существующие производственные предприятия страны. Определенные надежды возлагаются также на сотрудничество в области энергетики и сельского хозяйства. С точки зрения Китая, однако, сопряжение инициативы «Пояс и Путь» и инициативы «Степной Путь» выходит далеко за рамки взаимовыгодной совместной деятельности по развитию трансграничной инфраструктуры. Скорее, их реализация видится ему как фундамент для расширения полномасштабного и всестороннего взаимодействия между народами России, Китая и Монголии, в рамках которого экономическое сотрудничество выступает основным, но не единственным инструментом достижения подлинного взаимопонимания. В этой связи очень важно, что в рамках сопряжения двух инфраструктурных инициатив, к примеру, налаживается активное сотрудничество между учеными и экспертами трех стран⁵⁴.

⁵³ Китайская инициатива «пояс и путь» будет содействовать Монголии в создании «Степного пути» // Агентство Синьхуа. Специальный репортаж. 02.05.2015. URL: <http://russian.cri.cn/841/2015/05/02/1s546990.htm>

⁵⁴ «Сегодня выстраивается так называемая «вторая дорожка» – работа трехстороннего экспертного сообщества, призванного как раз и определить пути сопряжения трех программ. Осенью нынешнего года в Улан-Баторе была создана российско-монголо-китайская трехсторонняя исследовательская ассоциация, которая на экспертном уровне займется изучением перспектив взаимодействия трех стран в рамках этих трех проектов. Учредителем Ассоциации с российской стороны стал Институт Дальнего Востока РАН. Ученые трех стран декларировали намерения сконцентрировать усилия на определении наиболее эффективных возможностей экономического и логистическо-транспортного взаимодействия, в которое помимо Монголии будут вовлечены, прежде всего, байкальские и дальневосточные регионы России и территории северо-восточного и северного Китая». *Исаев А.* Выбор Монголии – «Степной Путь» // Информационно-аналитическое агентство «Восток России». 28.10.2015. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/vybor-mongolii-stepnoy-put/>

Этим, впрочем, потенциал взаимодействия далеко не исчерпывается. Как отмечают китайские эксперты, государствам региона следует всерьез подумать над тем, чтобы расширить сотрудничество в области охраны окружающей среды и в медицинской сфере, а также предпринять действенные шаги по эффективному использованию того огромного туристического потенциала, которым в совокупности обладают Монголия, Россия и Китай. Однако самым важным, как полагают они, является возможность достижения на платформе экономической кооперации большей гармонии в отношениях между простыми гражданами трех стран региона, чему, как предполагается, должна способствовать активизация культурных и образовательных обменов. Только в этом случае станет возможным достичь того уровня доверия между народами, который бы сделал «третьего соседа» действительно «третьим лицом», о чем все-таки в тайне мечтают в Китае⁵⁵.

Мечтают, ибо верят, что успешное гуманитарное сотрудничество в рамках сопряжения «Пояса и Пути» и «Степного пути» способно не просто сблизить народы Монголии, России и Китая, но и подать другим государствам мира пример построения добрососедских отношений между странами с разными уровнями развития. Пример, другими словами, того, как сотрудничество между малым и большим государством может быть по-настоящему равноправным, а исторические обиды и культурные противоречия отходят на второй план в случае, если в процессе взаимного учета интересов достигается разумное сочетание прагматизма и идеализма, технократического и человеческого.

Каковыми бы ни были при этом истинные намерения Китая, и какими бы мотивами не руководствовались в своих инициативах свободолюбивые кочевые государства, расположенные с ним по соседству, выражая показное желание сотрудничать и следовать в его фарватере, хочется надеяться, что это действительно может произойти. В конце концов, подобное сочетание *ведущей* интеграционной инициативы и инициативы заведомо *ведомой* выглядит действительно более перспективным, чем та прямая и жесткая конфронтация интеграций, пример которой являют нам в Азии Япония, Южная Корея и Индия. Даже если такое сочетание и является чисто ситуативным, как в случае с Монголией и Казахстаном.

⁵⁵ 华倩. “一带一路”与蒙古国“草原之路”的战略对接研究. *Хуа Цин*. Исследование стратегического сопряжения «Пояса и Пути» и монгольского «Степного Пути» // *Global Review*, 2015. № 6. P. 51–65.

Большие идеи большой страны: российские интеграционные проекты

Как уже было отмечено, отношение России к интеграционному буму, который поразил в последние годы Азию, отличается двойственностью. С одной стороны, геополитическая реальность и экономическая конъюнктура диктуют необходимость настоящего, а не декларативного разворота на Восток, а стало быть, и всестороннего участия в разворачивающихся в этом ключевом регионе земного шара интеграционных процессах. Азия постепенно становится локомотивом мировой экономики, и это приходится принимать в расчет. Кроме того, азиатская часть самой России остро нуждается в инвестициях и в ускорении экономического развития, особенно в том, что касается инфраструктуры, а потому взаимовыгодное сотрудничество с быстрорастущими экономиками Азии, стремящимися к сотрудничеству с Москвой, следовало бы всемерно поощрять.

С другой стороны, несмотря на провозглашенный несколько лет назад стратегический разворот на Восток, на протяжении большей части своей истории Россия тяготела к западноевропейской цивилизации и оценивала себя западными категориями. И славянофилы, и западники, и евразийцы черпали свое вдохновение в странах Европы и именно там искали прообразы будущего. Да и в наше время сердца большинства политиков, бизнесменов и простых граждан в России принадлежат Западу. По этой причине ходу интеграции со странами Востока, несмотря на насущную в ней потребность и имеющийся значительный потенциал роста, по традиции уделяется намного меньше внимания, чем проблемам и достижениям на европейском направлении. Частично, скромные успехи политики России в Азии вызваны еще и тем, что в Москве издавна принято считать, что с востока в страну приходят лишь беды и опасности. По этой причине власти вместо того, чтобы развивать взаимовыгодное сотрудничество со странами региона, максимально открыв границы, предпочитают строить препоны на пути воображаемых угроз. Усугубляет ситуацию еще и то, что географическое положение России как самой большой страны в Азии и ее статус глобального геополитического игрока не позволяет ей идти в фарватере той или иной инициативы соседей, будь то «Пояс и Путь» Китая или «Евразийская инициатива» Южной Кореи.

Совокупность всех вышеуказанных факторов приводит к тому, что интеграционная политика Москвы в Азии сильно отличается от политики других крупных стран региона. С одной стороны, в отличие от Южной Кореи или Японии, Москва не пытается навязать

здесь свою собственную, альтернативную модель интеграции, предпочитая с одобрением отзываться об инициативах соседей даже в том случае, если те конкурируют между собой. С другой стороны, в отличие от Казахстана и Монголии, активно подключившихся к китайскому «Поясу и Пути» и разработавших свои национальные планы развития инфраструктуры, напрямую с ним сопряженные, Россия до сих пор не представила какого-либо проекта, который можно было бы эффективно встроить в заданный КНР формат. В общем и целом, приходится констатировать, что на настоящий момент у России отсутствует своя собственная, хорошо артикулированная программа инфраструктурного развития в Азии, которая могла бы быть противопоставлена или сопряжена с инициативами соседей.

Довольно часто в этой связи говорят о том, что, в то время как Китай продвигает «Пояс и Путь», Россия создает Евразийский Экономический Союз. Два этих крупных геополитических проекта действительно сравнивают и противопоставляют, а иногда еще и сопрягают, однако думается, что это не совсем корректно⁵⁶. Дело в том, что в этом случае сопоставляются и соизмеряются классическая блоковая политическая структура со своими институтами, регламентами и границами и открытый проект солидарного экономического развития, построенный на основе взаимодействия государственных и негосударственных акторов, ограниченный по времени и конкретный по своим геополитическим и геоэкономическим задачам. Скорее, следовало бы говорить о сопряжении формы и содержания, но никак не о конвергенции или противостоянии двух явлений одного и того же порядка.

На самом деле, гораздо правильнее сравнивать «Пояс и Путь», а также схожие с ней по формату «Партнерство для качественной инфраструктуры», «Евразийскую инициативу» и «Центральный коридор» с официально озвученной президентом России В.В. Путиным идеей создания Большого евразийского партнерства («Большой Евразии»)⁵⁷. Несмотря на то что в его предложе-

⁵⁶ См., к примеру: *Лузянин С.Г.* Связанные одним поясом // *Контуры глобальных трансформаций.* 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 41–59; *Иванов И.С.* (ред.) *Российско-китайский диалог: модель 2017.* Москва: НП РСМД, 2017. С. 55–58.

⁵⁷ «Идея создания Большого евразийского партнерства (БЕП) была сформулирована 3 декабря 2015 года, когда В. Путин в Послании Президента Федеральному Собранию выдвинул инициативу о начале консультаций по формированию экономического партнерства между государствами-членами ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и государствами, которые присоединятся к ШОС. На протяжении 2016 года концепция неоднократно озвучивалась на различных многосторонних площадках, по сути став флагманской российской инициативой по развитию евразийской интеграции». *Иванов И.С.* (ред.) *Российско-китайский диалог: модель 2017.* Москва: НП РСМД, 2017. С. 55–59.

нии не содержится пока никаких конкретных деталей, упоминание о «Большой Евразии» со столь высокой трибуны говорит о том, что у этой концепции есть будущее.

Насколько можно судить по немногочисленным пока экспертным комментариям, посвященным Большому евразийскому партнерству, Москва предлагает задуматься о создании некоего объединения объединений. Таксономическими единицами здесь являются уже не только и не столько отдельные страны, сколько целые блоки стран или такие уже существующие интеграционные структуры, как ШОС и АСЕАН, и даже, в перспективе, Европейский Союз⁵⁸. При этом приходится констатировать, что с составом возможных участников «Большой Евразии» пока нет ни малейшего намека на определенность.⁵⁹ К географической путанице примешиваются путаница идеологическая, в результате чего говорить о наличии четкой, внятной концепции будущего континентального объединения пока не приходится. Вот так, к примеру, видится единство Евразии одному из ведущих российских политологов С. Караганову:

«В дополнение к развитию широтной транспортной инфраструктуры первостепенное значение, повторяюсь, имеет развитие транспортных путей Север–Юг, подключающих не только Дальний Восток, но и центральные и западные регионы Сибири, Приуралья к быстро растущим рынкам Западного Китая, Ирана, Индии, Пакистана. Несмотря на нынешнее замедление из-за экономического кризиса интеграционных процессов в ЕАЭС, союзу необходима новая долгосрочная повестка дня. Возможно – это

⁵⁸ Об этом, в частности, упоминал президент России. *Латухина К.* Компас победителей. Проект «Большая Евразия» объявлен открытым // Российская газета, 2016. № 7109 (241). 24 окт.

⁵⁹ Вот отличный пример присущей дискуссиям о «Большой Евразии» геополитической всеядности: «Географически проект будет, видимо, охватывать страны, входящие в ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, государства, вовлеченные в «сопряжение» проекта Шелкового пути и ЕАЭС, включая, вероятно, Турцию, Иран, Израиль, Египет и новое экономическое пространство, которое будет создаваться по мере реализации Регионального всеобъемлющего экономического партнерства, продвигаемого Китаем и АСЕАН с участием Индии, Японии, Южной Кореи. [...] Организационно, Большая Евразия будет и должна, видимо, строиться на основе координации ряда экономических и политических проектов – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), ЕАЭС, других организаций, быстро множасьшихся финансовых институтов Евразии, возможно, с последующим подключением ЕС. На роль связующего элемента этой архитектуры напрашивается ШОС с расширением числа наблюдателей». *Караганов С.* С Востока на Запад, или Большая Евразия // Российская газета, 2016. № 7000 (132).

единая транспортная и общая торговая политика, интеграция на оптимальных условиях в единое пространство Большой Евразии, участие в формировании его стандартов и правил. Необходимо создание многосторонних технологических альянсов со странами континента, как на Западе, так и на Востоке. Большинство высокотехнологических отраслей невозможно развивать, ориентирясь преимущественно на собственный или даже союзный рынок. Технологические альянсы необходимы и чтобы упреждать и предотвращать риски вероятной дальнейшей политизации мировой экономики, прежде всего, но не исключительно, Западом»⁶⁰.

Представленная в таком виде, российская идея уступает в плане реализуемости даже индийским планам международной интеграции, в которых, хотя зачастую и отсутствуют конкретные цели и задачи и, как правило, никак не прописаны механизмы реализации идей, самые эти идеи являются довольно оригинальными и при этом внутренне осмысленными. Подобная идеологическая беззубость России, которая по своему международному статусу и по своей роли в мировой экономике должна была играть одну из заглавных ролей в процессах инфраструктурной интеграции в Евразии, довольно досадна.

Тем более досадна, что, на самом деле, в стране давно существует научно обоснованный проект международной инфраструктурной интеграции, по своей структуре, масштабам, целям и идеологической основе весьма схожий с китайской инициативой «Пояса и Пути», но при этом появившийся еще до исторической астанинской речи председателя КНР. Речь идет о Транс-Евразийском поясе «Развитие» (ТЕПР), который поначалу был с большим энтузиазмом принят экспертным сообществом России, но которому, к сожалению, до сих пор уделяется недостаточно много внимания на высоком политическом уровне.

ТЕПР стал достоянием широкой общественности после того, как в марте 2014 года на заседании президиума РАН его, в соавторстве с академиками Садовничим В.А. и Осиповым Г.В., представил глава ОАО «РЖД» и по совместительству заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ В.И. Якунин. Уже сам этот факт подчеркивает принципиальное отличие данной инфраструктурной инициативы от большинства других отечественных и зарубежных мега-проектов, инициаторами которых, как правило, являются политические лидеры, которые подключают к своим начинаниям экспертов и представителей бизнеса лишь после того, как

⁶⁰ *Караганов С.* От поворота на Восток к Большой Евразии // *Международная жизнь*, 2017. № 5. С. 6–18.

проект уже широко анонсирован в СМИ. Как несложно заметить, подобная последовательность часто приводила и до сих пор приводит к тому, что редкому инфраструктурному плану удается избежать лозунговости и дилетантизма. Еще одним недостатком многих из этих проектов является очевидный перевес экономической либо политической составляющей. Это приводит к тому, что в то время как часть из них страдает от излишнего увлечения сухими техническими деталями, малоинтересными для широкой аудитории, другие уделяют непропорционально много внимания идеологической, культурной или геополитической подоплеке инфраструктурного развития. В отличие от всех них, Транс-Евразийский пояс «Развитие», разработанный коллективом авторов, представляющих серьезные научные и деловые круги России, с самого начала отличался внимательной проработкой и тех, и других аспектов проблемы.

С одной стороны, актуальность появления на свет принципиально новой инфраструктурной инициативы обосновывается ими при помощи глубокого исторического и цивилизационного экскурса. Так, в докладе, зачитанном на заседании президиума РАН, разъясняется как государствообразующая функция крупных мега-проектов, так и то особенное значение, что представляет для развития всего человечества транспортная, информационная и логистическая инфраструктура. Кроме того, проект ТЕПР характеризуется наличием тщательно проведенного анализа текущих геополитических, геоэкономических и геокультурных интересов России и тех вызовов, перед которыми в настоящее время стоит все человечество. С другой стороны, наличие в составе разработчиков проекта строительства Транс-Евразийского пояса «Развитие» представителей крупного бизнеса гарантирует, что чисто экономическим и техническим вопросам здесь также уделяется должное внимание.

При этом, как несложно заметить, неразрешимого противоречия между политическими, экономическими и гуманитарными целями попросту не существует. Более того, они отлично дополняют друг друга. Так, экономика, самодовлеющего значения которой авторы доклада не признают⁶¹, отказываясь считать количественные показате-

⁶¹ «Наряду с экономическим содержанием в жизни есть и неэкономическая, духовная составляющая. Это не только религия, но и весь спектр нематериальной культуры народа — его история, язык, особенности менталитета, представления о справедливости, его моральные идеалы. Игнорирование этой — самой главной — стороны жизни при разработке стратегии жизнедеятельности государства приводит к утрате смысла существования народа, что заканчивается его исчезновением, растворением в других культурах». *Якунин В.И.* Интегральный проект солидарного развития на евро-азиатском континенте (Научно-практическая концепция) // Вестник Российской академии наук, 2014. Т. 4. № 8. С. 676.

ли роста единственным мерилom успешности того или иного проекта, призвана, как они утверждают, обеспечить решение морально-этических, цивилизационных, геокультурных задач, стоящих в настоящее время перед Россией. При этом сами эти задачи, как можно понять, также не имеют очевидной ценности в случае, если их выполнение не обеспечивает поступательного экономического и социального развития страны, приводящего, в свою очередь, к существенному улучшению качества жизни, выраженного в появлении новых возможностей для самореализации у каждого из членов социума⁶².

Авторы проекта полагают, что достигнуть выполнения всех вышеуказанных целей, как геополитических и геокультурных, так и чисто экономических, России позволит создание комплексной инфраструктурной системы нового поколения. Она протянется от границ союзного государства России и Беларуси с Восточной Европой до тихоокеанского побережья, а в перспективе, через Берингов пролив, и до США, и соединит, таким образом, Европу и Азию с Северной Америкой. С одной стороны, подчеркивается, что гарантом реализации столь амбициозных планов является уникальный транзитный потенциал России как единого экономического, правового и административного поля на всем пространстве от Санкт-Петербурга до Уэлена; с другой, утверждается, что ее собственная роль при этом не сводится к осуществлению функции посредника. Скорее, строительство столь масштабного инфраструктурного коридора на своей территории позволяет ей в новых исторических условиях реализовать исконно присущую российскому государству глобальную миссию культурного, политического и цивилизационного моста между Западом и Востоком, в то же самое время обеспечив себе сохранение и развитие своей собственной, уникальной геокультурной и геополитической идентичности⁶³.

⁶² «В рамках этой идеологии экономический рост не упраздняется совсем, а только встаёт на своё законное место и является подчинённым показателем (одним из них) успешности реализации проекта». *Якунин В.И.* Интегральный проект солидарного развития на евро-азиатском континенте (Научно-практическая концепция) // Вестник Российской академии наук, 2014. Т. 4. № 8. С. 685.

⁶³ «ТЕПР – это особый способ организации евразийского пространства, в котором не Россия находится между Европой и Азией, а Европа и Азия находятся слева и справа от России. [...] Роль России не сводится к капитализации ее транзитного потенциала, а к формированию нового очага генерации общественного богатства на основе со-развития с участием всех цивилизационных центров, соседствующих с Россией». *Якунин В.И.* Интегральный проект солидарного развития на евро-азиатском континенте (Научно-практическая концепция) // Вестник Российской академии наук, 2014. Т. 4. № 8. С. 683.

Конкретным механизмом реализации этой непростой задачи является создание на территории Сибири и Дальнего Востока так называемой «мульти-инфраструктуры», под которой в данном случае понимается совокупность взаимоувязанных энергетических, транспортных, логистических, телекоммуникационных и информационных потоков. Их совмещение и достигаемый при этом эффект синергии, в свою очередь, служат основой для формирования на востоке страны совершенно нового «техно-промышленного и социокультурного уклада», который реализует себя в форме коридоров развития.

В соответствии с разъяснениями разработчиков проекта, под последними следует понимать систему предприятий, представляющих новые отрасли промышленности, которая, в свою очередь, служит основой для строительства научно-технологических и инженерных городов нового типа. Эти города возникают в полосе развития шириной 200–300 км, протянувшейся вдоль инфраструктурных коридоров, и в дальнейшем становятся точками притяжения, с опорой на которые развиваются прилегающие территории. Именно такая модель, как выражают уверенность авторы российского мега-проекта, обеспечивает эффективный и быстрый переход от текущей экспортно-сырьевой модели к модели опережающей реиндустриализации, который требуется в настоящее время России.

При этом, как нетрудно догадаться, столь масштабный план не может и не должен реализовываться усилиями какой-либо одной страны. Строительство инфраструктуры нового типа предполагает привлечение инвестиционных, технологических и управленческих ресурсов всех тех государств, взаимодействие между которыми она призвана обеспечить. С другой стороны, именно заинтересованность со стороны соседей обеспечивает ее будущую востребованность, а стало быть, является гарантом выгоды проекта. При этом выгода в данном случае это не экономическая, или, как говорят авторы проекта, не «бухгалтерская» категория. Скорее, она означает ту выгоду, что способно принести стране и миру развитие человеческого потенциала, достигаемое через интенсивный обмен знаниями, который, в свою очередь, становится возможным лишь благодаря мультипликационному эффекту инфраструктурной взаимосвязанности. Необходимым условием роста совокупного человеческого потенциала любого государства является повышение внутренней мобильности населения и возможность осуществления внешних контактов, что, как нетрудно догадаться, также является следствием инфраструктурного развития. Для России, учитывая ее бескрайние размеры, пестроту национального состава и непростые отношения с соседями, этот вопрос стоит особенно остро.

Основой всей системы международных коридоров развития, которые призваны коренным образом изменить парадигму роста в России и одновременно стать основой новой архитектуры Евразии, должна, по мысли разработчиков проекта, являться обновленная Транссибирская железнодорожная магистраль. Трансиб, как справедливо отмечается в этой связи, может считаться цивилизационной осью России Нового времени, ведь в свое время именно благодаря его строительству страна сложилась как целостное геополитическое образование Евразии⁶⁴. В том случае, если уже в наше время он будет модернизирован для скоростного сообщения, а в зоне магистрали будут проложены оптоволоконные кабели, построены шоссейные дороги и устроены перевалочные узлы для интеграции всех видов транспорта, можно будет говорить о том, что Транссибирская магистраль послужит хорошей основой для строительства в дальнейшем целой сети коридоров развития. В конечном итоге, они свяжут между собой регионы России, государства постсоветского пространства, запад и восток континента, а в дальнейшем и Евразию с Северной Америкой, обеспечив солидный фундамент для солидарного развития государств мира⁶⁵.

Несмотря на все очевидные преимущества проекта Транс-Евразийского пояса «Развитие», общую продуманность его идеологического фундамента, наличие концептуального плана реализации, а также участие влиятельных экспертов и представителей крупного бизнеса в его разработке, существует немало факторов, препятствующих его дальнейшему продвижению. В какой-то мере все они являются следствием тех его достоинств, о которых было упомянуто выше. К примеру, как уже было отмечено, большинство зарубежных конкурентов ТЕПР были первоначально широко анонсированы в прессе и поддержаны на уровне высшего политического руководства стран, выдвигавших тот или иной проект. В случае с российской инициативой, однако, можно говорить лишь о достижении неформального одобрения усилий научного и делового сообщества со стороны верховной власти⁶⁶, в то время как ни

⁶⁴ *Осипов Г.В., Садовничий В.А., Якунин В.И.* Интегральная евразийская инфраструктурная система как приоритет национального развития страны. Москва: ИСПИ РАН, 2013. С. 8.

⁶⁵ В целом, как заявляют авторы Транс-Евразийского пояса «Развитие», в рамках проекта будет построено 47 тыс. километров железнодорожных путей и проложено 23 тыс. километров оптоволоконного кабеля.

⁶⁶ Как сообщается, «мегапроект одобрен на заседании секции по проблемам экономической и социальной безопасности Научного совета при Совете Безопасности РФ, а также в Правительстве РФ, на встрече В.В. Путина с лидерами думских фракций». *Осипов Г.В., Садовничий В.А., Якунин В.И.* Интегральная евразийская инфраструктурная система как приоритет национального развития страны. Москва: ИСПИ РАН, 2013. С. 59.

один из действующих чиновников высшего ранга не связал свое имя с судьбой проекта, как это произошло в Казахстане, Индии, Китае или Южной Корее⁶⁷. В какой-то степени, следствием этого можно считать и недостаточную осведомленность прессы, а стало быть, и публики в целом, в том, что касается задач и преимуществ Транс-Евразийского пояса «Развитие». При этом, как уже не раз было отмечено, именно привлекательность той или иной инициативы для широких масс населения гарантирует ее жизнеспособность, позволяя ей справляться с краткосрочными вызовами политического характера.

Несмотря на то что реализация инициативы подобного масштаба предполагает высокий уровень вовлеченности со стороны иностранных участников, без полноценного вхождения которых даже сам ее запуск оказывается под большим вопросом, раскрытию потенциальных выгод, которые может принести зарубежным партнерам реализация ТЕПР, уделяется недостаточно внимания, и это также негативно сказывается на перспективах проекта. В документах, посвященных Транс-Евразийскому поясу «Развитие», содержатся многочисленные упоминания о той пользе, которую может принести его реализация Российской Федерации и всем народам, ее населяющим. В то же самое время это создает неверное ощущение, что другие страны ничего не приобретают в случае, если между Европой, Азией и Америкой будет проложен инфраструктурный коридор нового поколения. Судя по тексту, он призван улучшить лишь экономическое, социальное и геополитическое положение России. Принимая во внимания явно недостаточный уровень внешнеполитической поддержки, которую получает ТЕПР со стороны российского государства, а также недоступность его содержания широким массам, следует признать, что в текущем состоянии у него практически отсутствуют шансы на то, чтобы преодолеть рамки чисто академической среды и превратиться в действительно общенациональный, флагманский проект России⁶⁸.

Как итог, следует еще раз подчеркнуть, что в открытой в 2013 году Китаем гонке интеграционных инициатив Москва пока не сказала своего весомого слова. С одной стороны, те из российских проектов, что получили во многом символическую, но все же поддержку со стороны высшего руководства страны, представляют собой, по сути,

⁶⁷ За исключением спикера Совета Федерации В.И. Матвиенко, которая постоянно упоминает проект создания ТЕПР в своих выступлениях.

⁶⁸ И это притом, что тот же Китай считает принципы, цели и задачи, которые провозглашает ТЕПР, создающийся на базе уже существующих Транссиба и БАМа, полностью совпадающим с его собственной инициативой «Пояс и Путь».

лишь пространные рассуждения, непригодные для практической реализации. С другой стороны, те инициативы, что отличаются серьезным уровнем проработки и оригинальностью постановки проблемы, не могут похвастать политической, медийной или дипломатической поддержкой, а стало быть, также не имеют шансов быть реализованными в обозримом будущем. В ситуации, когда по соображениям геополитического престижа Россия не может, наподобие Казахстана или Индонезии, просто идти в фарватере китайского мега-проекта «Пояс и Путь» или какой-либо из его многочисленных альтернатив, ей остается лишь наблюдать за тем, как Евразия, в муках и со скрипом, но все же запускает крупные инфраструктурные инициативы, связывающие континент в единое целое. В результате подобного изоляционизма Москва может утратить геополитическую инициативу в глобальных интеграционных процессах, что, безусловно, скажется негативно на общем уровне ее конкурентоспособности. Это, в свою очередь, неминуемо приведет и к снижению геополитического влияния также.

Восточные концепции интеграции: единство в многообразии

Несмотря на резкое ускорение процессов унификации, которое неизбежно сопутствует глобализации, говорить о том, что мир развивается по универсальным законам, все-таки не приходится. Восток, в реальности, остается, Востоком, а Запад — Западом, и те интеграционные модели, которые берут на вооружение те или иные страны в разных частях Евразии, в той же мере отражают присущее им культурное и ценностное разнообразие, что и музыка, и литература. Несмотря на то, что существование Азии как единой, гомогенной общности возможно лишь в воображении европейца, а разница мировоззрений, ценностей и традиций между отдельными государствами Востока может значительно превышать разницу между ними и некоторыми западными странами, существует все же нечто неуловимое, что позволяет до сих пор моментально отличить восточное от западного.

Проведенный выше краткий анализ инфраструктурных инициатив, выдвинутых за последнее время различными странами региона, в этом смысле не исключение. Несмотря на очевидную непохожесть планов, выдвигаемых Турцией и Японией, Индонезией и Казахстаном, Монголией и Индией, он все же позволяет сделать некоторые обобщения и попытаться очертить тот идеал солидарного развития, который формируется в наши дни на Востоке. Это особенно важно, принимая во внимание то, что, по всей вероятности, он будет способен оказать очень серьезное влияние на мировые процессы глобализации в случае, если наблюдаемый в наши дни кризис западной модели будет усиливаться.

Прежде всего хочется отметить, что, несмотря на все те различия, которые характеризуют многочисленные модели интеграции, рождающиеся на просторах Азии, всем им присуще общее стремление к достижению более высокого уровня гармонии как между людьми, так и между странами. Для большинства людей в этой части света гармония имеет неоспоримую ценность и при этом видится им истинной противоположностью конкуренции, в свою очередь являющейся альфой и омегой западного образа жизни. Даже в том случае, когда интеграционные инициативы конкурируют между собой, как это происходит в случае с Китаем и, к примеру, Японией, имплицитно присутствующее здесь соперничество никогда не подчеркивается в ходе общественной дискуссии, и о нем вообще стараются не упоминать. В случае же, когда появление двух планов, скажем, инфраструктурного развития продиктовано общими интересами и у них наблюдаются схожие цели, их совместимость и взаимная дополняемость неизменно подчеркивается. Мы можем, в частности, наблюдать это на примере китайской инициативы «Пояс и Путь», цели и задачи которой совпадают с планами Турции заложить экономический фундамент единства тюркского мира. Еще одним проявлением стремления азиатских стран к гармонии является то, что ни один из предлагаемых проектов интеграции не предполагает для его участников игры с нулевой суммой, что так сильно портит впечатление от тех подчеркнута конфликтных планов развития, которые продвигают на глобальном уровне западные страны.

Другой характерной особенностью всех инфраструктурных инициатив, зарождающихся на Востоке, является их ярко выраженный гуманизм. С одной стороны, это проявляется в том, что культурно-исторические и цивилизационные аспекты обязательно принимаются в расчет при планировании и в ходе реализации любого инфраструктурного проекта. В случае с Японией, ориентированной на западные ценности, это не так заметно, однако в случае с Индией, к примеру, это сразу же бросается в глаза, особенно на фоне технократично безликих бизнес-планов, которыми являются такие чисто западные инициативы, как ТРАСЕКА или ТТП. С другой, главным бенефициаром любой инициативы здесь является человек и его жизненные потребности, которые, как уверены на Востоке, могут в полной мере реализоваться лишь в том случае, когда он взаимодействует в коллективе. При этом можно отметить, как концепция коллективизма проецируется в этом случае и на государственный уровень, на котором таксономическими единицами коллектива являются уже не просто отдельные личности, а целые страны и даже регионы. Они, как предполагается, также

могут реализовать себя наилучшим образом лишь в составе «коллектива единомышленников», то есть, в составе крупных интеграционных объединений. При этом формирование такого «коллектива» как раз и обеспечивает инфраструктура, позволяющая странам общаться, строить совместные планы и ставить перед собой такие цели, достичь которых в одиночку было бы просто невозможно. Другими словами, здесь мы наблюдаем то же самый примат общественного над личным, но применяемый уже в отношении целых государств.

Как неожиданный итог, в то время как каждая из предлагаемых странами Азии инициатив не выглядит самодостаточной и не способна в одиночку противостоять диктату западного мира, сочетание усилий всех стран Востока обладает потенциалом, превосходящим все предложенное миру до настоящего момента. О том, что совместные усилия Индии и Японии способны прекрасно дополнить друг друга, уже говорилось на страницах этой работы. Таким же очевидным, на самом деле, является и взаимная дополняемость планов Китая и Монголии, Китая и Казахстана, Китая и Индонезии, где ведущий и ведомый формируют идеальную пару, а результат их совместной работы приносит выгоду каждому из участников. Не только сочетаемость противоположных характеров, как в случае с Японией и Индией, или симбиотический союз интересов, как в ситуации с кочевыми соседями Китая, способны приводить к синергии, однако. Не менее впечатляющий эффект достигается и в том случае, когда изначально противопоставлявшие себя друг другу инициативы оказываются взаимно соответствующими в том случае, когда им удастся избежать открытого столкновения, как это происходит в случае с планами Японии и Китая на Шри-Ланке или России и Южной Кореи в Центральной Азии. Гармония в этом случае достигается как бы исподволь, по мере того как каждая из стран находит свою уникальную нишу и вносит свой посильный вклад в общее дело интеграции на континенте.

Подводя итог, можно утверждать, что та невероятная пестрота интеграционного ландшафта, которую мы в настоящее время наблюдаем на Востоке, является еще одной яркой манифестацией почитаемого здесь принципа единства в многообразии, который может и должен противопоставляться извечному западному желанию подвести все богатство и непохожесть мира под один стандарт, невыразительный и неизменный. В поощрении этого самого разнообразия, пожалуй, и сокрыт тот великий и плодотворный, настоящий гуманизм, которого современным процессам глобализации так до сих пор и не хватает.

Глава четвертая

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ КОРИДОРЫ РАЗВИТИЯ – СВЯЗЫВАТЬ, НЕ ПРИВЯЗЫВАЯ

Искусство глобализации

Согласно одному из действующих определений глобализации, она представляет собой «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни от культурной до криминальной, от финансовой до духовной»¹. Процесс этот является ничем иным, как проявлением естественного хода событий, который не зависит от воли человека или группы лиц и протекает по собственным законам в силу особенностей развития человеческого общества. В этом смысле глобализация подобна всем остальным природным и социальным процессам, которые изучают и анализируют науки о природе и науки об обществе. Изучают для того, чтобы выявить и объяснить закономерности их развития с тем, чтобы в дальнейшем использовать это знание об объективной реальности во благо людей.

История знает немало примеров того, как полученные в результате подобного познания сведения становились собственностью определенной группы лиц. Как правило, следствием подобной экспроприации знания являлось его дальнейшее использование в узкокорыстных интересах, будь то желание монополизировать власть или элементарное удовлетворение своих материальных потребностей. Иногда узурпировавшие, подобным образом, знание пытались, причем безуспешно, уверить своих соплеменников в том, что сами эти естественные процессы подчинены их воле, а стало быть, не могут полноценно протекать в том случае, если на то не получено санкции со стороны этой самой группы лиц. К примеру, к подобным действиям прибегали жрецы в Древнем Египте. Другим вариантом этой же традиции является традиционный сибирский шаманизм. Тунгусский шаман, к примеру, всерьез претендует

¹ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрею Э., Перратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. Москва: Праксис, 2004. С. 3.

на то, что те или иные его действия, а также обряды, совершаемые по его требованию, способны вызвать дождь, предотвратить падеж скота или излечить смертельно больного человека.

Для большинства наших современников притязания египетских жрецов на управление небесными светилами выглядят как исторический курьез, а вера сибирских аборигенов в чудодейственную силу шамана подвергается безжалостному осмеянию. В то же самое время, схожие по своей сути претензии ряда международных экспертов, организаций или даже целых государств на то, что от исполнения тех или иных экономических или политических обрядов, а также от неукоснительного следования выпускаемым ими рекомендациям зависит ход глобализации, не вызывает уместного в этом случае сарказма или хотя бы недоумения. Наоборот, до последнего времени эти своего рода шаманы новейшего времени, объявившие о том, что глобализация развивается по их рецептам и в соответствии с принципами, провозглашенными ими, приобретали все большую и большую власть над отдельными людьми и целыми странами. С видом оракулов, обладающих вневременной истиной, они заявляют о том, что глобализация находится в опасности, и только неукоснительное следование их теориям, запретам или регламентам способно предотвратить беду, которая может поразить ослушавшееся человечество. Стоит ли говорить о том, что те рецепты, что предлагает испуганному обществу эта каста новых жрецов, объявляются безальтернативными, а отказ от их исполнения означает обструкцию дерзнувшему поставить под сомнение «волю неба».

В реальности беда действительно может нагрянуть, но произойдет это лишь в том случае, если право истолковывать ход естественных процессов и направлять их в ту или иную сторону будет оставаться монополизированным подобными оракулами глобализации. Связано это с тем, что в то время как в распоряжении египетского жреца не было никакой возможности предотвратить солнечное затмение или разлив Нила, ситуация с социальными процессами несколько иная. С одной стороны, взять их под свой контроль или, к примеру, запретить, не представляется реалистичной задачей; с другой, возможность существенно повлиять на ход процесса действительно существует, и ее не стоит недооценивать. Некоторыми такая возможность рисуется как относительное благо, ибо позволяет избежать ненужных эксцессов и нежелательных девиаций в развитии. Не стоит забывать, однако, о том, что любые эксперименты над общественными процессами подразумевают опасности, схожие по масштабу возможного урона с теми, что таят в себе эксперименты с геномом человека. С одной стороны, по-

следствия такого вмешательства практически невозможно предугадать. С другой, возникает вопрос этики, ведь сложно гарантировать то, что потенциально разрушительные рычаги воздействия на процессы, которые действительно оказывают сильнейшее влияние на судьбы миллионов людей, окажутся в руках тех, кого действительно заботит общественное благо. Думается, что подобная социальная евгеника в том, что касается развития человека глобально, может быть особенно разрушительна, и любые эксперименты с ней следует проводить с максимальной осторожностью, а в лучшем случае и вовсе запретить.

То, что в наши дни происходит с глобализацией, является отличной демонстрацией порочности подобной практики. Не секрет, и об этом уже неоднократно говорилось, в том числе и на страницах этой книги, что монополизация этого процесса в одних руках ведет к фатальным диспропорциям в развитии отдельных регионов мира, росту имущественного и социального неравенства, и, как следствие, усилению конфликтности и общему росту напряженности в мире. Кроме того, нарушение естественного хода вещей приводит к нарушению баланса во взаимодействии общества и среды его обитания, что, в конечном итоге, оказывается разрушительным для человечества в целом. Кризисные явления современности действительно позволяют нам говорить о том, что принятые ныне на вооружение практики управления процессами глобализации с неизбежностью ведут к многоплановому социальному, экономическому, политическому и экологическому кризису.

Заключается ли проблема в том, что управление процессами оказалось в негодных руках или она все-таки состоит в том, что сама постановка вопроса об *управлении* является неверной? Другими словами, как все же следует относиться к повсеместно протекающим, а в последнее время и резко ускорившимися процессам глобализации? С точки зрения западного человека, воспитанного в жесткой рационалистической парадигме, ответ на этот вопрос очевиден — любой процесс должен быть взят под контроль, описан, и, в конечном счете, поставлен на службу человеку преобразующему, человеку потребляющему, человеку — властелину природы. Другими словами, человеку, не позволяющему событиям и предметам окружающего мира оказывать непосредственное влияние на ход его жизни и, в свою очередь, полагающему, что все они существуют лишь для того, чтобы удовлетворять его потребности. В подобном отношении к реальности заключается суть западного подхода к миру, который, так уж случилось, на протяжении столетий оставался доминирующим повсеместно.

Самое время в этой связи вспомнить о том, что для человека, воспитанного в другой традиции и руководствующегося в своих

действиях несхожей с западной системой ценностей, ответ может быть иным. В соответствии с китайским взглядом на мир, к примеру, Вселенная существует независимо от воли человека и развивается по своим законам, а стало быть, нет никакой возможности взять ее под контроль. Что не менее важно, не существует и никакого практического смысла в том, чтобы пытаться этого достичь. Скорее, истинным залогом успеха, процветания и, превыше всего, счастливой жизни общества в целом и отдельных его членов в частности является достижение полной гармонии с этими, протекающими независимо от воли человека, процессами, или, другими словами, полного соответствия их ритмам. Подобного состояния, в свою очередь, можно достичь лишь в результате досконального понимания их природы и точного следования за ходом их непрерывных метаморфоз. Не воздействовать силой своей воли на внешний мир, а аккуратно подстраиваться под его ритм; не завоевывать объективную реальность, а вмещать ее в себя; не пытаться изменить окружающих, а измениться самому. На первый взгляд, подобное отношение к жизни синонимично пассивности, на самом деле оно отражает более глубокое понимание сути вещей или явлений. В конце концов, следует позволить всем им просто быть и признать, что существуют явления, превышающие человека и неподвластные его контролю, но которые при этом могут быть использованы в его благо в случае, если он, в конце концов, научится понимать и безболезненно встраивать себя в закономерности их развития.

В случае с глобализацией, подобный подход означал бы включение человека или государства в протекающие помимо его воли процессы расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества при одновременном отказе от любых попыток направить эти процессы в определенное русло или тем или иным образом их идеологизировать. Только в этом случае устранялась бы возможность появления неравномерности в развитии тех или иных аспектов глобализации, а также минимизировался риск возникновения социального и экономического неравенства. «Глобализация существует, а человек, вместо того, чтобы, воздействовать на ее природу, всеми силами пытаясь направить ее в том или ином направлении, следует за ходом ее изменений и извлекает из этого пользу для себя», — вот подход, к которому в силу своего менталитета склоняется мысль Востока.

Интересно, что подобная мировоззренческая позиция до самого последнего времени приводила к тому, что бурно развивающиеся страны Азии всерьез не претендовали на то, чтобы формировать повестку дня в вопросах международной торговли или занимать

лидирующие позиции в ходе политической интеграции стран мира. Во главе всех этих процессов изначально стояли западные страны, которые, не желая признать новую реальность, до сих пор реагируют на любые попытки государств Востока играть более значимую роль на международной арене с плохо скрываемой смесью озабоченности и презрения. Между тем следование переменам и встраиваемость в процессы с целью максимального использования их потенциала, столь характерные для азиатского менталитета, и не предполагали никакой другой тактики в ситуации тотального доминирования стран Запада как в экономической, так и в военной, социальной и идеологических сферах. Очевидно, что в этих условиях любое открытое с ними противостояние представляло бы собой заведомо проигранное единоборство. По этой причине странами Востока был избран единственно верный путь – позволить западной цивилизации попасть в собственноручно сконструированную ловушку и исчерпать свои ресурсы, пытаясь обуздать или взять под свой контроль социальные процессы, развивающиеся по своим собственным законам. «Неразумно усмирять титана, вознамерившегося свернуть гору – стоит подождать, пока тот надорвет силы в своих безуспешных попытках, а затем воспользоваться плодами его трудов для того, чтобы взойти на эту самую гору и взирать на мир под ногами, осознавая его незыблемость». Возможно, подобное описание страдает излишней образностью, однако именно оно как нельзя лучше характеризует избираемую до недавнего времени странами Азии осторожную позицию в отношении глобализации, которую на Западе всегда трактовали как слабость.

На самом деле подобная стратегия предполагает не только выжидание благоприятного момента, но и подразумевает, что во времена, когда открытое действие не является возможным или не представляется целесообразным, следует постепенно, шаг за шагом, накапливать стратегический потенциал для того, чтобы в решающий момент его реализовать. Представляется, что именно эту ситуацию мы и наблюдаем в настоящее время, когда страны Востока, а в особенности Китай, накопивший за последние десятилетия достаточный потенциал для того, чтобы одним сокрушающим ударом вернуть себе позицию гегемона в мировой политической системе и в мировой экономике, готовы воспользоваться предоставляемым им самой историей шансом.

Шанс этот возник не потому, что окончательно ослабили страны Запада и не потому, что страны Востока стали достаточно сильными для того, чтобы вступить с ними в решающую схватку, которую так любят описывать в своих фантазиях полководцы и геостратеги. Истинно великим является тот, кто умеет побуж-

дать без боя, гласит китайская мудрость, и здесь она более чем применима. На самом деле, ситуация складывается таким образом, что накопивший существенный стратегический потенциал Восток является в настоящий момент не конкурентом, а единственным спасением для Запада, который в своих бесплодных усилиях по обузданию процессов глобализации дошел до естественного предела своих возможностей. В ситуации острого кризиса всей мировой экономической системы и неизбежного фиаско геополитических усилий по построению однополярного мира, сопровождающегося отчаянными попытками удержать в своих руках все нити управления, Запад вынужден призывать Восток прийти и занять те территории смыслов, которые до того были его вотчиной. Другими словами, сдается на милость победителей без борьбы².

В этой связи следует особо подчеркнуть, что Восток никогда не будет ставить своей целью нанесение окончательного поражения Западу, и тем более не будет предпринимать попыток изменить естественный ход процессов глобализации, требуя предоставить ему право писать новые правила игры для мировой экономики. Скорее, целью его включения в ход процесса является максимально эффективное использование сложившейся благоприятной геополитической и геоэкономической конфигурации в интересах своего дальнейшего развития. Не развития за счет других, а развития за счет максимальной реализации собственного потенциала. Именно так, в рамках восточного взгляда на мир вообще и искусства управления переменами в частности и следует, как представляется, рассматривать ярко выраженный тренд последнего десятилетия. Тренд, выводящий на авансцену мировой политики и экономики страны Азии, которые, в отличие от западного метода экономического и политического принуждения, предлагают совершенно другой способ построения глобального мира. Способ, который по аналогии с «Искусством войны» великого китайского стратега Сунь Цзы можно смело называть «Искусством глобализации».

² Символом окончательной капитуляции коллективного Запада перед коллективным Востоком явился Мировой экономический форум в Давосе в 2017 году, в ходе которого добровольно отказавшиеся брать на себя ответственность за судьбы мира Соединенные Штаты Америки де-факто передали ее в руки Китая. Важно отметить, что смена лидера произошла к обоюдному удовлетворению сторон. Чуть ранее в этой же позиции оказался Советский Союз, добровольно передавший КНР право называться ведущей социалистической страной мира.

Контурь глобальных трансформаций: восточная модель

В наше время не приходится говорить о том, что Восток, окончательно повернув колесо истории вспять, смог утвердить в мире свой собственный подход к участию человека в процессах глобализации. Более того, не совсем верно полагать, что подобный подход вообще был кем-то сформулирован. На самом деле, в странах Азии до настоящего момента так и не появилось четко артикулированного и при этом целостного видения системы международных отношений, которое было бы сопоставимо по уровню влияния или по глубине теоретической проработки с тем, что в этой связи предлагает Запад. Скорее, мы пока наблюдаем лишь зарождение того нового миропорядка, которому предстоит еще многое сделать для того, чтобы с ним стали считаться сегодняшние лидеры глобального мира.

В то же самое время следует отметить, что то снисходительное отношение, которое свойственно западным странам в отношении любых предложений выстраивать равноправные отношения с Востоком, является проявлением излишней и при этом ничем не оправданной самоуверенности с их стороны. Глобализация в восточном стиле, и это необходимо признать, уже давно перешагнула порог чисто кабинетного размышления или простого благопожелания. Она реальна и осязаема, и существует не только в форме умозрительной концепции, но и в качестве вполне конкретного плана действий, при этом обеспеченного необходимыми экономическими и техническими ресурсами и подкрепленного политической волей. Закрывать на это глаза в эйфории самонадеянности было бы неппростительным самообманом, на который, кстати говоря, возлагают определенные надежды отдельные стратеги и в самой Азии. Они надеются, что, усыпленный своими успехами, Запад даже и не заметит, как его глобалистский проект окажется окончательно неактуальным и полностью утратит первенство.

Возможно, одной из причин того, что «глобализация по-восточному» до сих пор оказывается не в состоянии тягаться с западными императивами, является ее сильная внутренняя неоднородность, вызываемая жестким противоборством различных взглядов на ее природу и на перспективы развития в контексте задач, стоящих перед человеком и человечеством. Безусловно, это вызвано тем, что сама Азия не монолитна ни с культурной, ни с исторической точек зрения. Более того, отношения между различными государствами этого обширного региона зачастую омрачаются многолетними конфликтами и неразрешимыми противоречиями. Отдельные страны, такие как Индия и Китай, или, к примеру, Южная Корея и Япония, временами испытывают столь силь-

ную неприязнь друг к другу, что даже налаживание элементарного политического диалога является для них трудновыполнимой задачей. В этих условиях мечта об успешном сопряжении усилий по реформированию мировой экономики выглядит и вовсе утопичной. В результате, даже поверхностный взгляд на интеграционные инициативы, имеющие азиатское происхождение, выдает их чрезмерную пестроту и мозаичность. При этом также бросается в глаза и то, что отдельные фрагменты этой замысловатой мозаики не просто плохо сочетаются друг с другом, но и зачастую находятся в остром конфликте между собой.

Наличие культурных, исторических и политических разногласий усугубляется в этом случае еще и тем, что страны Азии находятся на неодинаковых уровнях экономического и технического развития, а стало быть, вынуждены в процессе интеграции решать совершенно разные задачи. В то время как для таких экономических гигантов, как Япония или Китай, на повестке дня стоит вопрос избыточности производственных мощностей и ощущается острая необходимость в проведении внешней экспансии, для других стран региона, которые не обладают даже собственной транспортной и производственной инфраструктурой, проблема заключается совершенно в ином. В этом смысле характерен пример Индии, являющейся одним из крупнейших государств мира, которое при этом обладает значительным политическим, демографическим и военным потенциалом. Не стоит забывать и о том, что культура Индостана оказала огромное влияние на развитие человеческой цивилизации в целом. При этом, несмотря на то что страна в последние годы демонстрирует завидные темпы экономического роста, говорить о том, что Индия может стать крупным экспортером инфраструктурных решений и конкурировать на этом поле с Китаем и Японией, или, тем более, с западными странами, пока не приходится. На самом деле, речь в ее связи может идти лишь о привлечении инвестиций в собственную экономику и о развитии внутренней инфраструктуры с иностранной помощью.

Бросаются в глаза и те различные представления о масштабах интеграционных усилий, которые имеют в виду страны континента, выступающие с теми или иными инициативами. В то время как горизонт планирования одних не выходит за рамки собственной территории и территории их ближайших соседей, другие мыслят, по крайней мере, региональными категориями. Интересно, что размах планов зависит не только и не столько от размера страны или от мощи ее экономики, сколько от того, какие идеологические приоритеты ставят перед собой национальные элиты. В то время как относительно небольшие государства, такие как Турция или

Южная Корея, смело включают в планы удаленные регионы планеты, на территорию которых они всерьез рассчитывают распространить свое влияние, другие страны искусственно ограничивают себя лишь непосредственным окружением. К таким «малоамбициозным» державам можно отнести ту же Индию, замыкающую себя в бассейне Индийского Океана, или, к примеру, Россию, сосредоточившуюся в последнее время лишь на удержании своих позиций в Центральной Азии. Пожалуй, из всей когорты азиатских государств в настоящее время лишь Китай, чьи интересы простираются не только на традиционные для него сферы влияния, но и достигают самых дальних уголков Евразии, готов примерить на себя роль глобальной державы и бросить серьезный вызов Западу.

Не меньшую сумятицу в картину азиатских интеграционных планов вносят и внешние по отношению к региону игроки. Обусловлено это не только тем, что многие из них вплоть до настоящего времени не оставляют надежд навязать здесь свои правила игры или взять процессы усиления сопряженности в Евразии под свой контроль. Важнее то, что отдельные страны региона в проведении своей суверенной внешнеэкономической политики предпочитают ориентироваться на различные центры силы, находящиеся за его пределами. В результате, приведение к единому стандарту и без того разношерстного конгломерата азиатских стран становится еще затруднительнее. В этом контексте можно привести пример Казахстана, в проведении своей многовекторной политики открыто ориентирующегося на сотрудничество с Европой и, как следствие, на соответствие своей экономики и даже политической системы европейским стандартам. С другой стороны, Южная Корея или, в еще большей степени, Япония, которые уже давно прошли точку невозврата в том, что касается зависимости, в том числе и культурной, от США, зачастую испытывают больше интереса к транстихоокеанским инициативам последних, чем к проектам своих ближайших соседей по Евразии.

Особняком в данном случае стоит Россия, для которой проблема экономической, политической и ценностной ориентации усугубляется ее извечными философскими метаниями между Западом и Востоком. Принуждаемая самой географией уделять как можно больше внимания азиатскому вектору своей экономической и демографической политики, Россия никогда не отождествляет себя с той частью света, на которой находится большая часть ее территории. В результате, большинство ее инициатив на восточном направлении оказываются всего лишь следствием ее успехов или неудач на западном театре интеграционных усилий. Как итог, она оказывается внешним игроком для Азии, несмотря на то что явля-

ется самой крупной державой в этой части света. Частично это связано и с тем, что с точки зрения культуры, истории и антропологии Россия все-таки принадлежит к той самой европейской цивилизации, о закате которой так много говорят. Несмотря на сильную интеллектуальную традицию противопоставления России и Запада, для большинства государств Азии она также является частью именно западной цивилизации — со всеми плюсами и минусами, которые подразумевает этот статус.

Как ни парадоксально, но та повышенная культурная, социальная, экономическая и политическая гетерогенность, которой вообще характеризуется Азия, таит в себе не только риски, но и значительные возможности. Вообще говоря, с точки зрения культурной динамики, именно возрастающая гомогенность воззрений и оценок, которая свойственна современной Европе, неминуемо приводит к истощению творческого потенциала цивилизации. В этой связи нелишним будет вспомнить о том, что в пору расцвета западную мысль отличала такая же множественность школ и подходов, как и та, что в наши дни наблюдается в Азии. При этом конфликты между странами Европы были столь сильными, что периодически выплескивались вовне и являлись причиной мировых войн. Однако по мере того как становилась косной и негибкой творческая и научная мысль, а политическая корректность приводила к исчезновению, как класса, независимых суждений, позиции Запада становились все более предсказуемыми и унифицированными и при этом все менее продуктивными. С одной стороны, это до сих пор обеспечивает ему видимость консолидации, с другой, является бомбой замедленного действия. В случае, когда в том или ином обществе не происходит противоборства подходов и концепций, его развитие останавливается³. В этом смысле, Азия находится в гораздо более выигрышной ситуации, ведь в жарких спорах по поводу природы глобализации и приемлемых моделей глобальной интеграции, которые бушуют в наши дни на Востоке, действительно возможно рождение истины — хотя бы и в процессе естественного отбора.

С другой стороны, представление о том, что в этой части света идет борьба на уничтожение всех против всех, также не совсем верно. Скрупулезный анализ интеграционных инициатив, выдвигаемых странами Востока, показывает, что в действительно-

³ Неизбежность этого процесса была предсказана в свое время российским экономистом Марком Голанским, который, на основании собственных математических моделей, доказывал, что капитализм неизбежно стремится к точке насыщения, и, как итог, утрачивает способность к дальнейшему развитию. *Голанский М.М.* Что нас ждет в 2015 году? Москва: Наука, 1992.

сти планы одних государств региона довольно часто сочетаются с усилиями других, хотя с первого взгляда они и выглядят как взаимоисключающие. В этой связи можно вспомнить, к примеру, о симбиотическом партнерстве Японии и Индии. Начисто лишенное поэтичности, но при этом досконально продуманное и отлично обеспеченное ресурсами «Партнерство для качественной инфраструктуры», которое настойчиво продвигает Токио, выглядит как полная противоположность разнообразным, но мало продуманным планам интеграции, с которыми любят в последнее время выступать в Нью-Дели. В отличие от японской инициативы, индийские проекты характеризуются образностью и красивыми метафорами, что делает их особенно притягательными для простых людей в любой точке света. В то же самое время говорить о наличии конкретного плана действий по их реализации или хотя бы об обеспеченности самыми необходимыми ресурсами в данном случае не приходится. При всей этой несхожести в подходах, обе страны неплохо взаимодействуют между собой на различных уровнях, и, возможно, именно эта их непохожесть выступает залогом того, что Индия и Япония столь успешно дополняют друг друга.

Схожая ситуация взаимной сочетаемости разнонаправленных интересов наблюдается и в отношениях Китая с его соседями на севере и на западе. В то время как КНР активно стремится расширить свой внутренний рынок за счет продления национальных инфраструктурных коридоров за пределы своих государственных границ, Казахстан и Монголия испытывают острую потребность в развитии современных путей сообщения. Интересы партнеров по диалогу, очевидно, совпадают. Что интересно, придерживающиеся в своей внешней политике своеобразного «многовекторного» подхода правительства последних двух стран не слишком переживают о том, что активное участие Китая в развитии их экономики может привести к возрастанию политической или культурной зависимости. Наличие так называемого «третьего соседа» и постоянно поддерживаемый баланс во взаимоотношениях с Китаем и другими внешними центрами силами видится им гарантией того, что их суверенитет в любом случае будет незыблемым.

Наконец, некоторые страны Евразии выдвигают и вовсе схожие инициативы, которые лишь на первый взгляд кажутся противоречащими друг другу. На самом же деле, те цели и задачи, которые они провозглашают приоритетными, практически полностью совпадают. В этой связи можно упомянуть, к примеру, «Евразийскую инициативу» Южной Кореи и Транс-Евразийский пояс «Развитие», который активно продвигают эксперты в Российской Федерации. Оба этих плана подразумевают строительство инфра-

структуры нового типа, способной стать основой для создания креативной экономики. В каждом из них уделяются особое внимание российскому Дальнему Востоку и подчеркивается связь между наличием мирного диалога между странами мира и экономическим процветанием каждой из них.

Все это позволяет говорить о том, что видимое разнообразие и разновекторная направленность интеграционных инициатив отдельных стран Азии не является препятствием на пути их плодотворного взаимодействия. Более того, именно подобная конкуренция взаимно дополняющих идей является залогом успешного развития каждой из инициатив, и, в конечном итоге, способна привести их к достижению гармонии без необходимости взаимного уничтожения. Гармонии расчета и эмоций, гармонии большого и малого, гармонии слабого и сильного, гармонии человеческого и машинного, гармонии важности успеха и тех жертв, которые необходимо положить на его алтарь. Представляется, что именно способность к достижению такой гармонии на основе сочетания несочетаемого и является одним из самых характерных признаков восточного подхода к жизни вообще и к вопросам глобализации в частности. Одним из самых характерных, но при этом далеко не единственным, впрочем.

На самом деле, для того чтобы обнаружить глубинное единство всех восточных инициатив, достаточно сравнить их с западными концепциями глобализации. Именно в противопоставлении и стоит искать то общее, что действительно объединяет столь непохожие друг на друга теоретические построения и практические планы, которые выдвигают последнее время страны Азии. Безусловно, необходимо уделить внимание не только тому, что отмечают в этой связи европейские исследователи, но и прислушаться к наблюдениям их восточных коллег также. В этом случае можно обнаружить, что кроме уже отмеченного выше разнообразия, в своем пределе стремящегося к гармонии, восточный подход отличает также стремление к избеганию прямой конфронтации. В отличие от идеи тотального противоборства и вытекающего из него стремления к полному уничтожению конкурентов, являющегося в какой-то степени стандартом поведения на Западе, на Востоке превалирует дружеская состязательность, результатом которой является взаимное проникновение конкурирующих между собой планов или концепций. При этом граница противостояния никогда не бывает четко обозначенной, ведь то, что кажется светлым сегодня, может оказаться темным уже завтра. Привыкшие мыслить черно-белыми категориями западные исследователи, к примеру, настойчиво пытаются противопоставить проект создания Евразийского эконо-

мического союза и китайскую инициативу «Пояс и Путь». С точки зрения же восточных мыслителей никакого противостояния здесь вовсе не существует, ведь два этих проекта могут спокойно сосуществовать, в чем-то дополняя друг друга, в чем-то подстегивая к более активным действиям партнера по диалогу.

В точно такой же степени это касается и пресловутой многовекторности стран Центральной Азии, которая так часто раздражает политиков в России и в странах Европы, настаивающих на том, что страны региона должны сделать окончательный выбор в пользу того или иного внешнего игрока. В то же самое время китайцев несколько не смущает неразборчивость в партнерах, которую они встречают в Казахстане или в Монголии, ибо это вполне вписывается в их собственные мировоззренческие построения. Проблема тут даже не в том, что подобная «многовекторность» вполне может оказаться при определенных обстоятельствах даже выгодной Китаю. Дело скорее в специфическом восточном подходе к вопросам этики во взаимоотношениях партнеров, которая предполагает определенную эфемерность любых границ и неустойчивость любых обещаний, а также многогранность правды и относительность честности как таковой. Интересно, что в такой интерпретации конфронтация становится бессмысленной, ведь любая победа в любой другой момент времени может запросто оказаться поражением, и наоборот.

Кроме отмеченных выше стремления к гармонии, избегания конфронтации, а также наличия истинного разнообразия в подходах и оценках, восточному подходу присуща также сдержанность в планах и оценках и постоянно подчеркиваемая забота об общем благе. «Небо и Земля долговечны потому, что они существуют не для себя», утверждали ученые мужи Китая; их современные коллеги также настаивают на важности самоотрицания. Япония заявляет о том, что стремится лишь к гармоничному развитию стран – реципиентов ее экономической помощи, Турция вкладывает значительные ресурсы в образование для жителей далекой Киргизии, Китай настаивает на том, что его масштабные инфраструктурные проекты способны изменить к лучшему жизнь простых людей на Шри-Ланке. Безусловно, в основе любого из планов находится хитросплетение экономических и политических интересов инициаторов процесса, и их можно без труда отыскать в каждом конкретном случае. Однако недооценивать тот факт, что для того, чтобы тот или иной план был с пониманием воспринят окружающими, в нем обязательно должна присутствовать забота об общем благе, тоже не стоит.

Как не стоит недооценивать и привычку умалять свои собственные достижения и избегать громогласных, агрессивных ло-

зунгов, что также свойственно странам Востока. Достаточно сравнить риторику американских планов и планов Китая, чтобы понять, в чем именно заключается восточный подход и чем именно он отличается от западного. Наблюдатели со стороны иногда видят в этой излишней скромности лишь проявление специфического азиатского коварства и изощренного лицемерия. По своей привычке мерить других собственными мерками, они даже подозревают страны Азии в наличии неких секретных и не разглашаемых планов, однако думается, что подобное различие в публичной риторике объясняется разными мировоззренческими установками и представлениями о том, как вообще должны выглядеть общественные приличия.

Несмотря на то что все вышеуказанные различия западных и восточных моделей действительно существенны, представляется, что самой значимой особенностью последних все же является их подчеркнутая ориентированность на всестороннее развитие человеческой личности. Необходимо при этом оговориться, что подобное развитие, с точки зрения восточной мысли, возможно лишь в рамках коллектива, а потому именно благоденствие последнего и ставится во главу угла всеми без исключения стратегами в Азии. Сильное, монолитное, гармоничное и дружелюбное общество, или точнее, совокупность обществ, объединенных моральными принципами, схожими, но не идентичными целями и общими интересами в рамках сообщества единой судьбы — так, с их точки зрения, выглядит условие и одновременно цель любых интеграционных усилий. В его рамках легко и естественно достигается гармония, ибо здесь немислима конфронтация, но при этом существует истинное многообразие — а значит, именно тут комфортно чувствует себя каждый человек, который может в этом случае реализовать свои духовные и социальные запросы. С одной стороны, появление такой модели развития обусловлено всей историей развития восточной мысли, с другой, ее необходимость является требованием нашего времени. Именно это уникальное сочетание древности и современности, как представляется, и является основной причиной того, что до конца не оформленный и внутренне противоречивый восточный подход к международной интеграции завоевывает все большую популярность и может стать в будущем ведущим.

Может ли это, в свою очередь, означать, что мир сменит одни оковы на другие, и вместо диктата западных ценностей, оформленных в концепции глобализма, следует быть готовыми к тому, что человечество будет принуждаемо к следованию в русле восточной идеологии? Стоит ли опасаться того, что процессы глобализации попытается взять под контроль и в дальнейшем использо-

вать в своих интересах определенная группа лиц — только в этот раз лиц, пришедших с восточной оконечности Евразии? Несмотря на то что многими азиатские интеграционные инициативы до сих пор не воспринимаются в качестве реальных альтернатив западным проектам, подобные вопросы все-таки тревожат тех экспертов, которые в состоянии уловить осязаемое смещение геостратегического баланса и с нескрываемой озабоченностью наблюдают за тем, как на «Востоке восходит новое солнце».

На самом деле их опасения далеко не беспочвенны. С одной стороны, многие из тех черт, которыми до сих пор характеризовался восточный подход к глобализации, убеждают нас в том, что тревога по поводу установления новых жестких детерминант в мировой экономике или в глобальной политике является безосновательной. Действительно, кодекс классических азиатских ценностей, которые на плечах успешных интеграционных инициатив стран Востока могут на какое-то время стать системообразующими для всего мира, предполагает обязательное наличие равноправного диалога, действенное поощрение культурного и социального разнообразия и избегание любой конфронтации. Стало быть, не существует серьезного повода для того, чтобы подозревать страны Азии в попытках полного искоренения конкурентов в лице Запада или навязывания, прямо или косвенно, своего видения путей дальнейшего развития всего человечества. Принимая же во внимание тот пиетет, который многие на Востоке испытывают в отношении западной культуры, включая, в том числе, и западные ценности, следует ожидать не доминирования какого-либо одного подхода, а, скорее, взаимно обогащающей конкуренции идей и моделей. Подобный сценарий развития событий представляется наиболее реалистичным, причем безотносительно того, как именно будет меняться экономическая конъюнктура.

Однако полностью исключать вариант игры на устранение, к которому могут прибегнуть некоторые азиатские страны в ходе реформирования основ мирового порядка, все-таки нельзя. В этой связи можно напомнить о том, что восточная мудрость утверждает, что и в белом содержится частичка черного, и в позитивном присутствует негативное. Известно, к примеру, что и среди теоретиков, и среди лиц, принимающих практические решения, в той же самой Азии встречаются апологеты агрессивного стиля. С их стороны, при определенных обстоятельствах, можно ожидать резких и односторонних шагов, типичных, скорее, для западноевропейской «дипломатии канонеров». С другой стороны, некоторые страны, номинально относящиеся к азиатской культуре, столь глубоко пропитались западным мировоззрением, что их политика

являет собой своеобразное сочетание противоположных подходов, где в опасной пропорции соединяются западная непреклонность и восточная хитрость. В этой связи достаточно упомянуть Японию и, чуть в меньшей степени, Южную Корею.

В то же самое время не стоит недооценивать также силу и напористость современного Китая, военный потенциал и экономическое могущество которого удачно дополняются его особой исторической ролью в Азии и величию его культурного и философского наследия. В совокупности все эти факторы предполагают, что КНР никогда не согласится играть в процессе глобализации второстепенные роли, а потому вопрос того, каким именно этой стране видится масштаб своего будущего геополитического влияния, будет сохранять свою актуальность в течение еще очень длительного периода времени.

Главная проблема, однако, заключается не в вероятных эксцессах политики глобализации в восточном стиле и даже не в том, как будут вести себя те или иные страны Азии в ходе этого процесса. Гораздо важнее понимать, не станет ли та новая, в теории, значительно более гуманная и ориентированная на сотрудничество и на развитие личности система международных отношений, которую они в настоящее время предлагают построить, всего лишь реинкарнацией западного глобализма. Другими словами, не ограничится ли процесс реформы парадигмы мирового развития простой подменой ярлыков, когда преобразование затронут лишь внешние образы и рекламные лозунги, а в конечном итоге сменятся лишь флаги на флагштоках возле зданий штаб-квартир международных организаций да гражданство лиц их возглавляющих? Не окажется ли в результате человечество в путях нового глобализма, пусть и пришедшего в этот раз с Востока, а не с Запада? Как представляется, вероятность такого развития события все же не стоит недооценивать, однако существует и рецепт того, как этого можно и нужно избежать.

Трансграничные коридоры развития

Все дело в том, что, возможно, самыми перспективными и оригинальными идеями из тех, что были за последнее время озвучены в Азии в отношении моделей будущего развития, являются проекты по строительству трансграничных коридоров развития. На самом деле, предложения по созданию этих специфических объектов глобальной геополитической архитектуры в том или ином виде присутствуют практически во всех новых инициативах, посвященных процессам интенсификации международного сотрудничества на

континенте. В этой связи можно отметить и российское предложение о строительстве Транс-Евразийского пояса «Развитие», и корейскую «Евразийскую инициативу», и план «Центрального коридора», который продвигает Турция, и монгольский проект «Степного коридора». Схожие идеи, хотя и облаченные в несколько иные формулировки, выдвигаются также руководством Казахстана.

Как представляется, именно такой подход к глобализации и является тем спасительным рецептом, который поможет миру провести необходимые реформы, избежав при этом пут нового глобализма. Для того чтобы проиллюстрировать справедливость данного утверждения, представляется необходимым рассмотреть саму идею строительства коридоров развития и ее философские предпосылки чуть подробнее. Прежде всего стоит упомянуть о том, что в рамках представлений о путях развитии человечества, отстаиваемых глобалистами, одним из основных препятствий на пути глобализации им видится существование национальных государств и государственных границ, их олицетворяющих и ими порождаемых. В этом утверждении есть доля истины. С одной стороны, присутствие на карте мира множества разделенных политическими и административными барьерами суверенных государств означает, что обмен товарами и идеями, а также свободное перемещение людей по всей территории земного шара становится затруднительным и никогда не может стать полностью свободным. Необходимость получения виз и регистраций, отличающееся от страны к стране законодательство, разные валюты и платежные системы, непохожие технические и образовательные стандарты, а также языковое разнообразие порождают определенную сумятицу и путаницу. В то же самое время периодически возникающие противоречия между отдельными государствами, иногда перерастающие в открытую конфронтацию, а также протекционистские действия тех или иных стран действительно снижают возможность построения в обозримом будущем единого экономического и культурного пространства на всей территории планеты. Наличие границ, кроме всего прочего, также означает, что на пути движения товаров, капитала и трудовых ресурсов возникают физические и административные преграды, которые его существенно затрудняют. Таможенные процедуры и обязательные сборы, пограничный контроль и линии отчуждения вдоль государственных рубежей раздражают простых граждан и вызывают рост издержек для бизнеса, а потому, как правило, ни у кого не вызывают положительных эмоций.

В этом контексте, необходимость существования обособленных друг от друга суверенных государств и символизирующих их власть национальных границ все чаще ставится под сомнение. Они, как

правило, видятся лишь как препятствующие расширению взаимодействия между народами мира, искусственные и в целом никому не нужные барьеры. В рамках доктрины глобализма они, с присущей ей общей категоричностью, и вовсе объявляются досадным рудиментом прошлого; как и следует ожидать в этом случае, против них всюду ведется пропагандистская кампания на уничтожение. Ю. Хабермас, к примеру, утверждает, что внешний суверенитет государств давно стал анахронизмом и в настоящее время возникает практическая необходимость в создании политически дееспособных учреждений на наднациональном уровне⁴. Некоторые же, особенно рьяные, представители глобалистского лагеря и вовсе предвидят скорую расправу над ненавистным врагом. Как уверяет своих читателей С. Хантингтон, к примеру, мы *уже* «стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства – “бильярдного шара”, принятого за норму со времен Вестфальского мира»⁵.

На самом деле, в эйфории по поводу строительства дивного, нового мира без границ и государств забывают о том, что именно они являются единственным гарантом цивилизационного многообразия. Любая культура и любая социальная группа становятся таковой и обретают идентичность только в том случае, когда и сами ее представители, и окружающие ее «другие» признают наличие объективной и осязаемой границы между членами данной группы и теми, кто к ней не принадлежит. Безусловно, в этом случае речь не всегда идет об административном рубеже, ведь в качестве маркера идентичности гораздо чаще выступают культурные, социальные, физические, или даже полностью вымышленные, абстрактные линии разграничения. Однако при всем при этом не стоит забывать, что именно существование суверенного государства и осязаемой государственной границы со всеми ее обязательными и не всегда приятными на глаз атрибутами является самым действенным фактором сохранения той или иной национальной культуры. Не случайно, что именно об укреплении границ заходит разговор каждый раз, когда под угрозой находится идентичность той или иной группы, ими порожденной.

Другими словами, наличие национальных государств и четко обозначенных рубежей между ними является необходимым условием сохранения культурного, политического и социального многообразия на планете. В то же самое время, их частичное размытие или, тем более, полное уничтожение может привести лишь к гомо-

⁴ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Москва: Наука, 2008.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: Изд-во АСТ, 2003. С. 37.

генизации и унификации человечества. Это, возможно, и хорошо для удобства ведения бизнеса или для организации туристических поездок, однако воистину губительно с точки зрения сохранения видового разнообразия *homo sapiens* в целом.

Иными словами, существование границ является обязательным условием развития человечества как системы. Известно, что движение вперед требует совершения работы, что становится возможным как раз в том случае, когда существует разность потенциалов между отдельными частями целого. Несмотря на постоянное тяготение друг к другу, они, однако, не должны поглотить друг друга целиком, ибо в этом случае теряется их совокупный потенциал, а при наихудшем сценарии противоположности и вовсе аннигилируются. Как несложно догадаться, действенной гарантией от того, что подобный сценарий не будет реализован на практике в глобальном масштабе, как раз и являются границы между государствами. В случае их нормального функционирования, соседние страны притягивают друг к другу тысячи нитей, но при этом они все же лишены возможности составить единое целое. Это, в свою очередь, гарантирует невозможность обнуления разницы их потенциалов.

Очевидно, что здесь присутствует противоречие. С одной стороны, современные национальные государства и порождаемые ими государственные границы являются гарантами сохранения культурного, социального и политического многообразия. Именно многообразие создает разность культурных потенциалов, которая, в свою очередь, является неисчерпаемым источником энергии для развития человека как вида. С другой, те же самые границы постоянно воздвигают препятствия на пути углубления взаимодействия между различными группами людей, а также обмена идей и идентичностей, носителями которых они являются. Таким образом, их существование становится помехой на пути реализации потенциалов, порожденных многообразием.

Противоречие это, как несложно заметить, сугубо диалектическое, а потому динамика разнонаправленных сил, одни из которых препятствуют глобализации, а другие ей же способствуют, всегда являлась гарантией сбалансированного развития человечества как системы. С одной стороны, каждая из сторон была вынуждена постоянно предпринимать попытки одержать победу в извечном споре, с другой, невозможность окончательного торжества какой-либо одной из них, делала конфликты между ними источником напряжения, а стало быть, и источником их развития. Собственно говоря, история глобализации как процесса устранения барьеров и облегчения общения между народами в неразрывной связи с процессами противодействия этим усилиям, направленны-

ми на сохранение многообразия, до последнего времени являлась наглядной демонстрацией универсальности принципа единства и борьбы противоположностей.

Однако желание современных глобалистов рассматривать полностью в духе европейского образа мышления, любой естественный процесс как репрезентацию битвы добра со злом привнесла в диалектическое противостояние двух течений глобального развития нездоровую тенденциозность в подходах. В результате было заявлено о том, что постепенное слияние людей в бесформенную массу лишенных собственных идентичностей атомов является единственно возможным итогом развития человечества. Мир без рубежей и единое, безликое человечество были объявлены идеалом будущего мироустройства. Все же то, что мешает движению к этой цели, подлежало окончательному и бесповоротному устранению. В категорию приговоренных, таким образом, к уничтожению атакvizмов попали, в частности, национальные государства и обозначающие их границы. Сбалансированность процессов глобализации, как несложно заметить, оказалась при этом поставлена под угрозу, и над цивилизационным разнообразием как источником развития всего человечества нависла серьезная опасность.

На самом деле, существование национальных государств и крепость разделяющих их государственных границ не являются тормозом на пути движения человечества к настоящему единению в случае, если потенциал, ими порождаемый, направляется в нужное русло. Именно этому, как предполагается, и могут способствовать коридоры развития, выстраиваемые на основе инфраструктуры. В качестве альтернативы крестовому походу глобалистов их разработчики предлагают более взвешенную, и при этом более эффективную формулу для солидарного развития множества сохраняющих свою автономность субъектов.

С одной стороны, любые инфраструктурные коридоры, связывающие между собой государства, способствуют созданию единой, комплексной сети взаимозависимых и заинтересованных друг в друге участников трансграничного диалога. Транспортные артерии, трубопроводы и линии электропередач, каналы коммуникаций служат надежным каркасом для формирования прочных межгосударственных, и, что еще важнее, межличностных связей. Именно на их основе в дальнейшем может формироваться сплоченное сообщество участников глобализации нового типа, каждый из которых обладает своими, ярко выраженными особенностями, но при этом осознает общие интересы всех остальных игроков. Инфраструктурное развитие делает их взаимодействие более удобным и легче реализуемым, а стало быть, более насыщенным и при

этом более осмысленным, наполняя его конкретным содержанием и вовлекая в процесс самые широкие слои населения. Другими словами, международные инфраструктурные коридоры действительно способствуют глобализации, устраняя многие из существующих препятствий на пути ее ускорения. Трансграничное общение в результате их строительства и развития превращается в обыденность, в факт доступной повседневности, теряя при этом свою нарочитую эксклюзивность. В результате, его плодами могут пользоваться не только представители космополитичных элит, как это имеет место быть в настоящее время, но и простые граждане всех стран участников процесса. В этом смысле, с точки зрения эффективности, смещение акцентов в сторону создания новых инфраструктурных коридоров выглядит более предпочтительной тактикой по сравнению с традиционной моделью глобализации, основанной на постепенном слиянии первоначально непохожих друг на друга субъектов международного права в единую, гомогенную политико-экономическую общность.

С другой стороны, в отличие от современной модели, реализация которой приводит, в конце концов, к утрате народами и государствами своей идентичности и растворению их в общечеловеческой глобальной массе, инфраструктурные коридоры не приводят к размыванию границ и не нарушают суверенитет тех стран, через которые они прокладываются. Как раз наоборот, их появление парадоксальным образом способствуют росту важности этих понятий. Так происходит не потому, что планировщики трансграничных коридоров руководствуются в своей деятельности какими-то особыми этическими или идеологическими принципами. Подобный эффект достигается, скорее, в силу того, что сам факт исчезновения границы или фатальной эрозии чьей-то национальной самобытности делает существование коридора менее актуальным.

Не секрет, что причиной появления последнего на свет является необходимость в усилении связанности между собой двух или более субъектов, которые обладают взаимно дополняющими друг друга качествами. Перевозка тех или иных товаров на железнодорожном транспорте требуется потому, что в силу различий между отдельными странами их производство выгодно наладить в одном месте, а потребление при этом осуществляется в другом. Туристические поездки совершаются потому, что культура одной страны сильно отличается от культуры другой, и лишь по этой причине возбуждает интерес. Люди стремятся трудоустроиться в значительно удаленном от них регионе лишь потому, что уровень жизни и экономический ландшафт там сильно отличается от того, что превалирует в районах их постоянного проживания. В том же слу-

чае, если все эти различия окончательно стираются, необходимость в инфраструктуре, связывающей между собой абсолютно идентичные территории, ставится под сомнение. В гипотетической ситуации, когда Китай и, к примеру, Италия полностью теряют свою специфику, отпадает потребность в осуществлении между ними какого-либо обмена товарами, людьми или идеями, ведь все то же самое можно будет найти в непосредственной близости от себя. В тот момент, когда Ойкумена становится полностью гомогенной, каждая из ее частей является самодостаточной, а стало быть, потребность в инфраструктурных коридорах, которые способствовали бы обмену между непохожими друг на друга территориями, существенно снижается.

Можно сказать, что именно в силу этой своей особенности инфраструктурные коридоры, помогающие преодолевать расстояния, стоят на страже существующих различий между отдельными государствами, а стало быть, способствуют сохранению культурного и экономического разнообразия на планете. При этом они пестуют ту самую разность потенциалов, которая полностью исчезает в гомогенном глобальном обществе, и которая остается всего лишь нереализованной возможностью в случае, если общения между странами не происходит вовсе. Не нарушая гармонии разнообразия, они создают и воссоздают единство общества.

В этом смысле инфраструктурные коридоры представляют собой своеобразный, секуляризованный вариант *axis mundi*, или оси мира. Не в том, конечно, смысле, что они обладают возможностью соединять между собой мифологические пространства. Суть данной аналогии, скорее, в том, что, не принадлежа полностью какой-либо одной из тех стран, что они связывают между собой, коридоры в то же самое время являются важнейшей составной частью социально-экономического и политического ландшафта каждой из них. Обеспечивая единство и взаимосвязанность мира, они при этом не растворяются в нем и, очевидно, сохраняют до конца свою ярко выраженную субъектность. Трансцендируя дихотомию центра и периферии, преодолевая противоречивость развития и отсталости, устраняя физические расстояния и культурные различия, они в то же самое время утверждают ценность этих самых различий, укрепляя и поощряя их фактические проявления. Помогая устранению преград и перегородок на пути глобализации, которыми до сих пор опутан мир, они в то же самое время не позволяют этому миру утратить питающее его многообразие.

Стоит отметить еще и то, что инфраструктурные коридоры не только сберегают существующие политические, административные и даже физические границы, но и сами, в конце концов, берут на

себя роль таковых. Для иллюстрации этого кажущегося парадоксальным тезиса достаточно представить себе автомагистраль, с трудом продирающуюся сквозь плотную городскую застройку. С одной стороны, любая новая транспортная артерия позволяет связать удаленные районы мегаполиса, делая более удобным и быстрым перемещение из одной его части в другую. С другой, та же самая дорога становится новым разделителем, возводя зачастую непреодолимую преграду между домами, которые до момента ее прокладки являлись соседними. В какой-то степени являясь мостом между различными районами города, дорога в то же самое время порождает новые разделения в каждом из районов, через которые она проходит. Несложно заметить, что она, таким образом, самым фактом своего существования порождает новое разнообразие. Вскоре после ее прокладки те части города, что когда-то составляли единство, а в результате оказались ею разделенными, обретают каждый свою новую идентичность. Схожая картина наблюдается и в отношении инфраструктурных коридоров, которые, соединяя между собой удаленные страны, в то же самое время создают новые оси разделения, разрывая ткани единого социально-экономического пространства, через которое они проходят, и как бы накладывая поверх существующей сети административных и социальных границ новую паутину линий разграничения.

Необходимо отметить, что в том случае, когда инфраструктурные коридоры ограничивают свои задачи автоматическим соединением двух удаленных друг от друга точек, их ускоренное строительство навряд ли можно считать действительно революционным феноменом. Скорее, они могут рассматриваться только в качестве одного из важных инструментов глобализации, лишь в несущественной степени влияющих на характер ее протекания. Ситуация резко меняется, однако, когда речь заходит о возникающих на их основе поясах развития, теоретическая концепция которых была наиболее ярко проработана в российском проекте создания Транс-Евразийского пояса «Развитие», и которая в наши дни получает свое практическое воплощение в амбициозных китайских планах по строительству «Пояса и Пути». Можно сказать, что обозначенное и там, и там смещение акцентов с географического сопряжения на протяженное во времени развитие позволяет вести речь не просто о *путях*, раскраивающих пространство по новым лекалам, но и о *поясах*, формирующих в переделах того пространства, где они оперируют, новую парадигму смыслов.

В свою очередь, это становится возможным в том случае, когда на основе инфраструктурных коридоров, скрадывающих расстояния и скрепляющих в единую пространственную сеть различные

культуры, возникает особая зона межцивилизационного диалога. Для осуществления последнего, как известно, необходимо наличие свободного, нейтрального пространства между сторонами, вступающими во взаимодействие. В случае его отсутствия любой обмен мнениями превращается в непрекращающееся соперничество монологов, при котором стороны не имеют возможности слышать друг друга, а потому не в состоянии отыскать необходимые компромиссы. Инфраструктурные коридоры, сближающие народы и государства и в той или иной мере сами их вмещающие, но при этом не принадлежащие полностью кому-либо из них, как нельзя лучше подходят для этой роли. В формируемом ими особом пространстве междумирья разнообразная информация, идеи и товары, поступающие туда с разных концов света, а также сами люди, являющиеся их носителями, производителями или потребителями, получают возможность смешиваться, взаимодействовать, обмениваться и проникать друг в друга. Причем происходит это без какого-либо целенаправленного внешнего воздействия. Стало быть, отсутствует риск того, что кто-то один из участников диалога сторон сможет задавать единый тон для всех, определять общее направление развития или, в конечном итоге, экспроприировать в свою пользу результаты совместного труда.

В результате всего этого внешне похожего на хаос броуновского движения разнонаправленных сил рождается новый консенсус, который обретает свою уникальную самость тут же, в рамках, заданных инфраструктурным коридором. Притом что территория этого образованного в результате неуправляемого контакта разнонаправленных сил единства целей, как правило, ограничивается периметром самого коридора, его влияние сразу же начинает транслироваться в окружающее пространство. С одной стороны, оно практически моментально достигает его начальной и конечной точек, ведь движение идей, людей и товаров между ними уже хорошо налажено. С другой стороны, и это, пожалуй, даже важнее, сгенерированные в рамках инфраструктурного коридора новые смыслы начинают постепенно проникать в примыкающие к нему районы, медленно, но верно меняя сам образ их существования. Подобно теплу от проложенной внутри помещения трубы, технологии, информация, товары, и, прежде всего, свежие идеи и подходы начинают исподволь проникать на территории, сквозь которые они путешествуют. Их воздействие, схожее с индуктивным, постепенно приводит в движение все новые и новые цепочки связей, в конце концов, проникая в самые отдаленные уголки Земли. Их жители получают бесценную возможность припасть к техническим, социальным и культурным достижениям любых отдаленных

стран и цивилизаций, не рискуя при этом потерять свою собственную идентичность. Не будет преувеличением сказать, что инфраструктурные коридоры при этом превращаются в настоящие *пояса развития*, совокупность которых создает прочный каркас сопряженного мира, состоящего из связанных в единую сеть самобытных и независимых участников процессов глобализации.

Вышеописанную абстрактную схему легче всего проиллюстрировать на примере железной дороги, проложенной сквозь глухую тайгу между несколькими крупными городами. Сама территория дороги, которая является ареной взаимодействия этих независимых географических и социальных единиц социального ландшафта, приобретает свою собственную, уникальную субъектность и, в конце концов, сама становится культурным и социальным феноменом. В результате, несмотря на то, что ее основной задачей является, как и раньше, налаживание скоростного сообщения между конечными пунктами, положительное влияние дороги на процессы развития прилегающих территорий можно чувствовать за десятки, а иногда и за сотни километров от самой трассы. История КВЖД и та миссия, которую она смогла исполнить столетие назад, при всей ее политической и исторической неоднозначности, является отличным примером успешной работы по воспроизводству новых смыслов и трансформации прилегающей к объектам инфраструктуры территории, приводящей, в конце концов, к появлению пространства общей судьбы. Подобную миссию, как представляется, могут и должны исполнять и современные инфраструктурные коридоры, которые, выйдя за рамки обычных транспортных или логистических цепочек, примут на себя социально-философскую функцию *поясов развития*.

В том случае, если это действительно произойдет, можно будет говорить о том, что в распоряжении человечества окажется действенный метод, который позволит ему вернуть процессам глобализации их исконный, естественный характер, который был сознательно и целенаправленно извращен идеологами глобализма. Процесс интенсификации общения между странами и народами, который в последние годы вышел на новый уровень благодаря научно-техническому прогрессу, сможет способствовать развитию личностного потенциала всех без исключения жителей планеты. Воспользовавшись опоясавшими Землю поясами развития, они смогут в полной мере воспользоваться теми благами, которые несет с собой контакты и взаимное обогащение разных культур. При этом им не придется следовать чьим-то рецептам, подчиняться надуманным регламентам или ставить под угрозу свою идентичность, ведь главным принципом работы и в то же самое время необхо-

димым условием существования для подобного, солидарного типа развития, основу которого составляют инфраструктурные коридоры, будет поощряемое многообразие как источник движения вперед. Именно разнообразие и непохожесть будут создавать ту самую разницу потенциалов, которая станет вечным двигателем новой социально-политической модели глобального развития. Целью же его будет полная реализация человеческих талантов, достигаемая в ходе обмена идеями и информацией, а также взаимного обучения, возможности для чего как раз и предоставят пояса развития.

Многие эксперты соглашаются с тем, что на смену сегодняшней эгоистичной и технократической модели *роста*, которая уже доказала свою полную несостоятельность, должна прийти более гуманная, более эгалитарная и при этом более эффективная модель *развития*, каковой, как представляется, и является модель, описанная выше. При этом большинству из них, выросших в эпоху доминирования западных идеологием и парадигм, не так просто понять, почему с подобными, безусловно, прогрессивными идеями, за которыми легко проглядывается более справедливое и при этом более осмысленное будущее, в настоящее время выступают, в основном, страны Востока и прежде всего Китай. На самом деле, в самом этом факте нет ничего удивительного, ведь, по большому счету, Азия просто возвращает себе место глобального лидера, которое принадлежало ей в течение довольно длительного периода времени. Точнее, принадлежало до той поры, пока европейское Возрождение, эпоха Великих географических открытий и последовавшая вслед за ними Промышленная революция не вывели на мировую авансцену страны Европы. Последовавшее вслед за их военными и экономическими успехами доминирование западной философской традиции, системы ценностей, и как итог, западных институтов и моделей развития было, как представляется, обусловлено самим ходом истории и запросами человечества на тот момент.

К сожалению или к счастью, ни один исторический период не длится вечно, ведь мир находится в плену метаморфоз, подчиняясь неумолимым законам развития. Меняется окружающая среда и те вызовы, что она несет, а новая динамика сложных взаимоотношений между частями целого постоянно обуславливает новую конфигурацию интересов. В результате, на смену одним, казавшимся незыблемыми, истинам приходят им противоположные, а те или иные методы претерпевают коренную ревизию. Баланс сил никогда не остается неизменным. Как представляется, именно к такому моменту смены очередной парадигмы и подошло в настоящее время человечество. Небольшие, постепенные и потому не слыш-

ком заметные невооруженным глазом перемены, происходившие в мировой политике и экономике в течение нескольких последних десятилетий, подготовили смещение глобального центра на восток Евразии — туда, где как феникс из пепла, возродились и обрели давно утерянную силу страны, представляющие обширное цивилизационное наследие Востока. Их резко возросшая экономическая и политическая мощь, усугубленная поразившим Запад экономическим и социальным кризисом, как нельзя лучше совпала по времени с тем периодом развития человеческой цивилизации, когда актуальными стали именно те самые гуманистические принципы, на которых как раз и базируется культура Востока.

А посему нет никакого повода сомневаться в том, что те пояса и пути Евразии, о которых говорят Китай и Россия, Южная Корея и Турция, Монголия и Индия, будут действительно построены и, в конце концов, станут основой нового мирового порядка, в котором найдется место и для западных, и для восточных моделей, но в основе которого всегда будет находиться человек, его личностное развитие и общество, в рамках которого это развитие может быть достигнуто. Не вызывает сомнения при этом, что подобный новый мировой порядок, инициатором построения которого выступают страны Востока, сможет решить многие из тех проблем, которые в настоящее время стоят перед человечеством. А стало быть, путь к прекращению страдания действительно существует...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ

Многие считают, что современный мир входит в новую фазу развития, которую определяет случившийся в последнее время прорыв в информационных технологиях. Те преобразования и новые возможности, которые несет за собой «цифровизация» различных сфер социальной жизни, позволяют говорить о коренном преобразовании материальной инфраструктуры и даже о формировании новой экономической модели — «цифровой экономики».

Явление «цифровизации» настолько многогранно и настолько динамично, что социальные науки и философия даже не успевают их осмыслить — новые порядки формируются спонтанно, вне строгих концепций и планов, преобразуя социальные ландшафты, упраздняя государственные границы и национальные идентичности. Именно «цифровой» вызов глобализации является самым сложным для национального государства, которое просто еще не научилось контролировать эту неосозаемую и весьма текучую субстанцию, а часто не обладает ни пониманием, ни техническими возможностями это делать. По аналогии с железными дорогами, которые в XIX и XX столетия стали инструментами строительства, развития и поддержания империй¹, цифровая инфраструктура с ее материальными носителями, технологиями и, самое главное, принципиально новыми платформами и стилями коммуникации, становится вызовом не только для суверенитета национального государства, но и для человека. Где кроется подлинная свобода и определяется истинная идентичность: в словесных баталиях «диванных войск» под анонимным аватаром или в реальной жизни утратившего жизненные перспективы «реднека» и «евроскептика»? Что важнее — суверенитет государства над персональными данными своих граждан или тайна переписки в социальных сетях и мессенджерах?

¹ См. подробнее: *Railway Imperialism* / Edited by Clarence B. Davis and Kenneth E. Wilburn, Jr., with Ronald E. Robinson. Westport, CT.: Greenwood Press, 1991. 225 p.

Рискнем вызвать огонь критики со всех сторон — правильных ответов на эти вопросы сейчас просто не существует, так как человеческое общество еще не смогло их выработать и о них договориться. А когда сможет и выработает, вполне возможно, для каждого государства эти ответы будут разными, и каждый из них будет правильным, и этот выбор окажет серьезное влияние на развитие стран и континентов. Как, например, оказал и оказывает до настоящего времени выбор русского царя ширины железнодорожной колеи для Российской империи. Это пример того, как внедрение технических инноваций осуществлялось с учетом не только их возможных преимуществ, но и потенциальных рисков, в данном примере — связанных с военной безопасностью и возможностями быстрой переброски войск с Запада в случае агрессии против России. Сейчас никто точно не скажет, какой вклад внесло это решение в сохранение и дальнейшее развитие Российской империи, но явление широкой железнодорожной колеи, «колеи 1520», оказалось намного шире сугубо технологического вопроса. В настоящее время это отраслевое, деловое и даже в какой-то мере культурное сообщество, существующее на пространстве бывшей империи и Советского Союза.

Своеобразным аналогом этого решения в современном мире является китайский «Золотой щит», который, как и широкая российская колея, изначально создавался из соображений национальной безопасности и теперь надолго определит параметры развития не только китайского сегмента интернета, но и особенности социальных процессов и даже бизнес-моделей. Вполне возможно, что без такого рода решений многие общества в условиях цифрового бума рискуют оказаться в роли индейцев, вымерших от заболеваний, привезенных с собой европейцами. При этом, решения везде могут быть разными и совершенно не обязательно настолько жестко протекционистскими.

Возможности и риски от внедрения новых технологий всегда идут рука об руку. Например, внедрение искусственного интеллекта способно не только резко увеличить производительность труда, но и оставить множество людей без работы. В таких изменениях можно увидеть как риски — например, безработицы и снижения уровня жизни, так и возможности — например, дать людям новую квалификацию, освободить от тяжелой и рутинной работы, предоставить возможности для творчества. Иными словами, как призывает Джек Ма — не соревноваться с машинами, а продолжать быть людьми и делать то, что машины делать не в состоянии.

Неизбежная при этом неравномерность развития может не только сгладить существующее неравенство между странами, но и усугубить его, так как в условиях открытых границ наиболее активные

и талантливые люди будут перемещаться туда, где для их развития будут наилучшие возможности. Именно об этих рисках говорил Президент Российской Федерации в своем послании 1 марта 2018 года: отставание в развитии технологического потенциала, в обеспечении качества жизни и благополучия людей ведет к «ослаблению, размыванию человеческого потенциала», «привлекательные жизненные условия будут создаваться в других странах»... «куда будут уезжать молодые, образованные, талантливые люди, а вместе с ними общество будет терять жизнеспособность и энергию развития»². В этих условиях новые транспортные коридоры, без создания вокруг них пространств развития, могут стать воронками, вытягивающими жизненную энергию из одних стран в пользу других.

Поэтому особое значение приобретет возможность того или иного государства и региона быстро использовать новые возможности, а не препятствовать их внедрению. Речь идет именно о создании соответствующей среды, институтов и механизмов, обеспечивающих такое развитие — это проблема, которая лежит в сфере государственной политики, социального и политического проектирования. Проблема неспособности провести такие преобразования будет усиливаться проблемой утечки тех, кто мог бы это сделать, в том числе тех, кто был бы способен оказывать соответствующее давление на центры принятия этих решений.

Люди, человеческий потенциал, таким образом, превращаются в один из главных ресурсов развития, а умение им управлять (создавать, воссоздавать, привлекать, концентрировать, перераспределять) — важнейшим конкурентным преимуществом государства. В условиях, когда использование принудительных и ограничительных мер оказывается чрезвычайно затрудненным, на первый план выходит умение выявлять и/или формировать потребности и возможности людей и предлагать им адекватные механизмы их удовлетворения и развития, соответственно. Развитие материальной инфраструктуры становится вторичным по отношению к этой задаче — такое развитие приобретает значение только тогда, когда позволяет решать задачи более высокого уровня, связанные с улучшением качества жизни по тем направлениям, где существует высокий уровень ожиданий этих улучшений, с предоставлением возможностей для развития там, где есть соответствующая потребность.

В условиях большого разнообразия соответственно потребностей, возможностей и запросов на развитие, мы получаем очень

²Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

сложную систему управления, которая должна обладать высоким уровнем аналитического обеспечения (для выявления и оценки актуального состояния) и рефлексивности (то есть развитой системой обратных связей для оценки эффектов от соответствующих решений и действий).

Существенную помощь в решении этих задач могут оказать современные технологии. Так, например, сбор и обработка больших данных могут дать новые инструменты для оценки статистики и динамики тех или иных процессов, социальные сети и интерактивные системы i-democracy могут существенно повысить эффективность механизмов «обратной связи». В совокупности правильная организация и использование этих технологий способны существенно повысить эффективность или даже полностью видоизменить традиционные политические процессы и институты на центральном, региональном и местном уровнях.

Проведя аналогии с четвертой промышленной революцией, можно сделать предположение о том, что государственная политика пойдет по пути существенной децентрализации, когда, например, вместо мега-предприятий и мега-проектов будет развиваться система распределенного производства с использованием политико-управленческих «аналогов 3Д-принтеров» — компактных, зачастую локальных политико-управленческих проектов, дающих высокий локальный эффект (прежде всего — за счет высокой поддержки и вовлеченности населения) и при этом обладающих чрезвычайно высоким синергетическим потенциалом (за счет наличия в них потенциала и интерфейса «сопряжения» с другими аналогичными проектами). Именно из таких проектов, как из элементов конструктора, могут впоследствии собираться крупные проекты развития, формирующие, в том числе, материальную инфраструктуру «путей и поясов» развития именно там и таким образом, как это востребовано в данный момент в данном регионе людьми, его населяющими. Такой «паззл-проектный» подход, «управленческое Лего», будет сочетать высокий уровень управленческой эффективности, основанный на достижениях современного менеджмента и информационных технологий, с высоким уровнем социальной поддержки и низкими политическими транзакционными издержками. Иначе говоря, он будет обеспечивать синергию активной поддержки и вовлеченности местного населения, в том числе локального бизнеса и местных властей, с планами и ресурсами центрального правительства и международных экономических акторов.

Вполне возможно, что это именно тот концептуальный стержень, которого не хватает сейчас китайской инициативе для того,

чтобы стать действительно глобальной моделью развития, способной раскрыть безграничный потенциал «атома-человека», подобно тому, как в XX веке ученым удалось извлечь энергию атома. Способна ли Россия создать проектную документацию для последующей распечатки при помощи китайских 3-Д принтеров поясов развития по всей Евразии?

Вот в чем вызов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РАЗРУШИЛ СССР	3
Глава первая	
СТРАДАНИЯ ПО ГЛОБАЛИЗАЦИИ	7
Глобализм: история болезни	8
Глобализм: этиология и патогенез	14
Глобализм: результаты	22
Восточная альтернатива	30
Глава вторая	
«АЛЬТЕРНАТИВА С ВОСТОКА»: СМЕНА ПАРАДИГМЫ ИЛИ ЛИДЕРА?	41
Краткая история «Пояса и Пути»: от декларации к институ- лизации	41
Миссия: реформирование процессов глобализации	48
Сущность: процветание как идеология	55
Механизмы: пояса развития и союз сердец	64
Цели: устранение дисбалансов и сообщество единой судьбы	70
Риски	79
Международные перспективы	86
Глава третья	
НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НА СЦЕНЕ: ПЕСТРАЯ КАРТИНА ЕВРАЗИЙСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	101
«Евразийская инициатива» Республики Корея	106
«Партнерство для качественной инфраструктуры» Японии	115
Интеграционное многоголосие Индии: хлопок, специи и муссон... ..	123
Центральный коридор Турции: срединный путь	133
Коллеи в степи: многовекторная политика Казахстана и Монголии ...	138
Большие идеи большой страны: российские интеграционные проекты	147
Восточные концепции интеграции: единство в многообразии	156
Глава четвертая	
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ КОРИДОРЫ РАЗВИТИЯ – СВЯЗЫВАТЬ, НЕ ПРИВЯЗЫВАЯ	159
Искусство глобализации	159
Контуры глобальных трансформаций: восточная модель	165
Трансграничные коридоры развития	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ	186
	191

Научное издание

**Михалев Максим Сергеевич
Якунин Владимир Иванович
Вилисов Максим Владимирович**

ПОЯСА И ПУТИ ЕВРАЗИИ

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

Редактор *Е.Ю. Федорова*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Корректоры *А.Б. Васильев,
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 14.06.2018

Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 12,5

Тираж 500 экз. Тип. зак.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6